

Б.В. Норик

ДНЕВНИК В.А. КОСАГОВСКОГО ЗА 1894–1895 ГОДЫ

Избранные отрывки. Часть 1

В Архиве востоковедов ИВР РАН хранится так называемый «Тегеранский дневник» В.А. Косаговского (1857–1918), начавшего свою службу в Тегеране в 1894 г. в чине полковника и закончившего её в 1903 г. в чине генерал-майора. Что касается названия «Тегеранский дневник», то оно наполовину атрибутивно. Дело в том, что сам автор не дал своим пространным дневниковым записям какого-либо названия, в отличие от его литературных трудов, обладающих всеми необходимыми атрибутами. Однако название «дневник» вполне обосновано, поскольку встречается на отдельных листах-вкладышах, появившихся во время первичного упорядочивания автором его масштабных по объёму записок. Аттестация же дневника как «тегеранского» носит атрибутивный характер, но при этом более чем оправдана, поскольку автор вёл дневник как в период службы на Кавказе, предшествовавшей длительной командировке в Персию, так и по завершении последней. Отметим, что объём дневниковых записей, относящихся к тегеранскому периоду, заметно превышает прочие (насколько можно судить по материалам АВ ИВР РАН и РГВИА).

Первой попыткой издать часть «Дневника» В.А. Косаговского следует считать работу Г.М. Петрова «Из тегеранского дневника полковника Косаговского», вышедшую в 1960 г., поскольку две публикации в журнале «Новый Восток» (№ 3 и 4 за 1923 г.) представляют собой сочетание дневниковых заметок, писем и «посттегеранских» отчётов автора. Г.М. Петров отдаёт предпочтение извлечениям из дневников за 1896–1898 гг., относящимся к социально-экономической жизни Ирана. При этом во введении он ограничивает весь дневник именно данными хронологическими рамками, правда, оговаривая возможность наличия дневниковых

записей и за другие годы. И действительно, в АВ ИВР РАН имеются дневниковые записи В.А. Косаговского, относящиеся ко всему периоду его службы в Персии. В этой связи особый интерес вызывают записи, относящиеся к 1894 и 1895 гг., так как дают представление о первых шагах полковника Косаговского на посту командира Персидской Е.В. Шаха казачьей бригады.

Текст дневника записан на крупноформатной бумаге русского производства (напр., «Каменская № 4, б», «Адищевской фабрики № 4», «Татаровской Протасьева») размером 34,2×22 см. Лист поделён на две колонки. Основной текст дневника (как, впрочем, и подавляющего числа прочих документов автора) записан в левой колонке с обеих сторон листа. В правой колонке В.А. Косаговский помещал дополнительный текст (иногда текст в правой колонке служит продолжением основного) и примечания. Если примечание было одно, то автор обозначал его крестиком в кружке. Если же примечаний было несколько, то они обозначались арабской цифрой в кружке. В некоторых случаях текст примечаний помещался между колонками. Абзацы отмечаются с помощью тире.

Следует иметь в виду, что текст дневника далеко не всегда представляет собой связное повествование с плавным перетеканием событий из одного в другое. Здесь попадаются и черновики писем, и их чистовые варианты, и документы (в частности, составленные другими лицами). Иногда текст в начале одного листа не связан с текстом предыдущего, что создаёт впечатление перебивки или утраты листов. Скорее всего, эти несоответствия являются результатом технической обработки фонда, когда листы вкладывались друг в друга без проверки их логической последовательности: в настоя-

щий момент едва ли можно говорить об авторской компоновке содержимого архивных дел, поскольку неизвестно, каким образом и в каком виде архивные документы В.А. Косаговского были переданы в Архив востоковедов ИВР РАН. Дело в том, что обширное наследие нашего автора разделено между АВ ИВР РАН, РГВИА и Валдайским музеем. При этом как материалы АВ ИВР РАН, так и материалы РГВИА показывают, что нередко одни и те же события описывались В.А. Косаговым по несколько раз, один чистовой вариант мог иметь несколько черновых и даже один «условно» чистовой. Кроме того, автор не влагал тетради друг в друга: в них вкладывались письма, отчёты и прочие документы, что отразилось на пагинации при обработке архива, в результате чего продолжение текста одного листа может находиться на несколько листов далее.

Надо сказать, что своими дневниковыми записями В.А. Косаговский занимался довольно регулярно. При этом в публикуемом тексте имеются эпизоды, содержащие анахронизмы. Так, например, под 27 марта 1895 г. наш автор упоминает о событии, случившемся 6 декабря 1895 г. (см. л. 35–35об.). Судя по всему, в данном случае речь должна идти об описке и вместо 6 декабря 1895 г. автор вспоминал о 1894 г. Иначе нам придётся допустить, что о событиях 27 марта 1895 г. полковник Косаговский писал уже после 6 декабря 1895 г. Столь значительный временной разрыв не в характере автора «Дневника», и если всё же «1895 г.» не является опиской, то, скорее всего, мы здесь имеем дело с чистовой обработкой черновых дневниковых заметок (последние имеются и в публикуемом материале: см., например, л. 18об.). Другим случаем является упоминание 30 марта 1895 г. о займах, взятых 6 и 16 апреля 1895 г. (л. 41–41об.). Однако на сей раз временной разрыв не так уж велик.

Таким образом, можно говорить о следующей схеме работы нашего автора: сначала, как правило, писались черновые наброски (иногда третьими лицами), а затем, по мере наличия свободного времени, – чисто-

вые заметки. Последние также могли иметь «условно чистовой» вариант. Периодически встречающаяся запись событий «по нисходящей» также говорит в пользу существования некоторого временного разрыва между событием и его фиксацией: естественно, что автор начинал с того времени, которое ближе к нему.

Характеристика Дневника за 1894–1895 гг.

22 февраля 1894 г. В.А. Косаговский был назначен Заведующим обучением персидской кавалерии. Получению этой должности предшествовал период ожиданий и надежд честолюбивого офицера, мечтавшего о серьёзном и масштабном деле. Так, ещё в 1889 г., когда встал вопрос о замене полковника Кузьмина-Караваева¹, наш герой пытался получить это назначение. Во время одной из посиделок, в которой участвовал и генерал-майор Зеленой², Косаговский укоряет его в том, что он назначает командиром Персидской казачьей бригады полковника Шнеура³, при том, что последний вот-вот должен был получить полк. На это Зеленой возражает: «Да помилуйте – ведь Вы хотите в чине капитана занять место, принадлежащее старым полковникам». Однако наш капитан не успокаивается: «Позвольте, скажу откровенно, кто больше пригоден: мне 32 года, служил в гусарах, командовал эскадронном, человек, не задумывающийся ни перед чем, холостой, 2 аршина 12 вершков росту, здоровый и **чувствующий себя способным** выполнить с честью это трудное назначение. А что я капитан, так никто не мешает назначить меня с производством в подполковники, тем более что я уже 5 лет капитан»⁴. Претензии В.А. Косаговского поддержал хирург Карпейщиков⁵, который обнял Зеленого и сказал: «Душа моя, а ведь капитан кругом прав – пошли ты его, голубчик». Однако Зеленой ушёл от продолжения этого разговора, да и сам Косаговский понял, что заметно превысил допустимые приличия, и умолк (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 21–21об.).

И всё же, наконец, в письме генерал-адъютанта С.А. Шереметева⁶ Н.Н. Обручеву⁷ наш герой получает необходимую характеристику: «...кроме того, как сейчас упомянуто мною, кандидаты на должность эту мною избираются заблаговременно и к ней подготовляются изучением языка, самой страны, её вооружённых сил. Из двух таких кандидатов на занятие этой должности, Генерального штаба полковник Рутковский и подполковник Косаговский, особенное внимание обращает на себя последний, владеющий хорошо иностранными языками и изучавший как персидский язык⁸, так и азербейджанское наречие языка татарского, основательно ознакомившийся со страной по имеющимся описаниям, а отчасти и во время неоднократных поездок своих в Персию⁹; как прекрасный строевой кавалерийский офицер, сделавший на коне последнюю Турецкую кампанию; он столь же по умственным и нравственным качествам, сколько и по своей внешней представительности и крепкому здоровью¹⁰, несомненно, не только поддержит, но и ещё более поднимет строевое обучение в бригаде» (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 7–8).

В мае 1894 г. полковник В.А. Косаговский прибыл в Тегеран и принял Казачью бригаду.

Сразу необходимо заметить, что события 1894 г. в «Дневнике» представлены достаточно слабо. Имеющиеся в Архиве востоковедов ИВР РАН материалы находятся в деле, содержащем записки за 1895 г. На первый взгляд, это кажется достаточно странным: если принять во внимание «литературную активность» и педантичность В.А. Косаговского, то мы должны располагать довольно подробными записями, начиная примерно с середины 1894 г. Отсутствие же таких заставляет предположить их наличие в числе материалов РГВИА и Валдайского музея. Подтверждением тому могут служить посвящённые 1894 г. отрывки из разрозненных дневниковых записей, хранящихся в РГВИА, где, например, события смотра 1 декабря 1894 г. описаны более подробно, нежели в «Дневнике» АВ ИВР РАН.

Итак, каковы же основные темы, затрагиваемые В.А. Косаговским в его дневниковых заметках за 1894–1895 гг.?

Здесь в первую очередь необходимо коснуться взаимоотношений нашего автора с ротмистром В.К. Бельгардом, которого наш автор нередко вспоминает, неизменно в отрицательном контексте.

Ротмистр Бельгард принял бригаду в мае 1893 г. после полковника Шнеура и начал активную деятельность по изменению существовавших в ней порядков. Помимо повышения уровня кавалерийской подготовки, он уделял особое внимание приведению в порядок хозяйственных дел Бригады, а также занялся изучением страны, собрав немало полезного материала. Так, в «Извещении временно заведующему Персидской казачьей бригадой ротмистру Бельгарду из Штаба Кавказского военного округа от 25 августа 1893 г. №287» генерал-лейтенант Зеленой сообщает, что все рапорты Бельгарда, в том числе и о приёме бригады, в штабе получены, а также пишет следующее: «Скорое представление отчётности, лестный отзыв нашего Посланника о Ваших целесообразных действиях по управлению бригадой, образование офицерского эскадрона, наконец, разумное и уместное требование дисциплины по поводу “беста” побуждают меня выразить Вам свою благодарность и надеяться, что это есть только начало к дальнейшему усовершенствованию порядков бригады и её отчётности...» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 2). В своём приказе №183 от 13 апреля 1894 г. Зеленой пишет Бельгарду: «Ввиду назначения на пост заведывающего обучением Персидской кавалерии Генерального Штаба подполковника Косаговского, который имеет принять от Вас в своё заведование вместе с Персидской казачьей бригадой и военную агентуру в Персии, а также и все дела по военной агентуре в Персии для дальнейшего их ведения и вообще направления действий военной агентуры, считаю приятным долгом выразить Вашему Высокоблагородию, по поручению временно-командующего войсками округа, благодарность как за личные труды Ваши по военной

агентуре за время заведывания ею, результатом которых были представленные Вами в Главный Штаб и в Отдел Генерального Штаба весьма обстоятельные и подробные сведения о Персидской армии и доставленные в Отдел Генерального штаба маршрутные описания некоторых направлений¹¹, так и за заботы Ваши по приобретению карт Персии у г-на Шталя, представляющих весьма ценный материал для Военно-топографического отдела Кавказского военного округа, и разработку Вами отчасти означенного материала в смысле составления маршрутных описаний по картам г-на Шталя» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 14).

Каковы же были претензии В.А. Косаговского к В.К. Бельгарду? Главным обвинением служило то, что последний взял в Ссудном банке частный заём на 1000 *туманов*, прибавив к ним 800 *туманов* из бригадной кассы. Однако, как оказалось впоследствии, ротмистр Бельгард имел возможность погасить указанный заём в случае продолжения службы в Тегеране, но полковник Косаговский начал свою «разоблачительную» кампанию до истечения срока погашения долга¹². Автор «Краткого очерка отношений полковника Косаговского к ротмистру Бельгарду»¹³ констатирует предвзятую враждебность Косаговского по отношению к Бельгарду: он поносил последнего даже перед незнакомыми людьми, а также вообще отрицательно отзывался о деятельности предыдущих офицеров. Приняв у Бельгарда бригаду 18 мая 1894 г., Косаговский отдал приказ с благодарностью ротмистру, а через несколько дней в присутствии поверенного в делах заявил о своём нежелании продолжать с ним службу. Было решено, что рапорт об отчислении от Бригады Бельгард подаст в марте 1895 г. После этого ротмистр успешно выполнил ряд поручений полковника Косаговского, выразившего одобрение его деятельности. При этом Косаговский настойчиво требовал в Миссии отчисления Бельгарда, утверждая, что имеет указания руководства Кавказского военного округа уволить его без объяснения причин (этому противоречат приведённые выше слова ге-

нерал-лейтенанта Зеленого). Более того, он не допустил ротмистра до военного смотра, сказав, что если смотр пройдёт удачно, то это будет неприятно Бельгарду, а если неудачно, то окажется неприятно ему, Косаговскому. Ротмистр находился едва ли не в изоляции: так, в период его болезни с 25 июля по 20 августа 1894 г. его посетили только несколько человек, да и то украдкой (Н.А. Орановский¹⁴ позже повинулся, признавшись, что боялся навлечь на себя гнев полковника). 20 августа 1894 г. Бельгард попросил Посланника отчислить его от Бригады. 31 августа того же года состоялся приём в Российской миссии, на который были приглашены русские офицеры. На этом приёме с Бельгардом довольно долго разговаривал Амин ас-Султан¹⁵, выражая сожаление по поводу отъезда ротмистра. Разговор шёл поперсидски. Всё это привело полковника Косаговского в ярость, и он отменил назначенный на следующий день обед в честь Бельгарда, даже не предупредив последнего. В итоге ротмистр отбыл из Тегерана, даже не попрощавшись с Бригадой. Автор «Краткого очерка» пишет: «Столь позорно не уезжал ещё, в течение 14-летнего существования бригады, ни один из русских офицеров-инструкторов. Прощание с бригадой и прощание по ... церемониалу русских офицеров там вошли в обычай». Автор упомянутого очерка характеризует деятельность В.К. Бельгарда весьма положительно: «Результатом годового командования ротмистра Бельгард явилось: 1) Заведение русской отчётности по хозяйству бригады; 2) Увеличение бригадного бюджета...; 3) Возвращение бригаде и русским инструкторам расположения Его Величества Шаха; 4) Ряд дел по военной агентуре явились результатом прилежной работы ротмистра Бельгард...».

Прибыв в Тифлис, ротмистр Бельгард узнал, что 19 августа 1894 г. полковник Косаговский отправил в Штаб Кавказского военного округа рапорт №26, в котором подвергал деятельность ротмистра резкой критике¹⁶ (при том, что 31 августа выдал ему аттестат на производство в штаб-офицеры). В итоге автор «Краткого очерка» задаётся

вопросом: если полковник Косаговский был так убеждён в вине ротмистра Бельгарда, как он изложил в своём рапорте, то почему не отчислил его немедленно, но разыгрывал «всю эту комедию»? (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 66–70).

На стороне ротмистра Бельгарда выступил российский посланник Е.К. Бюцов¹⁷. В результате началось расследование данного инцидента, о нём были информированы военный министр¹⁸ и даже сам император Александр III. Расследование выяснило, что на отчисление ротмистра Бельгарда повлияло желание полковника Косаговского назначить на его место есаула Сушкова. Кроме того, выдача аттестата на производство в штаб-офицеры всего через несколько дней после подачи «обличительного» рапорта №26 говорит о том, что у Косаговского не было достаточных оснований для отчисления Бельгарда. Не подтвердился факт отрицательного отношения к ротмистру руководства штаба Кавказского военного округа. Установлено, что хозяйственная деятельность ротмистра Бельгарда, принесшая положительные плоды, искажена Косаговским и подана как преступление. При этом в рапорте №2 от 15 января 1895 г. и письме Бельгарду полковник Косаговский в значительной степени противоречит своим прежним утверждениям и ходатайствует об освобождении ротмистра от ответственности (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 119–122).

В итоге военный министр вынес «соломоново» решение, сохранив *status quo*, но освободив ротмистра Бельгарда от дальнейшего преследования.

Другими действительно важными проблемами, с которыми пришлось столкнуться полковнику Косаговскому, были так называемый «мухаджирский» вопрос и общее плачевное финансовое положение бригады (об этом см. предыдущую публикацию¹⁹). Во всех этих вопросах Косаговскому удалось добиться положительных сдвигов.

Эти победы, одержанные в 1895 г., оказались только началом напряжённой борьбы полковника Косаговского за превращение

Персидской казачьей бригады в действенный инструмент русского влияния в Персии. Однако именно они заложили прочный фундамент для успешного выполнения им поставленной задачи.

Принципы публикации текста

Материал публикуется по: АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 1. Текст приведён в соответствии с современной орфографией и пунктуацией (поскольку в нём не так много архаизмов и он совершенно понятен нынешнему читателю). Наиболее очевидные ошибки и опiski исправляются. Перечёркнутый текст, как правило, помещается в текстуальных примечаниях, а иногда вносится в основной текст. Недописанные перечёркнутые слова в текстуальных примечаниях не отражаются. В некоторых случаях слишком длинные предложения разбиваются на две части, если это никак не нарушает смысла и интонации и точка воспринимается лишь как краткая цезура (как правило, это – точка вместо точки с запятой). Подчёркнутые слова выделяются жирным шрифтом. Двойное подчёркивание передаётся выделением и подчёркиванием.

Имена собственные приводятся в той форме, в которой они употребляются в оригинале (исключение составляет небольшое количество имён, к числу которых относится имя шаха Насер ад-Дина, которого наш автор называет Наср ад-Дином). Разнобой в именах собственных исправляется (в текстуальных примечаниях отражается нехарактерный для нашего автора вариант). Правда, следует заметить, что наш генерал отличался завидным постоянством в передаче имён. Иное написание имён и терминов в документах, «авторство» которых не принадлежит Косаговскому, будет сохраняться. Понятные издателю наиболее очевидные сокращения раскрываются без скобок, остальные – в скобках. Названия месяцев пишутся со строчной буквы (за некоторым исключением), их сокращённые варианты раскрываются без скобок. Восточные термины и слова выделяются курсивом. Некоторые назва-

ния приведены к принятым ныне формам (например, Астарабад = Астрабад), поскольку в тексте встречаются оба варианта.

Номер листа приводится по окончании его текста. Примечания автора (помещаемые им, как правило, в правой половине листа и обозначаемые либо крестиком, либо цифрами в кружочках) или дополнения к основному тексту (также помещённые на правой половине листа без каких-либо условных обозначений) даются в основном тексте в прямых косых скобках (если внутри дополнительного текста окажутся иные примечания, то этот текст заключается в двойные косые скобки, а примечания – в одинарные). В начале текста примечания будут помещены его авторское обозначение в верхнем регистре (например, /¹ или /^А). Комментарии исторического характера помечены арабскими цифрами и приведены в концевых сносках. В случае, если издатель сочтёт необходимым представить свой вариант перевода писем, рапортов и пр., это будет сделано в концевых сносках.

В самой своей основе текст приводится в соответствие с фактической нумерацией листов. В случае установления смысловой связи фрагментов, разделённых иным по тематике текстом, они будут объединяться. Случаи следования дат не по порядку, как правило, исправляются, но иногда оставляются без изменений (например, в случае отсутствия прямого указания на месяц).

Даты, как правило, приводятся по григорианскому летоисчислению (по старому стилю; в случае приведения дат по новому стилю это отмечается). В случае необходимости приведения дат лунной и солнечной хиджр они будут обозначаться соответственно – л.х и с.х.

В случае включения текста из РГВИА даётся полная ссылка, чтобы отличить отрезок от АВ ИВР РАН.

В случае значительного искажения мусульманских имён правильные варианты приводятся в текстуальных постраничных примечаниях.

<> – текст, добавленный по смыслу издателем.

В.А. Косаговский. Дневник. 1894–1895 гг.

Диспозиция манёвра на смотре Его Величества Шаха. 3-го сентября 1894 года. Лагерь Каср-э-Каджар.

Бригада заезжает повзводно налево-кругом и уходит к Тегерану. Позади от Низам-Абада показался неприятель. Тогда бригада снова заезжает повзводно налево-кругом и останавливается. Офицерский эскадрон карьером рассыпается лавой перед фронтом для наблюдения и противодействия противнику. Наша артиллерия опоздала поддержать бригаду своим огнём, поэтому казаки под прикрытием офицерского эскадрона спешиваются, образуя две линии – эскадроны в шахматном порядке. Офицерский эскадрон карьером очищает фронт и собирается на правом фланге для прикрытия стрелков. Первая линия эскадронно стреляет залпами, но неприятель держится упорно, поэтому вторая линия эскадронов бегом спешит вперёд на помощь первой, заполняет интервалы и все стреляют одновременно. Наконец, подоспевает наша артиллерия, выносятся в карьер в интервалы между спешенными эскадронами и открывает огонь. Под прикрытием огня артиллерии коноводы карьером подают лошадей, бригада садится шашки наголо, эскадроны проскакивают между орудиями и несутся в атаку на неприятеля.

2. Опрокинув неприятеля, бригада возвращается к Тегерану, но она опасается нового нападения на свой правый фланг и потому отступает уступами поэскадронно с правого фланга.

Неприятель вторично показался против нашего правого фланга. Тогда артиллерия снова проскакивает в интервалы между эскадронами и опять открывает огонь. Бригада быстро заезжает повзводно налево-кругом, затем каждый эскадрон заходит левым плечом вперёд, и казаки снова несутся в атаку на неприятеля.

3. Вторично опрокинув неприятеля, вся бригада выстраивается в полковую эскадронную сомкнутую колонну справа и вытягивается вдоль шоссе для церемониального марша.

4. Церемониальный марш.

5. Джигитовка. Прыгание через препятствия. Стрельба с коня по воспламеняющимся чучелам.

Командир бригады» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–2)

27 ноября <1894 г.> Воскресенье. Боровский. Адьютант-баши²⁰ объявил, что в четверг 1го декабря – смотр. Я наружно отнёсся к этому равнодушно, но сам немедленно послал за всеми командирами частей и в ту же ночь послал в Мазлаган²¹ телеграмму, а в Арабабад²², Бабасальман²³ и Иштаард²⁴ – гонцов для сбора отпусковых²⁵.

28 ноября. Пользуясь тем, что плац свободен (понедельник), произвёл репетицию – довольно хорошо²⁶.

29 ноября. Выждав, когда *сарбазы* и артиллеристы ушли, я просил Наиба-эс-Сальтанэ²⁷ сделать предполагаемую мною репетицию. Наиб-эс-Сальтанэ встал на том самом месте, на котором предполагалась палатка Шаха²⁸, и я искусно показал ему бригаду. Наиб-эс-Сальтанэ остался в восхищении²⁹.

30 ноября. Пришли арабабадцы и бабасальманцы. Бригада отдыхает и готовится к смотру: но зато *сарбазов* и артиллерию гоняли с раннего утра до поздней ночи (л. 11а)³⁰.

Гаспару Николаевичу Блюмеру³¹
В С. Петербург
1го декабря 1894 года

Глубокоуважаемый Гаспар Николаевич, Николай Алоизович³² передал мне, будто Вы сердитесь на меня за долгое молчание, приписывая его какому-то неудовольствию с моей стороны.

Насколько мне помнится, скоро исполнится уже 14 лет с тех пор, как мы с Вами сидели на одной скамье (в самом буквальном смысле, так как Вы, Молчанов, Колюбакин³³, Дебеш, Гутор и я составляли даже одну партию в Академии³⁴), у нас существовали и, Иншалла³⁵, и будут существовать самые товарищеские отношения. Что я не писал Вам всё это время, то, посудите сами,

прав ли я был или нет: единственной темой всех наших писем, естественно, должна была быть Персидская казачья бригада или всё то, что имеет к ней более или менее близкое отношение. Сообщая же Вам сведения про бригаду, так ещё недавно мною принятую, мне, прежде всего, приходилось бы начинать с ротмистра (л. 225) Бельгарда³⁶, который благодаря своему девизу «Цель оправдывает средства» в соединении с необузданным самомнением и заносчивостью, возрастающим при малейшем успехе до размеров поистине колоссальных, создал и самому себе, и всем нам такое исключительное положение, при котором дальнейшее пребывание его в Персии сделалось невыносимым.

Зная (правда, с чужих слов), что Вы были в дружеских отношениях с ротмистром Бельгардом (хотя и был всегда глубоко убеждён, что **только наружно**), я боялся, как бы ради некоторой разности наших взглядов не утратить в Вашем лице своего доброго старинного товарища, однокашника и добροжелателя.

За это короткое время пришлось отбыть три Высочайших смотра, о счастливых результатах коих Николай Алоизович, вероятно, уже подробно сообщал Вам. Завтра предстоит новый смотр Шаха – в этом году уже 4ый (л. 225об.).

К несчастью, Николаю Алоизовичу вряд ли удастся на нём присутствовать, так как третьего дня лошадь его поскользнулась, упала и придавила ему ногу. Вчера Наиб-эс-Сальтанэ, делая предварительный смотр, сразу заметил, что батареей командует не капитан Орановский³⁷. Узнав, что он расшибся, выразил по этому поводу своё искреннее соболезнование.

Как видите, Вы можете успокоиться за судьбу Персидской казачьей батареи и гордиться тем, что преемник Ваш не без блеска и симпатий продолжает дело, у которого Вы стояли столько лет.

До свидания, глубокоуважаемый Гаспар Николаевич. Надеюсь, Вам более никогда не будут приходить в голову чёрные и несправедливые мысли о том, что, будто, я имею или имел что-либо против Вас, особенно,

если припомните, как я искренно и от всей души распинался, уговаривая Вас остаться в Персии и продолжать службу совместно со мною.

Всегда Ваш,
В. Косаговский (л. 226)

Павлу Людвиговичу Хелмицкому³⁸
в г. Тифлис
1го декабря 1894 года

Дорогой дружище Павел Людвигович, Маркс, которому передай мой сердечный привет, пишет, что Елена Алексеевна³⁹ появилась на свет Божий маленького Хелмицкого. От всей души радуюсь твоей радости и счастлив твоим счастьем. А то я начал было отчаиваться, что Вы пустоцветы и что благородный твой род безвременно угаснет. Труден только первый шаг. Теперь же я искренно убеждён, при помощи Божьей, Елены Алексеевны и твоей, у Вас, Иншаллах, как из рога изобилия посыпятся малчики⁴⁰ обоего пола.

Мне и самому надоело быть пустоцветом, особенно с тех пор, как я, вступив на персидскую почву, окончательно забыл и вино, и пупочек⁴¹.

Дела по имению приходят, наконец, в желаемый мною порядок. Но как подумаешь, что всё добро брошено на произвол судьбы, и всё моё наследие предков Бог весть кому достанется, так душа и не на шутку занотет (л. 227).

Девушка Елена⁴² тоже радуется за тебя и просит супругу поздравить, а тебя расцеловать.

Прости, что пишу мало: так тяжело, что боюсь, как бы не расхныкаться. Эх, тяжело, брат, иметь тяжёлое начальство... Ну да никто как Бог! Слава Аллаху, что хоть с бригадой налаживается помаленьку: /^хпервым делом исключил из бригады более сорока человек хромых, кривых, слепых, почти всех курильщиков терьяка (опиума) и почти поголовно персов, заменив их курдами, шахсеванами, карапапахами (у мадам Шнеур⁴³ в доме было 14 человек пешей прислуги – все из бригадных же казаков. Теперь же⁴⁴ двое

конных: денщик-курд, подав самовар, и вестовой из Карадага⁴⁵, вычистив сапоги, летят на учение и там джигитуют вверх ногами. Елена, заперев всю квартиру на замок, идёт в казарму и, залезши с урядничихами на плоскую крышу артиллерийского сарая, критикует учение *сарбазов*, с гордостью заявляя: «Где им до наших казаков!»/ Российских мошенников и червонных валетов тоже поразогнал – пока работаю почти что один. С Посланником и Посольством в ладах, Шах не нахвалится на «казак-баши»⁴⁶ (впрочем, неизвестно, кто ему больше нравится – мои лошади или я сам).

Не знаю, сподобит ли Господь ублаготворить также и Кавказ, который, увы (далеко не весь, конечно), куда как капризнее не только персов, но даже и самого Тегеранского посольства, как бы его там ни ругали.

До свидания, дорогой Павел Людвигович. Передай Елене Алексеевне мой искренний привет и самые душевные пожелания.

Завтра, 2го декабря, Шах назначил смотр всем войскам Тегеранского гарнизона. Вчера был предварительный смотр военного министра Наиба-эс-Сальтанэ (2ой сын⁴⁷ Шаха). Я произвёл на Майдан-Машке (учебном плацу среди города)⁴⁸ учение, джигитовку и церемониал при огромном стечении народа. Наиб-эс-Сальтанэ и его свита пришли в такой восторг, что решено завтра в присутствии Шаха проделать всё точь в точь так, как было сегодня. Это мне, конечно, очень на руку, так как вчера были ошибки, которых не заметили персы, но которые, по всей вероятности, не ускользнули бы от европейских военных агентов, всегда присутствующих на шахских смотрах, и которых мы, конечно, завтра уже не повторим.

Написал бы тебе про завтрашний смотр, да почта отходит сегодня.

Ещё раз твой,
В. Косаговский

1го декабря 1894 г.

г. Тегеран (л. 228)

1 декабря⁴⁹. /^хСегодня, в самый день смотра, в ночь и рано утром пришло ещё 46 человек отпусковых/ Войска встали на Май-

дане-Машке шпалерами⁵⁰ от ворот Топ-ханэ до Шахской палатки. Никак не могли расставить войска, и Наиб-эс-Сальтанэ, и Векиль-эд-Доулэ и прочие мешались не в своё дело, сбивали начальников с толку – никак не могли догадаться, что стоит поставить жалонёров⁵¹ – и дело в шляпе. Казаков я поставил в 2 минуты. Вдруг кричат, что Шах уже едет, а между пехотою и казаками оказался незанятый интервал. Наиб-эс-Сальтанэ прислал ко мне с отчаянным приказанием во что бы то ни стало занять прорыв. Я командовал: «1ый дивизион в карьер. Строй фронт», и казаки выстроились в тот самый момент, как карета Шаха остановилась в воротах и Шах начал вылезать. Наиб-эс-Сальтанэ просиял и успокоился (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 201). Шах прошёл пешком по фронту. Около него все пешком – я один верхом. Жеребец стал беситься, и Шах приказал мне слезть. Шах предоставил пехоте учиться, как ей взбредёт на ум – бардель невообразимая. Потом училась пешая артиллерия – целая линия без всякого толку палила без умолку и смыслу. Шаху это быстро надоело, и он весьма бесцеремонно велел прекратить бестолковщину и начать церемониал. Церемониал – одно орудие распряглось перед самым Шахом. Потом прошли церемониалом казаки – полки шагом, батарея таким бесшабашным карьером, что Шах вскочил с места и попятился несколько шагов назад. Потом Шах всех прогнал и велел казакам произвести учение. Лава из офицерского эскадрона. Спешивание: офицерский эскадрон карьером собрался на правый фланг. Огонь спешенных частей. Между эскадронами вынеслась казачья батарея карьером – чистые залпы. Общая атака – причём уставший и пока хуже других подготовленный офицерский эскадрон образовал всякий уступ за правым флангом. Общее отступление рысью. Перемена фронта конной батарее на 1/8 часть круга налево. Огонь батарее. Вторично наступление уступами в каждом дивизионе справа поэскадронно на (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 201об.) эскадронные дистанции – в 1^м дивизионе рысью, во 2^м – шагом. Каждый эс-

кадрон левое плечо вперёд, прямо – образовалась общая перемена фронта на 1/8 часть круга налево. Атака. Отступление рысью. Построение общей сомкнутой колонны. Джигитовка. Захождение колонны плечом. Развёртывание колонны в карьер.

Восторг Шаха и всех присутствующих. На упавших Шах прислал целую тарелку мелких золотых монет. Результат смотра блестящий: Шах сказал, что он очень и очень доволен казаками. Наиб-эс-Сальтанэ долго тряс мне руку и осыпал похвалами казаков. Европейцы наперерыв спешили заявить, что этот смотр доставил им истинное наслаждение: они сидели на крыше нашей казачьей казармы, откуда всё было видно лучше, чем самому Шаху, и где для них я приказал приготовить чай, вино, пиво, коньяк и проч. (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 202)

2 декабря⁵². Сегодня собрались в казарме бабасальманцы и верамианцы⁵³ и, получив, по обыкновению, за вызов на смотр двойные фуражные и двойные *джире*⁵⁴ за всё время, начиная с минуты выступления их с места жительства в Тегеран и вплоть до обратного возвращения на место отпуска и, кроме того, ещё по 2 и по 3 крана *анам*⁵⁵ за самый смотр, отправились к себе обратно восвояси. Но я совершенно случайно узнал сегодня, что Шах на этих днях снова затевает что-то вроде манёвров: мгновенно были разосланы во все концы гонцы – вернуть опять только что выступивших из города отпускных: верамианцев нагнали в 5–6 верстах от города, бабасальманцев – за городской чертой, арабадцы же замешкались в самой казарме и приказ мой снова остановить вызванных к смотру отпускных застал их как раз в ту минуту, когда они выстраивались на Майдан-Машке, чтобы двинуться в обратный путь (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 202об.).

3 декабря. На плацу репетиция нападения на транспорт по диспозиции самого Шаха. После учения Шах потребовал меня во дворец: с час объяснял задачу. Я – начальник казаков и инанлу. Затем удалились: Шах, Садр-Азам⁵⁶ и Наиб-эс-Сальтанэ. Че-

рез 1½ часа вышел Наиб-эс-Сальтанэ и объявил, что Шах пожаловал мне орден и ленту Эмир-Тумани за то-то и то-то. Я попросил объявить Посланнику – видимо недоволен. Вечер у Тютрюмова⁵⁷ – за ужином Посланник объявил мне, что у него был Ихтимат-Низам⁵⁸ и передал ему от имени Наоба-эс-Сальтанэ о пожаловании мне Эмир-Тумани.

5 декабря. Уламывали Наоба-эс-Сальтанэ не давать инанлу ружей или, по крайней мере, хоть запретить им стрелять (л. 12об.).

9 декабря. Туркменский жеребец, купленный от Шн<еура>⁵⁹, бьёт и ест людей, искалечил Сергея Куделю – его отдал без моего ведома в казарму Рафалович, чтобы его чистили пешие люди, которые и смиренных-то лошадей не желают и чистить, и заставить которых это делать надо всю мою власть и твёрдость.

Но это ещё ничто в сравнении со свиньёю: Рафалович зарезал бригадную свинью и мясом этой свиньи накормил меня (прислал, подлец, переднюю лопатку). Впоследствии он всех уверял, будто купил эту свинью у Новака (л. 11 об.).

1го декабря⁶⁰ состоялся смотр Его Величества Шаха всем войскам Тегеранского гарнизона. 29го октября Его Высочество Наоба-эс-Сальтанэ лично предписал мне от имени Его Величества Шаха назначить из Казачьей бригады несколько офицеров, которые сделали бы расчёт и научили проходить церемониальным маршем иррегулярную шахсеванскую конницу родов инанлу и курт-беглю.

Племя шахсеван (шах-саван, т. е. шаха любящий⁶¹) состоит из нескольких родов, выставляющих определённое количество всадников, в зависимости от числа дымов (кибиток), скота или верблюдов, считая приблизительно по одному всаднику с дыма или с 12-ти верблюдов⁶². Род инанлу выставляет более 1000 всадников⁶³. Вооружены ружьями всевозможных систем, начиная с кремнёвых, кончая Пиабоди⁶⁴-Мартини (л. 12).

/Конница шахсеван, пришедшая теперь в Тегеран, состоит из 2^х родов: род инанлу –

18 тысяч дымов и род курт-беглю (курт = волк; беглю, т. е. княжество) (л. 12).

Шахсеваны обязаны являться по первому призыву Правительства, но не всегда это исполняют, представляя, обыкновенно, целую кучу оправданий и отговорок, более или менее пустых. За свою службу они получают от 7 до 14-ти туманов в год, если находятся по домам, и фуражные и суточные (*джире*) – во время призыва. Тогда фуражных полагается в сутки на лошадь около 1 батмана ячменя (7 фунтов), ½ батмана юнджи⁶⁵ (3½ фунта) и 2 батмана саману (14 фунтов). Суточные (*джире*) в размере стоимости полубатмана хлеба на человека, что составляет обыкновенно 7-8 шай (1 туман = 10 кран = 200 шай). На этот раз, хотя и были сделаны все распоряжения для приёма конницы инанлу, они явиться не пожелали и явились в Тегеран лишь 5го декабря (л. 12об.).

Примечания

¹ Александр Николаевич Кузьмин-Караваев (1862–1923) – командир Персидской казачьей бригады в период с 1886 по 1890 г. (о нём см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь. М., 2005. С. 134).

² Александр Семёнович Зеленой (1839 – после 1908) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба 1863 г., участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принимал участие в целом ряде комиссий по разграничению (в том числе в российско-афганском 1884 г.), генерал-лейтенант (1890 г.). На тот момент заведовал Азиатским отделением Отдела Генерального штаба при Кавказском военном округе (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 53об.; *Басханов М.К.* Указ. соч. С. 91–92).

³ О нём см. ниже.

⁴ Ранее наш герой пишет: «Открывается ещё другое место – командира Персидской бригады в Тегеране. Там был полковник Кузьмин-Короваев, но он сошёл с ума. Впрочем, это место полковничье и туда, кажется, уже назначили полковника Шнеура. Почти убеждён, что это место не выгорит – ведь я ещё только капитан – но всё-таки попытаю счастья» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 53об.).

⁵ В другом месте он назван «Карпеченко».

⁶ Сергей Алексеевич Шереметев (1836–1896) – на тот момент командующий Кавказским военным округом (1890–1896) (<http://regiment.ru/bio/SH/53.htm> [дата обращения: 13.04.2018]).

⁷ Николай Николаевич Обручев (1830–1904) – начальник Главного штаба (1881–1897 гг.), на тот момент генерал от инфантерии (http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history_department/more.htm?id=11588126@SD_Employee [дата обращения: 13.04.2018]).

⁸ О степени владения В.А. Косаговым персидским языком см. записки от 28 ноября 1895 г. (л. 214).

⁹ В частности, в качестве офицера, сопровождающего полковника Шнеура в Тегеран.

¹⁰ При этом наш автор был склонен к частым простудам.

¹¹ За 1,5 года своего пребывания в Персии ротмистр Бельгард собрал значительные материалы о персидской армии, военно-топографические сведения, совершил ряд личных рекогносцировок, к числу которых относятся: 1) описание пути Решт – Ленгеруд – Казвин, составленное 31 августа 1894 г. (см.: РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 173. Краткое и малоинформативное); 2) ранее отсутствовавшее в штабе Кавказского военного округа маршрутное и общее описание участка шоссе Казвин – Тегеран. Бельгард также уделял серьёзное внимание текущей военной агентуре: «Итого ротмистром Бельгард в течение 1½ годового пребывания в Персии, не считая подлежащих к представлению работ, представлено по различным отраслям военных сведений 37 работ и 16 листов 5-вёрстной карты господина Шталя. А по текущей военной агентуре, кроме того, представлено 20 работ, из которых 18 рапортов и две подробных записки» (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 64).

¹² Ввиду преждевременного и неожиданного отчисления от бригады ротмистр Бельгард не мог перед отъездом рассчитаться с долгами. При этом полковник Косаговский знал, что значительная их часть будет покрыта из причитающихся Бельгарду денег, для выплаты которых требовалось разрешение посланника. По завешанному в Бригаде обычаю, при отъезде из Тегерана офицеров им всегда отпускалось 300 *туманов* на путевые расходы и выдавалось содержание за 4 и даже за 6 месяцев, поскольку заместители, как правило, прибывали не скоро. Российский посланник Е.К. Бюцов разрешил выдать

ротмистру Бельгарду 6-месячное содержание. Таким образом, общая сумма единовременной выплаты составила 1620 *туманов* и свела цифру долга к 180 *туманам* (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 138).

¹³ Документ подписи не имеет.

¹⁴ О нём см. ниже.

¹⁵ См. примеч. к 3 декабря.

¹⁶ Копию с рапорта № 26, копию с рапорта № 27 (адресованного начальнику Отдела Генерального штаба при Штабе Кавказского военного округа), а также объяснительную записку Бельгарда по поводу рапорта № 26 см.: РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 40–44, 108–114.

¹⁷ Сам шах был крайне доволен деятельностью ротмистра Бельгарда и ходатайствовал об оставлении его на посту командира. Посланник Бюцов информировал об этом командование Кавказского военного округа, предложил присвоить Бельгарду чин подполковника (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 27–32). О Е.К. Бюцове и его отношениях с В.А. Косаговым см.: *Норик Б.В.* Рапорт полковника В.А. Косаговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 год // Восточный архив. 2018, № 1 (37). С. 31, примеч. 13.

¹⁸ Который поначалу приказал вызвать Бельгарда в Тифлис, а по прибытии «представить к увольнению от службы дисциплинарным порядком №2513» (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 48).

¹⁹ *Норик Б.В.* Указ. соч. С. 20–32. См. также: Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток 4 (1923). С. 390–402.

²⁰ Начальник Главного штаба.

²¹ Деревушка Мазлакан (مزلقان) располагается в *шахрестане* Савэ Центрального *остана* (Деххудо, 'Али Акбар. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Техран, 2006 (CD version), далее – Деххудо).

²² Деревушка 'Арабабад располагается примерно в 30 км от Тегерана. В настоящий момент находится в составе *остана* Альборз (Деххудо).

²³ В настоящее время деревушка находится в составе *шахрестана* Шахрийар *остана* Тегеран. Недалеко от неё располагается одноимённая историческая местность, внесённая в число памятников национального достояния Ирана (Деххудо).

²⁴ Имеется в виду топоним Эштехард (اشتهارد). Город располагается примерно в 100 км от Тегерана и в настоящее время является центром одноимённого *шахрестана* в составе *остана* Альборз (Деххудо).

²⁵ В правой колонке л. 12а: 27 – *Воскр<есение> – Боровск<ий> и Абд<...>-баши, от которого узнал, что 1²⁰ декабря внезапный смотр всех войск Тегеранского гарнизона.*

²⁶ В правой колонке л. 12а: 28 – *Учение бригады по поводу предстоящего смотра бригады 1²⁰ декабря.*

²⁷ Наиб ас-Салтане – почётное прозвание (*лакаб*) государственных деятелей высокого ранга, изначально означавшее опекуна, ведущего дела государства от имени несовершеннолетнего правителя (Наиб ас-Салтане // Деххудо). Позднее титул стали прилагать по отношению к принцам, стоявшим близко к шаху. Носил его и третий сын Насер ад-Дин-шаха Камран-мирза, который, по словам Мисль-Рустема, «ничего не смыслит в военном деле, хотя и военный министр» (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 67).

²⁸ События, изложенные в этой части «Дневника», относятся к концу правления четвёртого шаха династии Каджаров Насер ад-Дин-шаха (1848–1896) (о нём см., например: *Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 4. С. 246–329. Всеподданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 19–20. Отчёт; Мисль-Рустем, с. 54–63, 65–66).*

²⁹ В правой колонке л. 12а: 29 – *Репетиция, смотр Н<аиба>-эс-С<альтанэ>, п<оручик> Орановский упал, повредил прав<ую> ногу.*

³⁰ См. также текст в правой колонке л. 12об: 30 – *Сарбазы и арт<иллеристы> целый день на Майдане. Казаки отдыхали. С Григоров<ичем> у Садр-Азама.*

³¹ Г.Н. Блюмер на 1894 г. имел чин штабс-капитана гвардейской конной артиллерии. Вплоть до весны 1894 г. он состоял на должности заведующего обучением персидской кавалерии. Владел несколькими европейскими языками, был единственным из инструкторов (за исключением командира Бригады), занимающимся изучением Персии и персидского языка. Так, руководством штаба Кавказского военного округа отмечается маршрут и описание пути из Табриза в Зенджан, составленные Блюмером в 1893 г. Эта работа была представлена военному министру. Кроме того, ранее в Сборнике материалов по Азии уже вышли в свет три работы Блюмера о путях: от Тегерана через Исфахан в

Бендер-Бушир (в 1887 г.), от Тегерана через Амоль к Каспийскому морю (в 1889 г.) и из Казвина через Решт, Астару и Ардебиль в Зенджан и оттуда в Казвин (в 1890 г.). Военный министр счёл необходимым поощрить Блюмера за такую активность, которую прежде не выказывал никто из офицеров, служивших в Тегеране (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 4–5; Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 37, 139).

³² Орановский.

³³ С полковником Колюбакиным В.А. Косаговский пересекался в дальнейшем во время службы в Кавказском военном округе.

³⁴ Выпуска 1885 г.

³⁵ Бог даст! (араб., букв. «если будет угодно Аллаху, если захочет Аллах»).

³⁶ Ротмистр 33 Драгунского Изюмского Его Королевского Высочества Принца Генриха Прусского полка, командир 3-го эскадрона, кавалер ордена Св. Станислава 3 ст. (25 дек. 1891 г.), Владимир Карлович Бельгард, предшественник В.А. Косаговского на посту командира Персидской казачьей бригады, которого можно считать подлинным зачинателем преобразований, позволивших вывести Бригаду из кризиса, родился 1 июля 1863 года. Происходил из дворян Великого Княжества Финляндского, православный. Окончил Пажеский корпус по первому разряду и Николаевскую Академию Генерального Штаба по второму разряду (1889 г.). Поступил в Пажеский корпус 25 августа 1868 г., 10 января 1883 г. переведён в камер-пажи, 12 августа 1883 г. произведён в корнеты, 14 марта 1885 г. переведён в 33 Драгунский Изюмский полк поручиком, 26 февраля 1887 г. произведён в штаб-ротмистры. По окончании НАГШ отправлен в распоряжение Штаба Киевского военного округа, 22 августа 1890 г. назначен ординарцем к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, старшему на всё время манёвров. 18 сентября 1891 г. командирован в переменный состав офицерской кавалерийской школы для прохождения курса эскадронных командиров, 2 февраля 1891 г. произведён в ротмистры, 20 августа 1891 г. успешно окончил школу по отделу эскадронных командиров, 15 сентября 1891 г. назначен командовать 3 эскадром (утверждён 22 августа 1892 г.). На 26 сентября 1892 г. был холост, недвижимого имущества не имел, под судом не был, наказаниям не подвергался, в делах против неприятеля не участвовал, особых поручений не имел (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 50–55).

³⁷ Николай Алоизьевич Орановский родился 21 ноября 1867 г. в семье дворян Орловской губернии. Православный. Воспитывался в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе, который окончил по 1 разряду, 23 февраля 1876 г. зачислен в пажи к Высочайшему Двору, 8 октября 1881 г. определён в Пажеский Его Величества корпус, 3 февраля 1886 г. произведён в камер-пажи, 11 августа 1886 г. по экзамену произведён в подпоручики в 19 Конно-артиллерийскую батарею с прикомандированием к Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде, 26 августа 1886 г. прикомандирован ко 2-й батарее, 17 октября 1889 г. назначен делопроизводителем батареи, 30 августа 1890 г. произведён в поручики. Орановский был назначен заведующим обучением персидской артиллерии в 1894 г. (в феврале началась переписка по этому поводу; 23 февраля военный министр дал согласие) (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 17–20, 37). Брат генерала от кавалерии Владимира Алоизьевича Орановского (1866–1917). *Басханов М.К.*, с. 176–177.

³⁸ Вместе с ним В.А. Косаговский служил на Кавказе и занимался полевыми исследованиями в 1890–1891 гг. (так, согласно «Распределению задач между офицерами Генерального Штаба, назначенными в полевые поездки в 1890 г.», подполковник Косаговский должен был заниматься «рекогносцировкой пути от железнодорожной ст. Аджи-Кабул на Сальян – Ленкорань – Астара», а также «рекогносцировкой Ленкорани как опорного пункта и базы в случае наступления», а подполковник Хелмицкий – «рекогносцировкой дороги от г. Телави на г. Сигнах – Царские Колодцы – Муганло – Нуха» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 6–7), а в 1891 г. Косаговский и Хелмицкий совместно занимались рекогносцировкой Мокрых гор и ведущих через них проходов (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 3об.)). В конечном итоге, Хелмицкий дослужился до чина генерал-майора (см.: РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 50–51, 321).

³⁹ Елена Алексеевна Хелмицкая впоследствии принимала живое участие в «борьбе» В.А. Косаговского за получение Георгиевского креста IV степени (см., например: РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 334об., 378об.).

⁴⁰ Sic!

⁴¹ При этом в 1890 г. автор «Дневника» говорил: «... сожалею женатых и считаю их далеко не безусловно способными ко всякого рода трудам и лишениям нашей всесторонней службы.

Про себя я прямо высказался, что при страсти к путешествиям и приключениям я, женившись, сделал бы несчастною и себя, и жену» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 96). В одном же из своих писем из Персии, написанных около 1900 г., наш герой замечает: «Лично я остаюсь до сих пор холостяком: не то, чтобы я был против женитьбы, но просто не находил женщины настолько по душе, чтобы счёл возможным связать с нею всю свою жизнь – /¹да и жизнь-то приходилось вести кочевую и вдобавок, выражаясь по книжному, преисполненную всяких тревожений и сильных ощущений – обстановка не для домашнего очага/. Женитьбы же по расчёту я никогда не искал» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 208). См. также л. 191 настоящего «Дневника».

⁴² Имеется в виду няня В.А. Косаговского, которая долго жила у него в Погостихе и Петербурге, а в 1890 г. приехала к нему в Тифлис (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 107).

⁴³ Супруга полковника Шнеура (см. ниже).

⁴⁴ Зачёркнуто *У меня же*.

⁴⁵ То есть из Караджадагской области в Иранском Азербайджане, граничащей с Закавказьем и расположенной между р. Аракс и Карадагским хребтом (букв. «чёрная гора»). Центральный город – Ахар. Жители этой области отличались воинственностью, промышленяли грабежом и обладали навыками ведения партизанской борьбы в горах (Караджадаг // Деххудо; *Корсун Н.Г.* Персия: Курс лекций по военной географии, читанных на втором курсе восточного отдела Военной академии Р.К.К.А. М., 1923. С. 37).

⁴⁶ Букв.: «глава, предводитель казаков» (турк.).

⁴⁷ Камран-мирза Наиб ас-Салтане (1855–1928) был третьим сыном Насер ад-Дин-шаха. Он занимал должности «военного министра и главнокомандующего победоносной армией» (с 1880 по 1896 г.), а также губернатора Тегерана (с 1861 г.). Кроме того, в его ведении находился ряд других губернаторств (подробнее см.: Бамдад 3, с. 149–161; Куропаткин. Отчёт, с. 21–22; Мисль Рустем, с. 84–86).

⁴⁸ Майдан Машк (Мейдан-е машк; букв. «площадь для занятий, учебный плац») находилась на севере тегеранского Арка (Арк-е Салтанати). Впоследствии здесь были возведены здания Министерства иностранных дел, Почтового управления, Главного управления полиции, Генерального Штаба и др. Площадь имела длину

216 м (*Шахиди-Мазандарани Х.* Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 111, 141).

⁴⁹ В правой колонке л. 12об «Дневника» АВ ИВР РАН записано кратко: *1 – Смотр.*

⁵⁰ То есть рядами по обе стороны пути.

⁵¹ Солдат-пехотинец, носящий на штыке ружья отличительную ленту, с помощью которой он указывает линию построения войск.

⁵² В «Дневнике» АВ ИВР РАН события 1 и 2 декабря резюмируются тремя предложениями соответственно: «Блестящий смотр. В ночь пришли иштаардцы» и «Полный отдых после блестящего смотра» (л. 11). Даты в правой колонке л. 11 идут в обратном порядке, записи сделаны простым карандашом. Над ними синим карандашом проставлена дата – 1894 (она дважды переправлена, так что на последнюю цифру 4 наложилась дробь 5/4). Кроме того, в правой колонке л. 12об имеется текст: *2 – у п<оручика> Орановского с Раф<аловичем>, Март<ироксхан> и М. К. Хан<ом>, известие о нов<ом> смотре, письмо Н<аиба>-эс-С<альтан>».*

⁵³ Верамин (ورامين) – небольшой городок примерно в 43 км к юго-востоку от Тегерана. Главными достопримечательностями служат Пятничная Мечеть, сооружённая в период между 1304 и 1316 гг. султанами Олджайту Худабанде и Абу Са'ида, и усыпальница 'Ала ад-Дина, возведённая в 1289 г. (Верамин // Деххудо).

⁵⁴ «Суточные». В то время *джире* составляло 8 *шай* (6²³ копейки), а во время летнего лагерного сбора – до 11 *шай* (9,2 копейки). В одном из своих рапортов на имя военного министра Наиба ас-Салгане наш автор констатирует, что данная сумма была установлена ещё в 1879 г. полковником Домановичем и за 16 лет заметно девальвировалась. В результате казаки оказались вынуждены увеличивать *джире* за счёт своего же, весьма скудного жалования. Всё это, по мнению В.А. Косаговского, не способствовало привлечению в Бригаду достойных и надёжных людей («идут только те, которым уже совсем некуда деваться и которых ни на какую службу не берут»), поэтому он просит увеличить суточные хотя бы на 2 *шай* (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 251–254).

⁵⁵ Подарок, вознаграждение.

⁵⁶ Мирза Али-Асгар-хан, последовательно обладавший почётными титулами Сахед-е джам, Амин ал-Мульк, Амин ас-Султан и Атабек-е азам, был вторым сыном Ибрахима Амин ас-Султана. Занимал должность премьер-министра (*садр-е а'зам*) при Насер ад-Дин-шахе, Музаф-

фар ад-Дин-шахе и Мухаммад-Али-шахе. Родился в 1858 г., убит 30 августа 1907 г. жителем провинции Азербайджан Аббас-аккой (подробнее см.: Бамдад 2, с. 387–425). Генерал Куропаткин отмечает ум, развитое чувство собственного достоинства и довольно высокие нравственные качества Садр-Азама (Куропаткин. Отчёт, с. 22–23). В своём «Дневнике» Куропаткин пишет: «Простились мы с Садр-Азамом очень тепло. Поцеловались трижды. Садр-Азам просил передать Государю, что пока он, Садр-Азам, жив, он будет отстаивать мир со всеми державами, но в особенности будет работать для поддержания дружеских сношений с Россией. Он прибавил, что однажды эти отношения нарушили (нагнул Долгоруков), но даже этот временный разлад принёс пользу, ибо послужил уроком, после которого стала ещё очевиднее необходимость поддерживать дружеские отношения с Россией» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 94об.–95. См. также: Куропаткин. Отчёт, с. 18). Надо сказать, что как сторонник России Садр-Азам оказал немалую поддержку. В.А. Косаговскому, чем заслужил защиту последнего в дни опалы.

⁵⁷ Директор русского Ссудного банка в Тегеране.

⁵⁸ И'тимад-Низам / Э'темад-Незам (اعتماد نظام).

⁵⁹ Полковник Николай Яковлевич Шнеур (1848–1894) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба, бывший военный агент в Китае (1883–1886 гг.), командовал Персидской казачьей бригадой с января 1890 г. по май 1893 г.

⁶⁰ Весь текст в левой и правой колонках л. 12 перечёркнут вертикальной чертой. Напротив первой строки в правой колонке карандашом написано *Инан-лу*.

⁶¹ Фраза в скобках вынесена в правую колонку стрелкой.

⁶² Окончание фразы, начиная со слова *считая*, вынесено в правую колонку стрелкой.

⁶³ Далее зачёркнуто *по одному с каждых 12-ти верблюдов*.

⁶³ В тексте именно так. Подобная форма написания фамилии Пибоди характерна для нашего автора.

⁶³ *Юнджа, юндже, йундже* (يونجه) – люцерна, клевер.

Б.В. Норик

ДНЕВНИК В.А. КОСАГОВСКОГО ЗА 1894–1895 годы

Избранные отрывки. Часть 2

1 января 1895 г. Молебн. Эмир-Туманская лента. Представление *сартитов*¹ Посланнику. Визиты. Закуска персидским офицерам. Тосты и речи. Оставил Мамед-хана² и Мамед-Багир-хана³. Продолжение с Сушковым, Орановским, Мартирос-ханом⁴ и Татос-ханом⁵ – выпил немного и я. Отругал Мартирос-хана за заговор с Шукрулла-ханом⁶ – обида <нрзб>, обещание подать рапорт. Обида Орановского – Сушков заявил, что Орановский готов подать рапорт об отчислении, если я нахожу, что он не умеет ездить по-казачьи (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 203).

5 января 1895.
№ 2

Его Высочеству

Рапорт⁷

Ввиду предстоящего приезда русского чрезвычайного посольства покорнейше прошу Ваше Высочество не отказать почтить меня теперь же предписанием, от каких именно частей будут выставлены: 1^е Почётный караул, 2^е Часовые у внешнего входа, 3^е Внутренние часовые, 4^е Ординарцы и посыльные, 5^е Конвой при выездах в город, 6^е Две будки у наружных дверей помещения, предназначенного Его Превосходительству Чрезвычайному Послу, 7^е Музыка при Почётном карауле (л. 10).

Заведующий обучением
Персидской кавалерии
«5» января 1895 г.
№ 2
Тегеран (Персия)

بريگاد سواره قزاق
اعلیحضرت قویشوکت اقدس همایون شاهنشاهی روحنا فداه
نمره ۲
بتاریخ یوم ۲۱ شهر رجب
سنه ۱۳۱۲
طهران

بحضور مبارک حضرت اشرف اسعد ارفع والا شاهنشاهزاده اعظم آقای نایب السلطنه امیر کبیر و وزیر جنگ روحنا فداه معروض میدارد
از آنجائیکه ورود جناب سفیر مخصوص دولت <...> روسیه بدار الخلافه خیلی نزدیک شده در کمال افتخار و مباهات استدعا از حضور مبارک حضرت اشرف اسعد ارفع والا مینمایم دستخط مبارک شرف صدور یابد از کدام یک از دسته جات عساکر ساخلو دار الخلافه معین خواهند فرمود برای انجام فقرات تشریفات و احترامات نظامی ذیل در حق سفیر مذکور در فوق
فقره اول قراولدن گارد خوئور
فقره دوم قراولدن دم درب خارجی عمارت سفیر
فقره سوم قراولدن داخلی عمارت و منزل سفیر
فقره چهارم اردونانس ها و ارسال و مرسول ها
فقره پنجم دسته سواران برای همراهی سفیر در حرکات ایشان در شهر
فقره ششم دو قراولخانه چوبی دم درب منزلی که برای سفیر معین و مقرر خواهد شد
فقره هفتم دسته موزیک که باید همراه قراولدن گارد خوئور

فرمانده بريگاد کلنل کاساگوفسکی
(Л. 9)

Colonel Kossagovsky⁸

9 января. Представление Велиахду⁹ – ханский приём. Простудилась половина офицеров – ожидали во дворце.

10 января. Пешее учение – Сушков первый раз командовал. Наиб-эс-Сальтанэ расспрашивал про приём Велиахда – я вскользь ответил.

Явился из Петербурга Аман-Олла-Мирза¹⁰ – в восторге от поездки в Петербург. Ему дали Станислава 2ой степени со звездой, а главное, Русский Император подал ему руку.

Какая разница между приёмом Русского Императора и Персидского Велиахда! Наиб-эс-Сальтанэ говорил Мартирос-хану: «Пусть полковник не обижается – это ведь лур» (в смысле – мужик, необразованный). Я просил не раздувать этой истории, уверяя всех и каждого, что я вовсе не обиделся.

11 января. Почтовый день. Сушков, Орановский и «Сартип» Гейзлер¹¹ играли в винт¹² (л. 11).

13¹³ – Запрос Посланника при рапорте ротмистра Бельгарда и его докладной записке. Я ездил объясняться и решил написать о Бельгарде рапорт, его выгораживающий.

15 – Написал рапорт № 2 Посланнику и письмо Бельгарду. Вечеринка у Орановского. Графиня D'Arloth. С графиней D'Arloth ездил за m-me Morel¹⁴ и привёз её к Орановскому.

17 – Целых два дня рапорт писал и переделывал. Посланник опять просил за Рафаловича. Я согласился.

18 – Вечер с танцами. Морель привёл Орановский. Графиня в восторге, что я согласился хлопотать за Бельгарда. Утром послал посланнику свой рапорт №3 относительно Рафаловича. На вечеринке был Посланник и благодарил за рапорт. Ужин, танцы после 12-ти часов. Все пьяны. <...>

29 – Неджеф-Кули-хан принёс почётную саблю подьесаулу Рафаловичу, Льва и Солнца 2ой степени Сушкову и Орановскому. Воскресенье – к Посланнику приглашены на обед все русские офицеры, кроме меня.

30 – Салям¹⁵. Оттуда к Рабино¹⁶, затем к «Сартипу», у которого урезали. <...> (л. 18об).

از قزوین به اداره تلگرافی دولت علیه ایران

نمره ۲۴، عدد کلمات ۲۵

حضور امیر الامراء النظام پالکونیک فرمانده بریگاد جناب مستطاب سفیر کبیر دو شنبه حرکت می نمایند یک ساعت بعد از

ظهر چهار شنبه وارد خواهد شد محمد باقر بتاریخ ۱۵ شهر شعبان سنه ۱۳۱۲¹⁷

Из Казвина

Господину Командиру Казачьей Его Величества Шаха бригады

Его Высокопревосходительство Посол в понедельник выезжает в час пополудни в среду прибудут.

Мамед-Багир

30 января [18]95 г.

(л. 13)

Астрабад ответ казачьему *веклю* Али-беку на № 3 от 12 зихадже¹⁸: *мир-пяндж* Сафар-Али-Ага! *Векиль* Али-бек за нахальное письмо разжалывается в рядовые, смените его и возьмите в лагерь.

Полковник Косаговский¹⁹ (л. 14).

Сих пернатых осмотр²⁰ может быть только при закрытых дверях. Это желание моего повелителя. В. А.²¹ (л. 15)

Ведомость

о состоянии денежных сумм

Казачьей Его Величества Шаха бригады

к 9^{мв} января 1895 года

Наименование капиталов	Всего					В том числе									
						документами					деньгами				
	т.	кр.	ш.	р.	к.	т.	к.	ш.	р.	к.	т.	кр.	ш.	р.	к.
Хозяйственной суммы	1021	4	14	...		39	1	14	...	...	982	3			
Переходящей	...	...	...	<u>80</u> 274	51	...	...	...	...	...	81	...	...	<u>80</u> 274	51
Всего	1021	4	14	<u>80</u> 274	51	39	1	14			982	3		<u>80</u> 274	51

Список лиц, коим выданы деньги по документам на обороте сего представляется (л. 16 об).

Кому выданы	Сумма		
	т	кр.	ш.
Векиль Баши Гвардейского эскадрона Лутф Али... из бератной суммы	24	1	14
Бригадному доктору авансом на расходы по лазарету	15		
Всего	39	1	14

(л. 16)

Казачья Его Величества Шаха бригада

Его Высочеству принцу Наibu-эс-Сальтанэ
Военному Министру

№

Февраль 1892.

г. Тегеран

Рапорт²²

Поскольку текущий бюджетный год подходит к концу, по поводу бюджета нового года нахожу необходимым представить Вашему Высочеству некоторые весьма важные и весьма существенные соображения и покорнейше прошу Ваше Высочество, обратив внимание на излагаемые при сём соображения, соизволило утвердить некоторые перемены в нижепоименованных статьях бюджета бригады.

Настоящий бюджет бригады по всем статьям приблизительно сообразен и подходящ с действительными расходами, т. е. при благоприятных обстоятельствах можно будет как-нибудь свести концы с концами, но по статье жалованья персидских чинов бригады и по фуражной статье нет никакой возможности обойтись без особых добавочных средств.

1) По статье жалованья персидских чинов бригады Правительство уже несколько лет как отпускает непреложно одну и ту же сумму в 30654 туманов 4 кран, между тем как за последний год число офицеров бригады почти удвоилось, и кроме того, большинство чинов произведены в высшие чины и вследствие этого многим из этих произведённых приходилось прибав-(л. 17)-лять и к окладам их годового жалованья, так что в текущем году годовой расход по статье жалованья вместо 30654 туманов 4 кран, отпускаемых Правительством, дошёл до 33228 туманов 5 кран, т. е. на 2574 туманов 1 кран больше, чем Правительство отпускает по бюджету, и при всём том не все чины получают жалованье, соответствующее настоящему их чину, и если выдавать жалованье всем чинам бригады по настоящим их чинам,

то сумма годового жалованья чинов бригады дойдёт до 41112 туманов 8 кран, т. е. на 10458 туманов 4 кран больше, чем Правительство отпускает по бюджету. Для большей наглядности представляю при сём именные списки всех чинов бригады с обозначением против имён каждого годовых окладов, как получаемых ими теперь, так и следуемых им по настоящим их чином. На 3^й же полк /^хмухаджиров Правительство со всеми довольствиями и жалованьем отпускает 24976 туманов 6 кран 10 <шай>, между тем как и из этого полка многие из чинов произведены в высшие чины, и по настоящим чином следует добавлять к бюджету этого полка 3055 туманов. Значит, для уравнивания окладов по настоящим чином потребуются прибавка к бюджету 13513 туманов 4 кран/

2) По настоящему бюджету бригады Правительство на фуражное довольство каждой лошади отпускает по 2 тумана в месяц, т. е. 24 тумана в год, между тем как уже несколько лет горький опыт показывает, что содержание лошади при самых благоприятных обстоятельствах обходится не менее 25–30 кран, а в нынешнем году доходит даже до 45 кран в месяц, и как предшественник мой, так и я принуждены были, конечно, с разрешения Вашего Высочества, держать в отпусках часть людей, дабы экономией из фуража отпускных пополнить недостаток по статье фуража. А потому покорнейше прошу Ваше Высочество, дабы к 2^м туманам, отпускаемым теперь на содержание каждой лошади, добавлено было, по крайней мере, по 5 кран на каждую лошадь в месяц (л. 17 об).

1 февраля²³. Приезд Куропаткина²⁴. Встреча бригады у караулки, затем – у Асп-Диванэ. Проезд через город. Представление во дворце Сепасалара²⁵. Вечером обед у Куропаткина. Азис-Султан²⁶. Церемониальный марш от Караул-хане. Куропаткин зорко следил за задней шеренгой – не только ли что нанятые это люди, как у гулямов²⁷?

2 февраля. Завтрак у Куропаткина. Обед у Бюцова: пошлость Куропаткина относительно сына Бюцова, 8^м летнего виртуоза²⁸.

3 февраля. Утром 10 лошадей от бригады под свиту Куропаткина. Торжественное представление Шаху верительных грамот. Мы проводили до ворот дворца. Вечер у Садр-Азама²⁹. Пошлость Куропаткина – в каждом слове, в каждом движении проявляется выскочка из мрæзи. Его слова: «Юный Император рассматривает Его Величество Шаха как соседа и старинного друга»³⁰ возмутили до глубины души всех присутствующих, особенно же Садр-Азама и Бюцова. Впечатление, произведённое как поведением Куропаткина, так равно и всей его свиты, было тяжкое, подавляющее. Назначением такого неподходящего Посла Новый Русский Император на первых же шагах дискредитировал себя (л. 18).

4 <февраля>. Суббота. Обед у меня³¹ – перепились (л. 21).

Список³²

чином бригады, командированным в Решт на встречу Его Высокопревосходительства Господина Чрезвычайного Российско-Императорского Посла генерал-лейтенанта Куропаткина.

Офицеры:

Командир Конвоя *сарханг* Мамед-Багир Хан (полковник)

<2.> *Наиб* 2го ранга 1го полка принц Мамед Али-Мирза (поручик)

<3.> *Наиб* 2го ранга 2го полка Риза-Хан (который говорит по-русски) (поручик)

4. *Наиб* 2го ранга 3го полка Мамед Ага (Бюк Ага) (поручик)

Нижние чины:

1^й полк

Векиль раст Кахраман-хан

Векиль раст Али-Аскер-бек

Векиль раст Нур Мамед-бек

Векиль раст Ибадула-бек³³

Казак Ибрагим-бек Малик Мамед
Казак Ибрагим-бек Шафи
Казак Гусейн-бек Измаил-бек³⁴
Казак Гасан-бек³⁵
Казак Мехр Али-бек
10. Казак Мирза-Абуль-Касым
Казак Гулям-бек
Казак Мирза Абас³⁶
Казак Риза-хан
2^й полк
*Сарджуга*³⁷ Мамед-Багир-бек
Казак Ибад-Олла-Хан
Казак Гусейн-бек
Казак Араб Али-бек
Казак Ходжа Мурад-бек
Казак Орудж-бек
20. Казак Юсуф Али-бек
Казак Фарадж-бек Баба-бек
Казак Мирза Мамед Али
Казак Рашид-бек
Гвардейский эскадрон
Векиль баши Али Кока
Векиль баши Мамед-бек (л. 19)
Векиль раст Али Акбер-бек
Векиль баши Ганифе-бек
3^й полк
Сарджуга Садык-бек
Сарджуга Джафар-бек
30. *Сарджуга* Мамед Таги-бек
Сарджуга Гусейн-Ага
Казак Абас Кули-Ага
Казак Али Аскер-бек
Казак Шейх-Али-бек
Казак Ибрагим Ага
Казак Мамед-Багир-бек
Казак Гедает-бек³⁸
Казак Али-Акбар-бек
Казак Мамед Али-бек
40. Казак Мустафи-Кули-бек

Список

Состоящих на ординарческой службе при Его Высочайшему Императорскому Послу Господине генерал-лейтенанте Куропаткине в Тегеране:

Офицеры:

Начальник команды *наиб-сарханг* Ага-бек (подполковник)

Гвардейского эскадрона *наиб* 1го ранга Измаил-бек (штабс-капитан)

Гвардейского эскадрона *наиб* 1го ранга Паша-Ага (штабс-капитан)

2го полка *наиб* 2 ранга Гусейн-хан (поручик)

Нижние чины:

Гвардейского эскадрона:

Векиль баши Назар Али-бек

Векиль раст Гусейн-хан

Векиль чап Мугб³⁹ Али-бек

Векиль чап Самад-бек

2^й полк:

Векиль баши 2го эскадрона Шир Али-бек (л. 19об.)

3^й Полк:

Векиль раст 1го эскадрона Абуль Касым-бек

Сарджуга 1го эскадрона Гасан⁴⁰ Ага

Сарджуга 1го эскадрона Шафи-хан

Пеших казаков:

1^й полк 1го эскадрона Гасан-бек Касым

2^й полк 1го эскадрона Казым-бек⁴¹ Надр Али

7го февраля 1895 г.

Начальник Штаба Казачьей Его Величества Шаха бригады *мир-пяндж* (генерал 1го класса) Мартирос-хан Давыд-хан.

Командир Гвардейского эскадрона Казачьей Его Величества Шаха бригады *сартин доюм* (генерал 2го класса) Мамед-Багир-хан.

Командир Конно-Казачьей артиллерийской батареи *сартин доюм* (генерал 2го класса) Мамед-хан.

Командир 1го эскадрона 1го Казачьего полка Его Величества Шаха *сарханг* (полковник) Гулям Риза-хан (л. 20).

Генерал-адъютант Его Высочества принца Наиба-эс-Сальтанэ, Военного Министра, Амир Туман Абас-Кули-хан Ихтимад⁴² Низам⁴³.

Австрийский инструктор *сартин доюм* (генерал 2го класса) Мотес (л. 20об.).

7 <февраля>. Телеграмма об аттестации ротмистра Бельгарда.

8 <февраля>. Аттестация и мой рапорт генералу Зеленому №4. Обед у министра юстиции (л. 21).

/Мальчишка бросил мне в лицо палку – я в *андерун* Садр-Азама... Наконец, разыскали отца мальчика (мастера у Балока), который нашёл сына; Али Акпер⁴⁴ отодрал его – будет помнить приезд русского генерала и русского полковника (л. 21)./

9 <февраля>. Четверг. Смотр⁴⁵. Завтрак. Шифрованная телеграмма. Брань Тютрюмова. Вечером обед у английского Посланника <...> (л. 21).

10 <февраля>. Пятница. Разговор с Куропаткиным о моих отношениях к Миссии, о военной агентуре и возможности похода в Астрабад⁴⁶ (л. 21).

10 <февраля>. Целый вечер говорил с Куропаткиным с глазу на глаз насчёт моего положения здесь, насчёт отношений Посланника к Бельгарду и ко мне и насчёт того, что Посланник провалил военную агентуру⁴⁷ (л. 27).

11 февраля. Суббота. Утром снаряжали <...> для обратного конвоирования генерала Куропаткина (л. 21).

/11 <февраля>. Обед у Посланника, на который не явились кавалергарды и Попов, так как нарезались у Сушкова и Орановского, у которых была и D'Arldt. Я же с доктором Пясецким⁴⁸ ездил на Доушан-тепе⁴⁹ – осматривали дворец Шаха и зверинец⁵⁰ (л. 21об.)./

12 <февраля>. Раут у Посланника. Набросился на меня за то, что вздумал ходатайствовать о награждении русских офицеров, а равно Мартирос-хана и проч. Я жестоко обозлился⁵¹ (л. 21об.).

13 <февраля>. Утром Монтазем-эд-Доулэ⁵² – орден Медресе⁵³. Завтрак у Наиба-эс-Сальтанэ. Наиб-эс-Сальтанэ про меня Куропаткину, что я обелил его лицо⁵⁴. Смотри казармы⁵⁵. Максуд Векиль-эд-Доулэ. Проливной дождь. Мартирос-хана просили не приходиться по случаю недостатка мест. Никому в Тегеране не разрешено надевать зелёных лент вплоть до отъезда из Тегерана генерала Куропаткина, ибо ему пожалована зелёная лента⁵⁶. /Садр-Азам подарил Попову⁵⁷ лошадь⁵⁸, которую пришлось экстренно отправить в Казвин с приказным Таманского полка и двумя нашими казаками при всём казённом снаряжении – попоны, недоуздки и проч. Вечером прощальный обед у Куропаткина. Посл<анник>, Бат<юшков>, Григ<орович>: держите русское знамя так же высоко, как до сих пор – настоящий русский военный представитель (л. 21об.)./

14 <февраля>. Отъезд Куропаткина. Дипломаты хотели в каретах, я настоял – верхом⁵⁹. Прощание: Посланника обнял и поцеловал, мне – «отец-командир! Вы завоевали моё сердце»⁶⁰ (л. 21об.).

Примечания

¹ Генералов.

² Разговорная форма от «Мухаммад-хан» / «Мохаммад-хан». Его чин и должность см. ниже, л. 20.

³ Разговорная форма от «Мухаммад / Мохаммад-Бакер». Его чин и должность см. ниже, л. 20.

⁴ Мартирос-хан был важнейшей фигурой в Казачьей бригаде, немало способствовавшей проведению русских интересов в Персии. В январе 1906 г. в своём «Обзоре причин, вызвавших исключительность современного положения русских инструкторов в Тегеране», составленном по заданию Н.С. Ермолова, В.А. Косаговский даёт Мартирос-хану такую характеристику: «Со времени первого “Заведывающего обучением Персидской кавалерии” полковника Домантовича в течение 25-ти лет начальником Штаба Персидской казачьей бригады состоял некий Мартирос-хан. Происходя из наиболее уважаемых исфаганских (Ново-Джюльфинских) армян-заложников, он был определён в Москву в Лазаревский институт восточных языков, где окончил курс первым. Ныне Мартирос-хан – полный генерал, имеет Св. Станислава 1 ст. Благодарный за блестящее образование, данное ему Россией, Мартирос-хан, человек очень умный и опытный, был незаменим для целого ряда командиров бригады. Будучи по существу добрым человеком, Мартирос-хан по отношению к тем из них, которые относились к нему хорошо, был привязан всею душою. Положение Мартирос-хана было совершенно исключительное: мусульмане не любят и не доверяют армянам, поэтому армяне в Персии не могут встать слишком близко – ни к народу, ни к войску, ни к престолу. Допустив даже со стороны Мартирос-хана злую волю, он никогда не мог бы сделаться опасным по своему влиянию на бригаду, сложившемуся за многолетнее его пребывание в ней. Мартирос-хан держался командирами бригады – и только. Его, как персидско-подданного армянина, Персидское правительство в любой момент, да ещё и в те времена, могло стереть с лица земли. А мусульмане, как бы они лично его ни уважали, всегда видели в нём всё-таки армянина – не больше. И если бывший Атабек (Амин-эс-Султан) и сам Шах сравнительно и благоволили к Мартирос-хану, осыпая его знаками отличий и крупными материальными наградами за его недюжинные услуги, то главным образом потому, что сами они хорошо относились к русскому командиру бригады, т.е., так сказать, рефлексом. Положение командира бригады до 1903 года было настолько высоко, что о каком бы то ни было соперничестве не могло быть и речи. Сам Мартирос-хан понимал это более, чем кто бы то ни было другой, и всеми своими помыслами держался за русских командиров бригады: через Мартирос-хана нам всё было известно, во всём мы были предупреждены, всегда могли принимать своевременные меры. И обратно, замыслы командиров бригады для персов в большинстве случаев оставались непроницаемыми. В 1903 году полковник Чернозубов в день своего вступления в командование бригадою отстранил Мартирос-хана и назначил вместо него начальником Штаба бригады принца Аман-Олла-Мирзу, одного из персидских генералов, служивших в бригаде» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 18–19). Далее Косаговский выражает удивление, что Мартирос-хан, на которого опирались все командиры бригады, начиная с 1878 г., в 1903 г. вдруг стал очень опасным, при том что было достаточно только слова командира бригады, и его уничтожили бы – что и доказал Чернозубов. Теперь же ситуация поменялась: персидское правительство знает много, а русские – мало. Косаговский пишет о том, что Мартирос-хан умел гасить ан-

тироссийские слухи и настроения, что особенно пригodiлось бы в 1905–1906 гг., когда в Персию активно проникали слухи о бунтах в русских войсках (Там же. Л. 22–24). Мартирос-хан умер 11 декабря 1905 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 33).

⁵ *Мир-пандж* Татос-хан Бегумов был фуражиром Казачьей бригады и одним из близких помощников В.А. Косаговского. Последний состоял с ним в переписке и после своего отъезда из Персии. Сыновья Татос-хана, Даниэль и Леон, также служили в Бригаде.

⁶ Возможно, имеется в виду письмоводитель 2-го полка мирза Шукрулла-хан, находившийся на службе в Бригаде с 15 ноября 1879 г. (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 1).

⁷ Рапорт представляет собой черновой вариант приведённого ниже рапорта на персидском языке. Можно ожидать, что чистового варианта этого документа не существует, так как он носит рабочий характер, и основным здесь является персидский вариант, подготовленный на основе этого черновика Мартирос-ханом.

⁸ Полный перевод рапорта:

«Конная казачья бригада. Его Императорскому Высочеству, Августейшему, Могущественному и Благочестивейшему, да будет жизнь наша жертвой за него. Номер 2. Дня 21-го месяца раджаба года 1312. Тегеран.

Его Милости Его Благороднейшему, Счастливейшему и Высочайшему из Высоких Высочеству, Высокопочтительнейшему из шахиншахских отпрысков, господину Наibu ас-Салтане (= Наместник власти), Великому Амиру и Военному Министру, да будет жизнь наша жертвой за него, имею доложить <следующее>.

Ввиду того, что прибытие во Дворец Царства Тегеран Его Превосходительства Чрезвычайного Посла <нрзб> Государства Российского весьма приблизилось, имею честь просить у Вашей Милости Вашего Благороднейшего, Счастливейшего и Высочайшего из Высоких Высочества издать собственноручный благословенный и благородный указ о том, какие из военных частей гарнизона Дворца Царства будут назначены для выполнения нижеследующих пунктов надлежащего дипломатического протокола и военных почестей в отношении вышеупомянутого Посла:

Пункт 1. Почётный караул

Пункт 2. Караул при входе в резиденцию Посла

Пункт 3. Внутренний караул в резиденции и апартаментах Посла

Пункт 4. Ординарцы и посыльные

Пункт 5. Конная часть для сопровождения Посла во время его перемещений по городу

Пункт 6. Две деревянные караульные будки у дверей отведённых Послу апартаментов

Пункт 7. Военный оркестр, долженствующий сопровождать Почётный караул

Командующий бригадой, полковник Косаговский»

⁹ Велиахд / Валиахд – титул, который традиционно носил наследник престола, утверждаемый, согласно Туркманчайскому мирному договору 1828 г., Россией. В ту пору его носил второй сын Насер ад-Дин-шаха Музаффар ад-Дин, занимавший, как это было принято, пост губернатора Азербайджана с резиденцией в Табризе (см., например: Всеподданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 20-21; Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 66-67).

¹⁰ Аманулла / Аманаллах-мирза (امان الله ميرزا) (1869–1912) был сыном Джахангир-мирзы и внуком Сайфуллы-мирзы, 42-го сына Фатх-‘Али-шаха Каджара. Окончил пехотное отделение академии «Дар ал-фунун» и поступил офицером в Казачью бригаду. С 1883 по 1886 г. работал переводчиком русского языка в Управлении печати (*Эдаре-йе энтеба‘ат*) и Управлении переводов (*Дар ат-тарджуме*). В 1906 г. был отчислен из Бригады. С 1909 г. состоял на должности главнокомандующего армией Азербайджана (*Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 1. С. 164-165). В 1906 г. В.А. Косаговский даёт ему такую характеристику: «Аман-Олла-Мирза обладает блестящей наружностью, говорит по-французски, понатёрся в Европе, очаровал бывшего посланника господина Власова и полковника Чернозубова. Аман-Олла-Мирза родом Каджар – синоним вероломства (ныне царствующая в Персии династия из племени Каджаров считается узурпаторами, так как законными царями признаются только сейиды – потомки пророка Магомета), племянник теперешнего Атабека, а следовательно и военного министра, родного брата Атабека, и двоюродный брат того са-

мого 25-летнего Амир-хана Сардара, которому, по донесению полковника Чернозубова, Атабек намеревается подчинить Казачью бригаду, и в то же время внук Шаха» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 20).

¹¹ Г.С. Гейзлер был телеграфистом Российской Миссии в Тегеране и числился по почтово-телеграфному ведомству. По словам С.В. Чиркина, прибывшего в Тегеран в 1903 г., на тот момент Гейзлер находился в Персии уже более 30 лет, в течение которых ни разу не выезжал в Россию (наш автор говорит о 17 годах на 1895 г. – см. «19 февраля»). Прозвище «сартип» («генерал») закрепилось за ним, видимо, из-за манеры одеваться на военный лад – французы и бельгийцы иногда называли его «*mon general*» (Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 62-63). Ввиду сказанного прозвище Гейзлера, не будучи его подлинным званием, пишется в нашем издании с прописной буквы (как это иногда делал автор «Дневника») и заключается в кавычки.

¹² Род карточной игры.

¹³ Судя по всему, записки на л. 18об. относятся именно к январю.

¹⁴ Куропаткин в числе «представителей Персидского правительства», явившихся к нему на яхту в Раште, называет состоящего на персидской службе бельгийского доктора Мореля (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 2).

¹⁵ То есть «шахский парадный приём». Описание см., например: *Мисль-Рустем*. С. 74-80.

¹⁶ Директор Английского банка в Тегеране.

¹⁷ Перевод телеграммы: «Из Казвина в Телеграфное Агентство высокого государства Иран.

Номер 24. Количество слов 25.

Амиру амиров войска полковнику командующему бригадой Его высокопревосходительство Посол в понедельник выезжают в час по полудни в среду придут

Мухаммад-Бакер /печатать 13 отделения тегеранского телеграфа/

Числа 15 месяца ша'бана года 1312/11 февраля 1895 г. (т.е. 30 января по старому стилю. – Б.Н.).»

Телеграмма записана на стандартном телеграфном бланке, в верхней части которого расположен государственный герб – лев с мечом в правой лапе и солнце в дубовых и оливковых ветках. Официальный перевод на русский язык написан простым карандашом.

¹⁸ Искажённое от *зи хиджжа*, *зу-л-хиджжа* (последний месяц мусульманского лунного календаря).

¹⁹ Текст на л. 14 представляет собой текст телеграммы, писанный каллиграфическим почерком, не принадлежащим автору Дневника. Последний только подписал этот документ.

²⁰ Видимо, речь идёт об осмотре зверинца (см.: 11 февраля, л. 21об.).

²¹ Текст писан почерком, не похожим на почерк автора Дневника.

²² Черновой текст настоящего рапорта писан рукой Мартирос-хана.

²³ Л. 21: **1 февраля. Среда. Приезд Куропаткина. Встреча.**

²⁴ Над этими словами имеется приписка «*и бригада в порядке, и лошадь прекр<асна> – потому что сам к<оманди>р молодец*».

²⁵ В тексте *Саахесаляра*.

²⁶ Гулам-Али-хан Азиз ас-Султан (род. ок. 1879 г. – ум. 1939 г.) был племянником одной из любимых жён Насер ад-Дин-шаха, Амин-е Акдас Гаруси. Имел прозвище «Малиджак» или «Малиджак-е доввом», т.е. «Малиджак Второй» (его отец, Мирза Мухаммад-хан Амин-е Хакан, имел прозвище «Малиджак-е аваль», т.е. «Малиджак Первый», а его младший брат, Гулам-Хусейн-хан, — «Малиджак-е севвом», т.е. «Малиджак Третий»). Прозвище происходит от слова *малич* (по-курдски «воробей») – именно так в присутствии шаха мальчик называл воробья (по-персидски *гонджешик*). Шах любил Азиз ас-Султана больше собственных детей (например, на шахских приёмах он занимал место перед Наибом ас-Салтане) и выдал за него свою дочь Ахтар ад-Доуле. Подобное предпочтение шаха и избалованность Азиз ас-Султана (с десятилетнего возраста носившего звание *сартипа*, т.е. генерала) вызывали всеобщую ненависть к последнему, поэтому, как и следовало ожидать, после убийства Насер ад-Дин-шаха в 1896 г. он потерял все свои преимущества и умер в бедности (подробнее см.: *Бамдад*, 3. С. 20-50; *Мисль-Рустем*. С. 62).

А.Н. Куропаткин даёт ему такую характеристику: «Представился и 17-летний любимец Шаха, его зять, Азис-султан. Вчера (т.е. 1 февраля. – Б.Н.) за обедом он говорил мало, заикался и имел довольно глупый вид. Приносил показать свои ружья. Хотел показать и свою лошадь на охоте. Сегодня в мун-

дире генерала, весь усыпанный алмазами. Он сказал несколько в<есьма> неглупых вещей. Так, узнав, что большинство моих крестов получены за военные отличия, он высказался, что надеется таких не иметь, ибо получить их можно только на войне, а война – бедствие. Сказал также о великом миротворце нашем, покойном Государе, что он дал пример, которому должны следовать все государи. Вероятно, мальчик выучил эти мысли, но если они его собственные, то он содержательнее, чем представляется по наружности» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 58–59). В опубликованном Отчёте А.Н. Куропаткин только констатирует факт визита к нему Азиз ас-султана (*Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 8).

²⁷ Сам Куропаткин описал это так: «Сегодня состоялся весьма торжественный въезд нашего посольства в Тегеран. Весь церемониал, изложенный письменно, был выполнен, и кроме войск, назначенных на церемониале, Шах выслал навстречу мне свою любимую, отборную действительно, Казачью бригаду с батареей. Пропустил её церемониальным маршем. Прошли хорошо. Масса отличных лошадей. Люди сидят браво. Командир бригады полковник Генерального Штаба Косаговский, молодец. Огромного роста, красавец. Несколько русских офицеров хорошо, кажется, <нрзб>. Урядники тоже. Поручик Орановский, командир батареи, весьма лихо провёл её мимо нас карьером. <...> Начальства персидского масса. Много генералов. Капельмейстер и переводчик, тоже генералы. Почётные войска <нрзб> особенно какая-то дворцовая гвардия в серых мундирах с глупыми касками на головах имели шутовской вид» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 53об.–54об. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 7).

²⁸ Сам Куропаткин сделал под 2 февраля следующую запись: «Всё утро с 11 часов представлялись разные персидские власти и сановники. Говорились нужные и ненужные вещи. Представился и 17-летний любимец Шаха его зять, Азис-султан... [эту часть текста см. примеч. 27. – *Б.Н.*] Нашим старшим дворецким служил двоюродный брат Шаха. Скромный. Садим его с нами за стол. Прибавлю для характеристики, что вчера за обедом за стол с нами уселся по приглашению *михмондара* придворный капельмейстер в затасканной форме, француз, чином генерал персидской службы. Просим, чтобы впредь к столу лица допускались только с моего ведома. Сейчас еду к Бюцову составлять проект речи к Шаху на завтра. Затем будем обедать у Бюцова» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 58–60. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 8).

²⁹ До этого Куропаткин провёл официальные встречи с принцами Наибом ас-Салтане и Музаффар ад-Дином, состоявшиеся по окончании аудиенции у шаха. О приёме Куропаткин пишет следующее: «Вечером обедали у Садразама. Роскошно выстроенный в отдельном доме. Построен два-три года тому назад. Родственником Садразама. Отец его был тоже Садразамом. Дед был лакей Шаха. Богач. Кажется, у него на откупе у Шаха все таможни. Военный министр говорил своему папе, что Садразам его обманывает и что он может приискать лицо, которое даст вдвое.

Приглашены все русские члены миссии, все офицеры бригады. Все персидские сановники, имеющие русские ордена. Очень представительное собрание. 50-60 приглашённых. Роскошно сервированный обед. Масса блюд, хорошие вина. Хорошая музыка (Казачьей бригады). При луне и пр. всё производило внешнее сильное впечатление. Прибавлю, что речь на французском языке не прекращалась.

Но тут же прорывалась и Персия во всей её неприглядной действительности.

Садразам посадил меня с правой стороны себя, а с левой – Бюцова. Против сидел брат Шаха, жалкая маленькая фигурка в потасканном платье с испуганными глазами, подозрительная и злая, но не глупая. Этот брат Шаха, кажется, два-три года тому назад написал нашему Государю письмо, в котором просил защитить его от брата, указывал, что он почти голодает. Несколько далее сидел юноша Азис Султан, любимец, фаворит Шаха. Тоже в ленте. Не ел, а жрал подаваемые ему блюда.

Во время обеда я успел поговорить с Садразамом. Добился обещания принять меры к исправлению Мешедской (Мешхедской. – *Б.Н.*) дороги. Садразам сказал коротенькую речь. О дружбе России и Персии. О высоком покровительстве России. О том, что моя миссия – новый знак расположения России. Провозгласил здоровье Государя. Речь по-персидски переводилась по-французски. Крикнул ура. Музыка играла “Боже, царя храни”.

Ответил, симпровизировав две коротеньких речи: одну за здоровье Шаха, другую, после тоста за моё здоровье, за здоровье Садразама. Говорил, что в письме, мною привезённом, наш Государь называет Шаха своим другом и добрым соседом. <...> 50 лет мирного царствования. Дай Бог ещё много лет царствовать ко благу своих подданных и на поддержание дружбы с Персией. <...>. О Садразаме

сказал: Здоровье верного слуги своего государя, здоровье точного исполнителя всех предначертаний Его Величества Шаха. Здоровье патриота своей родины. Здоровье человека, так много сделавшего к поддержанию и скреплению дружественных отношений Персии к России. Здоровье нашего благодушного хозяина, Его Светлости Садразама. Затем было выпито здоровье Бюцова, Садразама и здоровье брата Шаха много» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 67об.–70. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 11-12).

³⁰ Согласно «Всепопданейшему отчёту», Куропаткин встречался с Императором 23 декабря 1894 г., а по его дневниковым записям – 10 января. Николай II велел Куропаткину «передать Шаху поклон и заявить ему, что ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО предполагаете по прежнему поддерживать дружественные отношения с Персиею, но что сохранение таковых отношений будет зависеть от действий самого Шаха» (*Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 1). В своём «Дневнике» Куропаткин отмечает, что Император велел ему поблагодарить Насер ад-Дин-шаха за внимание, выказанное им во время болезни и после кончины Александра III, а также предоставил ему возможность самому решать, о чём говорить (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1848. Л. 70об.–72об.). Вероятно, слова, вызвавшие всеобщее негодование, попадают в последнюю категорию. В своей ответной речи шах, в частности, заметил, что «помнит его, Никола. Он держал его ещё маленького на руках» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1848. Л. 73об.). Эти слова, разумеется, во «Всепопданейший отчёт» не попали (см.: *Куропаткин.* Отчёт. С. 9). Более того, нет этого и в другом «Дневнике» Куропаткина, более подробно освещающем его визит в Персию. Здесь, между прочим, Куропаткин отмечает, что речь его была приготовлена накануне, 2 февраля, совместно с посланником Бюцовым (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 60–62). При этом на приёме у Садр-Азама Куропаткин говорит, что эти слова имеются в письме Императора, привезённом им для шаха (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 69об. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 12).

³¹ В своём «Дневнике» Куропаткин относит это событие к периоду с 5 по 8 февраля (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 74).

³² Текст писан рукой Мартирос-хана. Имеются приписки простым карандашом, сделанные В.А. Косаговым.

³³ Напротив этих четырёх имён имеется приписка почерком В. А. Косаговского *П.П. Артамонов – про персидских иомудов.*

³⁴ Точнее – Хусейн-бек Исма‘ил-бек (حسين بيك اسمعيل بيك).

³⁵ Точнее – Хасан-бек (حسن بيك).

³⁶ Имя пишется с двумя «б» – Аббас / ‘Аббас (عباس).

³⁷ Сверху почерком В.А. Косаговского простым карандашом приписано *Ефрейтор.*

³⁸ Хидайат / Хедайат-бек (هدايت بيك).

³⁹ Скорее всего, имеется в виду «Мухиб».

⁴⁰ Хасан (حسن).

⁴¹ Казим / Казем-бек (كاظم بيك). Не путать с Касым / Касим (قاسم بيك).

⁴² Искажённое от *И‘тимад* (اعتماد).

⁴³ Далее карандашом рукой В. А. Косаговского приписано (*окончил в Сан-Суре*).

⁴⁴ Акбар (اكبر).

⁴⁵ В своём «Дневнике» Куропаткин освещает это событие гораздо подробнее, чем во «Всепопданейшем отчёте»: «По приказанию шаха сегодня мне на смотр был выведен весь Тегеранский гарнизон. Меня встретил по прибытию верхом сам Шах, Наibus Салтане, он же и военный министр. После приветствия я просил его считать меня в своей свите и дать возможность видеть войска. Он ответил, что сегодня я старший, и что мне будут отдаваться все почести. Действительно, подъехал ко мне с рапортом и затем рядом с сыном Шаха мы начали объезд.

Войска стояли на 4-х фасах большой площади. Было выставлено: 7 полков пехоты, 2 батареи пеших, одна горная, милиция, дворцовая стража конная и пешая, бригада казаков с батареею. Общее количество войск было внушительным. Одеты порядочно. Формы самые разнообразные. Есть большинство красивых мундиров, есть серые (полк *махсус* с глупыми касками), синяя, черная. Наружный вид солдат и выправка плохи, но материал <нрзб> хорош. Офицеры очень плохи. Вооружено довольно хорошо, большей частью Верндля, скорострельные. Состав полков большей частью батальоны. По 4 роты в батальоне слабого состава от 60-75 человек в каждой. Почти в каждом полку – хор музыки, но плохой. Когда я прибыл, музыка всюду играла “Боже, царя храни”.

При объезде частей войска Наибус-Салтане называл каждую часть, а командиры её салютовали. Все войска при объезде держали на караул, по-нашему. В строю масса отличных лошадей. Большой частью ротные командиры сидели верхом. Войска были выстроены и выравнены хорошо. Наиболее хорошим был из пехоты в Гвардейском полку, где нам показывали казармы и особенно в личной гвардии Шаха (одна рота). Из конницы хороший вид в Казачьей бригаде, из артиллерии – в Конной батарее. Отлично тоже по наружному виду и прекрасным лошадям выглядели: гулямы Шаха, несколько сот человек, и милиция шахсевенская и луристанская.

Лучше всех прошла церемониальным маршем гвардейская рота: молодцы и завидная выправка. Порядочно шли гвардейский полк, казармы которого мы осматривали, полк *махсус* (внизу под (х): «*махсус*» в переводе: «особенный, специальный, собственный (Шаха)»»), полк Мунтазимуд-Доуле. Шли, в общем, плохо, без выправки, частью не в ногу, одни махали руками, другие нет. Хороши <й> большой шаг. Интервалы правильные. Пехотные командиры сидели на конях разнообразно. Некоторые держали ноги слишком вперёд. При первой роте вторых батальон несли знамена, чаще их вёз конный.

Артиллерии проходило три батареи: одна медная нарезная, заряжаемая с казны, одна медная нарезная, заряжаемая с дула, одна горная на вьюках. Батареи съезжены и выучены не достаточно. Вьючка горной батареи не хорошо соображена. Орудия лежат поперёк спины мулов.

Наибус Салтане уклонился от учения пехоты, прося ограничиться объездом и церемониальным маршем.

Затем училась бригада с конной артиллерией. Училась шаблонно, но довольно лихо. Разница с нашими учениями получалась лишь потому, что в Персидской бригаде <нрзб> сотни и большое число знамён, значков. Переменив направление, перестроения, атаки, слушали голос, сигналы и знаки саблею хорошо. Батарея выносилась лихо, и тотчас же без всякой прицелки давали залпы. <...>. Церемониальным маршем прошли хорошо. Заезжали Коссаговский, Орановский и русские офицеры молодцами.

Смотрели казармы, но лишь <нрзб>. Пили чай.

Наибус Салтане передал: Офицеры слабы. Мундир. Одежда слишком разнообразна. Каски глупы. Калибры артиллерии разнообразны. Из гулямов надо половину начать обучать строю. В общем похвалил» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 88–92. Ср.: Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 16–17).

⁴⁶ В соответствии с отчётом Куропаткина, на 10 февраля был назначен торжественный завтрак у Наиб ас-Салтане, который по инициативе генерала был отложен в связи со смертью *худжжат алислама* (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 17).

⁴⁷ Из содержания беседы Куропаткин упоминает только рассказ Косаговского о волнениях в Тегеране, последовавших вслед за отменой табачной монополии. По его мнению, эти сведения нуждаются в проверке (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 107об.–108об.).

⁴⁸ Коллежский советник Павел Яковлевич Пясецкий (1846 – после 1919) – выпускник медицинского факультета Московского университета 1866 г. С 1872 по 1883 г. служил военным врачом. В 1874–1875 гг. принял участие в экспедиции капитана Ю.А. Сосновского в Китай, где собрал огромный этнографический материал, а также значительные ботанические и зоологические коллекции. Его отчёт об экспедиции был переведён на основные европейские языки. После отставки много путешествовал – в том числе, входил в состав чрезвычайного посольства А.Н. Куропаткина в Тегеран (см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь. М., 2005. С. 199–200; Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 1).

⁴⁹ Доушан-тепе (دوشان تپه) – район, располагавшийся к востоку от старого Тегерана и ограниченный Кухха-йе се пайе и Каср-е Фирузе. По преданию, в этой местности водилось множество зайцев (тюрк. *даушан*), в связи с чем она и получила своё наименование «Заячий холм». Здесь расположены месторождения железа и свинца. В 1852–1853 г. по приказу Насер ад-Дин-шаха на холме был разбит сад. Впоследствии был построен дворец. В Даушан-тепе проводились скачки, здесь любил охотиться шах. Позднее там располагался военный аэродром. Такое же название носили ворота в Тегеране (располагавшиеся на «юго-восточной» линии тегеранских ворот), через которые шла дорога в эту местность (Даушан-тепе // *Деххудо*, 'Али Акбар. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Техран, 2006 (CD version); *Шахиди-Мазандарани Х.* Саргозафт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 212, 306–319).

⁵⁰ Согласно отчёту Куропаткина, на 11 февраля была запланирована соколиная охота и завтрак в загородном дворце шаха по приглашению 'Азиз-Султана, любимого зятя верховного правителя. Однако в связи с кончиной известного *худжжат ал-ислама* из Самарры российский посол решил отложить этот и другие визиты и торжества. (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 17). Из сообщения Косаговского неясно, участвовал ли Куропаткин в увеселительных мероприятиях, однако несомненно, что всех остальных траур не коснулся.

⁵¹ По словам Куропаткина, 12 февраля предполагался торжественный обед у министра народного просвещения Амир-хана Сардара, от которого он отказался из-за траура по поводу смерти *худжжат ал-ислама* (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 17).

⁵² Мирза Карим-хан Арджуманди Фирузкухи Мунтазем ад-Доуле был правителем области Фирузкух. С 1886 г. занимал должность начальника военной школы «Насерийе» в Тегеране (поначалу в чине *сартин-е авваль*, а в 1890–1891 г. ему был присвоен чин *амир-е туман*) (Бамдад, 3. С. 175-176. В данном справочнике дата отставки с должности начальника школы «Насерийе» – 1310 г. х. – неверна, поскольку этот год соответствует 1892/1893 гг. н.э., а визит А.Н. Куропаткина во вверенную ему школу состоялся 6 февраля 1895 г.).

А.Н. Куропаткин сообщает, что Мунтазим ад-Доуле командовал тремя полками, а также, что он был человек «весьма симпатичный и добродушный, хотя и ограниченный. Жил семь лет в Европе, любит её и жалеет, что не там и теперь... Он не пользуется влиянием в правящих персидских сферах, но по своим качествам составляет приятное исключение Персии» (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 25).

⁵³ Имеется в виду золотой знак «За учёность» 2-й степени, датированный 29 ша'бана 1312/13 февраля 1895 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 93).

⁵⁴ Фраза представляет собой кальку с персидского выражения *ру-йе кяс-и ро сефид кярдан* (روی کسی را سفید کردن), «оправдывать ч-л. доверие / надежды». Здесь имеет значение «не подвели, спасли» (ср.: *ру-йе кяс-и ро сийах кярдан* (روی کسی را سیاه کردن), «не оправдать ч-л. доверия; опозорить»). Об этом Наиб ас-Салтане говорил Куропаткину 3 февраля во время их встречи после окончания аудиенции шаха (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 66).

⁵⁵ А.Н. Куропаткин описывает это так: «Гвардейская Казарма полка в 500 человек. Все солдаты из Азербейджана. Наружный вид бравый, хотя у многих совсем не солдатский. Все сидели в конторках сводчатых по 20 человек в каждой. Тесно, но опрятно. Насчитал 380 человек в 6 ротках. Пространства достаточно лишь для одной роты. Ученье по тревоге. Вышли гуськом вокруг двора. Играли «Боже, царя храни». Показывали лазарет. Три больных. Везде чисто. Кухонь не показывали. Всё приновлено для наружного показа» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 75об.–76. См. и ср.: Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 13).

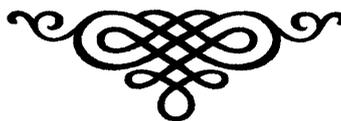
⁵⁶ Лента ордена Льва и Солнца для иностранцев была зелёного цвета (Потрашков С.В. Ордена и медали стран мира. М., 2007. С. 158-159).

⁵⁷ Подъесаул Попов – личный адъютант Куропаткина (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 1).

⁵⁸ Куропаткин сообщает, что шах подарил ему прекрасного арабского скакуна (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 14). Об этом Косаговский ничего не пишет.

⁵⁹ См.: Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 18-19.

⁶⁰ Надо сказать, что при всём своём скептическом отношении к генералу Куропаткину В.А. Косаговский считает его визит удачным для себя: «В феврале 1895 года приезжал в Тегеран, в качестве Чрезвычайного Посла, генерал Куропаткин. Персидская казачья бригада представилась ему в блестящем виде. Но важнее всего то, что генерал Куропаткин правильно оценил моё исключительное, неестественно тяжкое положение /¹при завистливо-враждебном отношении ко мне “Российской Императорской Миссии”/ и нравственно поддержал меня» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 204).

Б.В. Норик

ДНЕВНИК В.А. КОСАГОВСКОГО ЗА 1894–1895 ГОДЫ.

Избранные отрывки. Часть 3

20 февраля. Выводка 1^{му} полку.

21 февраля. Получил от Куропаткина телеграмму от 20го февраля – и лестно, и отрадно. Копию с этой телеграммы послал генералу Зеленому при рапорте, а также в письме написал Тутолмину, Марксу и Флейшеру¹.

22 февраля. Выводка 2^{му} полку. В 10 ч. к Орановскому.

23 февраля. Утром проводы Орановского в отпуск. Вечером выводка 3^{му} полку – опять возвратил галуны *мухаджиру* 3го полка (урмийцу), попробовавшему было бунтоваться и отказывавшемуся от казённых лошадей.

24 февраля. Приводил в порядок книги² (л. 25об.).

27 февраля. С визитом Амир-хан Сардар, новый генерал-губернатор Астрабада³, с Аман-Олла-Мирзой за переводчика. Я настаивал, чтобы сотне казаков Амир-хан Сардар давал фураж сам, а казённый оставил бы (л. 23об.) нам на погашение дефицита — не соглашается <...> (л. 24).

Глубокоуважаемый

Владимир Андреевич!

Сергенга Мамеда Багир-хана я, по Вашему приказанию, потребовал к себе и спрашивал о золотых, розданных Вами нижним чинам, принявшим участие в услугах, оказанных господину генералу Куропаткину по дороге из Тегерана до Решта и в г. Тегеране, и оказывается, что действительно Вами уже розданы 42 полимпериаля⁴, но при этом 42 золотых выданы и другим нижним чинам, не вошедшим в общий расчёт, вроде ординарцев Ваших Ганифэ бека, Мамед бека и Али-Акбер бека, которые уже получили, и Али Каки и двух казаков, которых *наиб сергенг* Ага бек взял с собою не из бывших с Мамед Багир-ханом, которые и составляют 6 человек как раз на 6 золотых, которых и не хватает. Подробный список следующий:

I. Из чинов, взятых *сергенгом* Мамед Багир-ханом в Решт <i>уже</i> получивших по золотому:

1^й полк.

1. *Векиль раст* Нур Мамед бек
2. *Векиль раст* Ибад-Олла бек
3. Казак Риза-хан
4. Казак Мегр⁵ Али бек
5. Казак Гулям Али бек
6. Казак Шафи бек
7. Казак Гасан бек
8. Казак Гусейн б. Измаил
9. Казак Ибрагим б. Малик Мамед
10. Казак Мирза Абас

2^й полк

11. Казак Араб Али бек
12. Казак Юсуф Али
13. Казак Орудж бек
14. Казак Мирза Мамед Али

15. Казак Хаджжи-Мурад бек
  16. Казак Фарадж бек Баба
  17. Казак Рашид бек Пирбаги
3^й полк
  18. *Сертип доюм* Садык бек
  19. Казак Шейх Али бек
  20. Казак Абас Кули Ага
  21. Казак Али Акбер-хан
  22. Казак Мустафа Кули бек
  23. Казак Гедает^б бек
  24. Казак Ибрагим бек
- Итого 24 золотых (л. 28)

I. Чины из команды, не ходившей с *сергенгом* Мамед Багир-ханом в Решт и которые вторично пошли с *сергенгом* Ага беком и ещё не получали золотых и коим следует:

- 1^й полк
- Векиль раст* Кахраман-хан
Векиль раст Али-Аскер-хан
Казак Мирза Абуль-Касым
- 2^й полк
- Сертип доюм* Мамед Багир-хан
Казак Ибад-Олла-хан
Казак Гусейн б. Измаил
- 3^й полк
- Сертип доюм* Джафар бек
Сертип доюм Мамед Таги бек
Сертип доюм Гусейн-Ага
Казак Али Аскер бек
Казак Мамед Али бек
Казак Мансур Багир бек
- Итого 12 золотых

Получивших уже 22 человека и долженствующих ещё получить по возвращении из второй поездки 12, всего 36 человек, которые и были назначены с самого начала.

II. Из нижних чинов, назначенных к Генералу в Тегеране, тоже получивших золотые:

1. *Векиль баши* Гвардейского эскадрона Назар Али бек
  2. *Векиль раст* Гвардейского эскадрона Гусейн-хан
  3. *Векиль чап* Гвардейского эскадрона Самад бек
  4. *Векиль чап* Гвардейского эскадрона Мугб Али бек
  5. 2^й полк *векиль баши* Шир Али бек
  6. 3^й полк *векиль раст* Абуль Касым бек
  7. 3^й полк *сертип доюм* Гасан Ага
  8. 3^й полк казак Шафи-хан (Хали)
  9. Пеший 1^й полк Гасан б. Касым бек
  10. Пеший 2^й полк Казым б. Надр Али
- Итого 10 золотых

Чины, получившие помимо этих людей:

1. Принц Мамед-Али Мирза
2. Оруженосец Вашего Высокоблагородия Ганифэ бек
3. Оруженосец Вашего Высокоблагородия Мамед бек
4. Оруженосец Вашего Высокоблагородия Али Акбар бек

Итого 4 золотых

I. Из чинов, ездивших с Ага беком, не из команды *сергенга* Мамед Багир-хана, которые должны получить золотые по возвращении:

Векиль баши Али-хан

1^й полк *сертип доюм* Аюб бек

1^й Полк казак Ибрагим б. Казым бек (Гади бек⁷)⁸

Итого 3 золотых

Четырём урядникам по золотому. Итого 4 золотых (л. 28 об.)

Уже получившие из команды *сергенга* Мамед Багир-хана 22 человека = 22 золотых

Из его же команды, которые должны получить по возвращении 12 человек = 12 золотых

Состоявших при Генерале в Тегеране 10 человек = 10 золотых

Принц Мамед Али Мирза и 3 Ваших ординарца 4 человека = 4 золотых

Ездивших с *сергенгом* Ага беком не из команды Мамед Багир-хана 3 человека = 3 золо-

тых

Урядников русских 4 человека = 4 золотых

Всего 55 человек = 55 золотых

Всего уже выдано на 42 человека = 42 золотых

Остаются у Вас 9 золотых

Итого 51 золотой

Не хватает 6 золотых, и эти 6 золотых именно на 6 человек, не вошедших в первоначаль-

ный расчёт, а именно на 4 Ваших ординарца – 4

на двух казаков, взятых *сергенгом* Ага беком

из Тегерана, но не из команды Мамед Багир-хана – 2

Итого 6 золотых

Ваш покорнейший слуга

Мартирос-хан

27 февраля 1895 г. (л. 29)

28 февраля. Утром у Посланника разговор относительно преобразования бригады (см. рапорт мой Садр-Азаму от <...>⁹).

Посланник, к счастью, сегодня вечером едет к Садр-Азаму: в 5 ч. мы у Садр-Азама. Продолжительный разговор. Садр-Азам всё внимательно выслушал и предложил мне подать ему рапорт. Потом я стал просить, чтобы не посылать в Астрабад сотню казаков, настаивая, что, если и посылать, то лишь с тем условием, чтобы Амир-хан Сардар **сам** продовольствовался фуражом, а казённый фураж – на уплату бригадного долга. Садр-Азам уклонился (л. 23) от прямого ответа. Входя, Посланник предупредил, чтобы это было по секрету от Мартирос-хана и потому чтобы я – ни слова Мартирос-хану, а чтобы перевёл мой рапорт Григорович. Но тот стал уклоняться, говоря, что Мартирос-хан лучше это сделает. Тогда Посланник вспылил: «Ну, так я поручу это Штриттеру¹⁰». Выяснилось, насколько у них натянуты отношения, и они ненавидят друг друга (л. 23об.).

3 марта. У Наиба-эс-Сальтанэ. 60 человек мулл, а потому пришлось ожидать с 8 до 10^{1/2} ч. вечера. Выяснилось, что Наиб-эс-Сальтанэ – враг Амир-хана Сардара: он предложил мне подать ему рапорт обо всех неудачах бригады, обещал всеми силами поддержать меня перед Шахом.

4 марта. Обед у Сушкова. Мартирос-хан, Рафалович и я <...>. Пропьянствовали почти до утра. Рафалович удрал. За ним послали и привезли опять. <...> (л. 24).

5 марта. Страшный катцен-яммер¹¹. Целый день рапорт Наibu-эс-Сальтанэ (л. 24об.).

5 марта¹². Подал Наibu-эс-Сальтанэ рапорт о том, что посылка сотни казаков в Астрабад в сущности для нас такое разорение, что посылка эта немислима. Наib-эс-Сальтанэ, враг Амир-хана Сардара, обрадовался случаю нагадить Амир-хану Сардару и немедленно же отослал этот рапорт Шаху.

6 марта. Весь вечер заседание командиров полков и эскадронов – составление наградных списков к Ноурузу 9го марта.

7 марта. Письма и рапорты к почте. Был с визитом вновь наречённый губернатор Хамсэ – Ала-эд-Доулэ¹³, начальник гулямов и шахских палачей.

7 марта. Дошли до меня слухи, что Шах намеревается потом потребовать от меня ещё 300 казаков. Так как это немисливо, то я, чтобы не быть застигнутым врасплох, отправился к Посланнику и, гуляя по саду, изложил ему всю несостоятельность и неестественность внутреннего устройства Казачьей бригады. Мало того, изложил ему, что при подобных порядках дальнейшее существование бригады немисливо, и скоро она должна разложиться сама собою. Посланник, по-видимому, (?) вполне проникся истиною моих слов и назначил, чтобы в 5 ч. вечера сегодня я приехал к Садр-Азаму, где он будет меня ожидать (л. 30).

Я, не стесняясь, высказал Садр-Азаму в присутствии Посланника и Григоровича **решительно всё**, что накипело у меня на душе. Садр-Азам, склонив свою умную голову, усиленно затягивался. Когда я кончил, он сказал: «Да, всё, что говорил полковник – правда... Изложите всё в рапорте, и я подам его Шаху».

12 марта. Получаю записку от Ала-уль-Мулька¹⁴, что меня требует (?) к себе Садр-Азам. Являюсь немедленно – и что же: преважно восседает один Ала-уль-Мульк, а никакого Садр-Азама нет. Это меня взорвало. «Что Вам угодно?», – спрашиваю превежливо. «Его Величество приказал Вам послать ещё одну сотню с новым генерал-губернатором Эмир-Низамом¹⁵». Меня словно гюрза ужалила: «Да ведь я подал Наibu-эс-Сальтанэ рапорт, что и одной-то сотни в Астрабад я не могу послать?!» (л. 30об.)

«Ничего не знаю – это воля Его Величества». С минуту я подумал: «Скажите Садр-Азаму, что покуда мне не выплатят все 20 000 *туманов* долгу бригады **до копейки**, я никуда не пошлю ни единого казака». Ала-уль-Мульк опешил: «Но Его Величество...?». «Мне это всё равно – я сказал», – и с этими словами поднялся с места. И как ни хитрил, как ни молил Ала-уль-Мулька, я остался твёрд и с тем и ушёл.

От Ала-уль-Мулька я отправился прямо к Посланнику и доложил ему обо всём случившемся, а также о том, что Садр-Азам, которому я по Контракту вовсе даже и не подчинён, осмелился потребовать меня к себе (л. 31) для объяснений с каким-то Ала-уль-Мульком. Требовать к себе меня, **русского** полковника, может во всей Персии один только **русский** Посланник. Посланник вполне разделил моё негодование и, так как он через час должен был ехать к Садр-Азаму, то и изложил ему всё то, что я говорил. Садр-Азам извинился, пояснив, что желал лично сам говорить со мною, но что его в ту же минуту потребовал Шах. 2ая же сотня с Эмир-Низамом **не пойдёт**.

Когда я вернулся домой, то застал у себя Сушкова, «Сартипа» Гейзлера и Мартирос-хана до того пьяных, что они не могли уже ходить. Сушков и Гейзлер так и остались ночевать. Мартирос-хан, проспавшись, удрал поздно вечером (л. 31об.).

Список

Пешей команды, кои состояли по 9 марта 1895 г. 21 апреля 1895 г.

№	Имена и Фамилии	Отметка
1	<i>Векиль чап</i> Али Мурад бек <i>Сертип дююм</i> Сабз Али бек	с 9 марта переведён во 2 полк с 9 марта переведён в 1 полк

№	Имена и Фамилии	Отметка
10	Казак Мехти ¹⁶ б. Надр Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Сафар хан	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Гамид Ула ¹⁷	11 марта исключён
	Казак Гасан бек	с 9 переведён в 1 полк
	Казак Сеид Мурад	с 9 марта переведён в Гвардейский эскадрон
	Казак Кембер Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Мамад Акпер	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Сафар Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Шир Али	с 9 марта переведён во 2 полк
	Казак Габиб ¹⁸	с 9 марта переведён в 1 полк
14	Казак Ферадж	20 марта исключён
	Казак Гусейн (малолетний)	с 9 марта исключён

Урядник Орлов (л. 32)

Вольнонаёмные

Фуражиры Татос и Али	35 т.
Раздатчики Оганес и Ослан по 9 т.	18
Ба<нки>	6
Портной	6
Фургонщики	5
Кучер Мартирос-хана	4 ¹⁹
в месяц	75 т. 7 кр.
в год	906 т.
Европейский доктор Миллер	25 т. – 300
	1206 т. ²⁰ (л. 32об.)

13 марта. Получил от Посланника письмо, в котором тот пишет, что Садр-Азам извиняется за то, что послал за мною, а вместо того принудил меня объясняться с Ала-уль-Мульком; просит во что бы то ни стало послать сотню в Астрабад, а что деньги, все должные нам Правительством 20 000 будут выданы завтра же. Что же касается до причин, почему я не желаю посылать сотню в Астрабад, Садр-Азам просит меня изложить ему в особом рапорте.

Получив это письмо Посланника, я немедленно же налетел к нему и объяснил, что 5го марта мною уже подан рапорт Наibu-эс-Сальтанэ, который немедленно же послал его самому Шаху. В рапорте от 5го марта я просил не посылать сотню в Астрабад, выставив массу веских доводов, но в ответ на это Шах потребовал, чтобы я послал ещё другую сотню с другим генерал-губернатором – Эмир-Низамом (л. 34).

Это что значит: что Амир-хан Сардар уже ранее успел настроить Шаха против меня. Получив рапорт, Шах вспылал: «Как? Мне отказывает полковник в повиновении? Не хочет посылать одной сотни? Так повелеваю послать две сотни!». Поэтому теперь²¹, после того как Шах таким образом отнёсся к моему рапорту, я считаю ниже своего достоинства писать ещё что-нибудь подобное Садр-Азаму для нового представления Шаху.

Посланник вполне одобрил меня. При этом Посланник по секрету передал мне то, что сообщил ему Садр-Азам: «Ваше Величество, во что бы то ни стало надо заплатить бригаде 20 000 туманов». Шах: «Ну, взять 20 000 в банке». Садр-Азам: «Сегодня я опять обращался в Английский банк, и директор Рабино отказал. Может быть, желаете попытать счастья в Рус-

ском банке – до сих пор с ним мы ещё не имели никакого дела?». Шах промолчал. «Ваше Величество, – продолжал Садр-Азам, – сегодня утром Вам принесли 70 000 *туманов*, которые Вы вознамерились отправить в Ваш сундук. Отдайте из них 20 тысяч бригаде». Шах гневно повернулся и, не ответив ни слова, ушёл (л. 34об.).

15 марта. Сегодня вечером опять получил письмо от бывшего Петербургского посланника, ныне назначенного Константинопольским послом, Ала-уль-Мулька, в котором тот от имени самого Шаха пишет, чтобы в Астрабад были назначены обязательно **все старые** казаки: видно, Шаху насплетничали, что я отобрал в Астрабад самую сволочь из всей бригады. Я тотчас созвал всех эскадронных командиров. Всего в Астрабад назначено:

из 1 ^{го} полка	29
<из> 2	29
<из> 3	30
88	
офицеров	12
100	

Из них оказалось молодых 23 человека. Я приказал заместить их всех старыми, но самыми негодьями из всей бригады (л. 33об.).

16 марта²². Новый год в Персии 9го марта. Но так как в нынешнем году он совпал с постом, то встреча его и была отложена на 15/16 марта – день окончания поста. Сегодня большой *салям*. Обыкновенно на этом *саляме* Шах раздавал всем присутствующим мелкие золотые и серебряные монеты, которые специально для этой цели чеканились. Первоначально раздача этих монет производилась в течение 12-ти дней: Шаху подавали глубокое блюдо, наполненное первоначально одними золотыми монетами, а затем, с течением времени – уже перемешанные с серебряными. Шах запускал в них руку, захватывал более или менее и давал подходившему. Первоначально раздавалось 100 000 *туманов*, потом всё менее и менее, потом Шах стал раздавать только в один первый день *саляма*; прошлого года было роздано всего на сумму 13–15 000 *туманов*, а в нынешнем году раздачи монет уже **вовсе не было** (л. 33)²³.

Наиб-эс-Сальтанэ был особенно приторно любезен со мною – вероятно, и ему досталось от Шаха по поводу посылки сотен с Амир-ханом Сардаром в Астрабад и с Эмир-Низамом; а быть может, Наиб-эс-Сальтанэ заготовил мне какую-нибудь особенную пакость – она всегда предшествует особенной любезности (л. 33об.).

19 марта. Наиб-эс-Сальтанэ осматривал сотню, отправляемую в Астрабад. Я доложил Наibu-эс-Сальтанэ, что так как до сведения Его Величества Шаха дошло, будто я всю сотню умышленно набрал из новобранцев, я переменял и заменил старыми казаками и тех 23^х новых казаков, которые были назначены в состав сотни лишь потому, что они лучше старых. Но оказалось, что Наиб-эс-Сальтанэ решительно ничего об этом не знает, что всё это происки и *фузули*²⁴ Ала-уль-Мулька, вероятно, по наущению Амир-хана Сардара и, быть может, Аман-Оллы-Мирзы, обиженного тем, что я его не назначил командиром сборной Астрабадской сотни, а предпочёл ему опытного командира 1го полка *мир-пянджа* Сафар-Али-Агу. Наиб-эс-Сальтанэ страшно бесился, называл Ала-уль-Мулька *педэр сухтэ* (сожжённый отец), *зын кяхбя*²⁵ (жена-б<...>) и проч.²⁶

20 марта. В 12 ч. ночи пришли Сушков и телеграфист Гейзлер и принесли следующую телеграмму, полученную на имя Сушкова из Петербурга: «Пришёл заключению единственное средство уладить дело исправить сделанную ошибку немедленно представить Бельгарда производству. Отвечай. Орановский».

Я вскипел: значит, на бедного Орановского навелись *фузули* Бельгард и Блюмер и убедили его послать эту пошлую телеграмму. Я не мог заснуть, и мы пили всю ночь. Наутро была

послана следующая телеграмма: «Зависящее бригады сделано. Что нужно? Глухой смысл телеграммы непонятен. Сушков».

Боже мой, чего они ещё от меня хотят? Всё, что мог сделать человек, я уже сделал, хотя Бельгард и не состоит в бригаде уже целых полгода (л. 34об.).

21 <марта>. Первое ученье после Уразы <нрзб.> поста перед новым годом.

Наиб-эс-Сальтанэ. Я выстроил сотню и показал, указав, что сплетни относительно того, что набраны только молодые, несправедливы. Наиб-эс-Сальтанэ потребовал от меня письмо Ала-уль-Мулька. Я сказал, что сжѐг. Ответ Наиба-эс-Сальтанэ, когда я отъехал, – *педэр сухтэ*²⁷.

22 <марта>. Привлѐк снова к ведению хозяйства Мартирос-хана – идиотство Рафаловича: оказалось дефицита с лишком на 4 тысячи *туманов* – вот тебе и погашение; не спал ночь, нервы опять расстроены. Неджеф-Кули-хан – 1000 *туманов* на экстренные расходы; его выговор мне.

23 <марта>. Ученье. Наиба-эс-Сальтанэ не было на Майдан-Машке.

Письмо Наиба-эс-Сальтанэ о принятии обратно в бригаду Раджаба-Али-бека (его замечательная история²⁸) (л. 22).

В Тифлис
Генерального Штаба полковнику Хелмицкому
23 марта 1895 года.
г. Тегеран (Персия)

Христос Воскресе!

Дорогие и глубокоуважаемые
Елена Алексеевна, Павел Людвигович и маленький Хелмицкий (имярек).

Начинаю с сути: до конца сентября никакого ответа дать тебе не могу, ибо, во-первых, сам ещё не знаю, что станет с моею персоною, а во-вторых, до сих пор я только обзаводился и потому, кроме кое-каких долгишек, в данную минуту ничего не имею. В сентябре **для меня лично** должно выясниться всё: или я еду в имение (хотя бы только на три дня, а быть может, и на очень, очень долго) и там на месте решаю, как поступить с собою, или же остаюсь здесь до окончания трёхлетнего срока и тогда высылаю тебе 500 рублей (за 800 не ручаюсь, хотя возможно и то).

Вот и всё, дорогой дружище. А пока прости – что можно будет, верь, не стану (л. 37) ломаться и сейчас же всё сделаю, но теперь у меня такое переходное время и такая тяжесть на душе, что ты бы и не узнал прежнего зубоскала Косаговского. Не знаю, что больше тяготит – Персидская ли бригада, своё ли собственное имение?

Ну, до свидания. Мой сердечный привет Елене Алексеевне и всем, кто меня ещё хочет помнить.

Елена тебя целует – её замучила крапивная лихорадка, и она через месяц едет в имение на всё лето.

Что касается до урядника Севаева, то почему-то я был убеждѐн, будто давно известил тебя, что он мне не нужен.

Крепко целую.
Всегда твой В. Косаговский
23 марта 1895 г.

Если хочешь, чтобы письма вместо 6-7 недель ходили только 2-3, надписывай наверху: **через г. Баку** (л. 37об.).

24 марта. Мартирос-хан через Ихтимат-Низама передал Наibu-эс-Сальтанэ относительно Раджаба.

Сотне, назначенной в Астрабад, выступить после скачек (л. 22)²⁹.

25 марта. По случаю Благовещения отменил учение. Благовещение в церкви. /[^]При выходе из церкви Посланник встретил меня следующими словами, сказанными крайне раздражённым тоном: «А я, полковник, хотел уже Вам писать, полагая, уж не передумали ли Вы подавать рапорт насчёт вопиющих безобразий в бригаде, о которых мы с Вами говорили...». «Черновой рапорт у меня в кармане, Ваше Превосходительство, – сухо ответил я, – и я явился сюда для того, чтобы прежде чем переписывать набело, прочесть его Вашему Превосходительству».

Бывший Петербургский, ныне Константинопольский, посол Ала-уль-Мульк наврал на меня Григоровичу, сказав, что он удивляется, чего полковник артачится и не посылает в Астрабад сотню казаков, так как все деньги уже выданы! Я опроверг эту гнусную ложь и бесповоротно заявил, что не выпущу сотню в Астрабад до тех пор, покуда не получу всех денег сполна./

27 марта. На 31 марта назначены шахские скачки, но так как это приходится как раз в Страстную субботу³⁰, а Посланник, как выкрест, особенно сильно стоит на страже всех религиозных празднеств, ибо, по удивительному выражению персов, «горшок³¹ горячее щей»³², то я, прежде всего, прозондировал через Орановского Посланника – куда, и в дыбы не ввести? /Посланник всего только два года тому назад, на 55^м году жизни, отрёкся от лютеранства и принял православие, сделавшись самым завзятым русаком – Евгений Карлович Бюцов!!!!/

Ну, тогда уже ничего более не оставалось, как послать Мартирос-хана к Наibu-эс-Сальтанэ доложить, что мы, русские, не можем быть на скачках 31 марта, ибо это приходится как раз в Четверг на Страстной³³.

Меня особенно напугала вся Российско-Императорская Миссия 6го декабря 1894 года³⁴. С воцарением Николая II царское тезоименитство перешло с 30го августа на 6ое декабря. Но так как это произошло только в нынешнем году и ещё официально даже не объявлены Царские дни, то Посланник при всей Миссии заявлял, что в нынешнем году он не будет вовсе (л. 35) никого принимать 6го декабря. «А на 6ое Шах как раз назначил большие манёвры под Даушан-Тепе», – сказал я. «Ну, что же, это ничего», – ответил Посланник.

Накануне, т. е. 5го декабря, вечером я снова зашёл к Посланнику, который играл с Араб-Саабом³⁵ на бильярде, в **обыкновенной форме** и снова заявил, что завтра русские офицеры и урядники не могут быть на молебствии, потому что предстоят большие манёвры. Посланник снова ответил мне, что завтра решительно ничего официального он делать не будет и потому **можно...**

6го декабря по окончании манёвров еду **прямо с манёвров** к Посланнику всё-таки поздравить с тезоименитством нового Императора. Прежде всего сталкиваюсь с французским посланником Балуга – значит, уже это не секрет, что сегодня тезоименитство Русского Императора, если французский посланник явился с поздравлением. Посланник никого не принимал, и потому я с Рафаловичем прошёл к Штриттер (л. 35об.). «Ну хороши же господа русские представители: вместо того чтобы помолиться на молебне за Нового Царя – с персюками воюете», – огорошила меня проКлятая дипломатка. Мне стало больно и обидно, и я не постеснялся вывести на чистую воду всю подлость Посланника в этом вопросе, ибо не могло быть никакого сомнения, что слова «дипломатки» – его отголосок.

Понятно после всего этого, почему я был так осторожен насчёт командования скачками в четверг на Страстной неделе. Поэтому-то я и послал Мартирос-хана к Наibu-эс-Сальтанэ заявить, что мы в четверг на скачках быть не можем, причём поручил всё-таки дать ему почувствовать, что лично я ничего не имею против присутствия на скачках, но что Посланник

против этого. Наиб-эс-Сальтанэ было заартачился, но Мартирос-хан превнушительно дал ему понять, что всё, что нужно будет, я устрою заблаговременно, но что ни сам не пойду, ни из русских никому не позволю – это бесповоротное решение.

Шах страшно извёлся, когда Наиб-эс-Сальтанэ сообщил ему моё решение. Это в данную минуту очень некстати, ибо перед (л. 36) подачею моего решительного рапорта его не следует ничем раздражать. Но, тем не менее, я вынужден был это сделать, ибо раздражать в данную минуту Посланника, без поддержки коего мой рапорт может быть не только не полезен, но, обратно, вреден – ещё более нежелательно. Поэтому из двух зол я решился выбрать меньшее – предпочёл раздражить Шаха в пользу успокоения Посланника. Но, тем не менее, утром я всё-таки сделал ещё одну последнюю попытку – послал Сушкова попытаться склонить Посланника на то, что, дескать, ничего не значит, что скачки назначены на 31 марта, т. е. на Страстной Четверг. Но Посланник безусловно против. При этом он высказал гнусную двуличность: он сказал Сушкову, что, **по желанию полковника** (?!), он напишет Садр-Азаму, что, дескать, сам **полковник** находит это неудобным. На это Сушков ответил ему, что, напротив, полковник решительно ничего не имеет со своей стороны, а что ведь это он же сам, Посланник, восстал против участия русских в Страстной Четверг на скачках. Таким образом, Посланник был уловлён в жульничестве на месте преступления (л. 36об.)/ – явно умышленная забывчивость: дескать, не он, Посланник, не допускает участия русских в Страстной Четверг, а сам **полковник**! Но я не поддался на эту новую дипломатическую подлость и парализовал её тем, что немедленно же послал к Наibu-эс-Сальтанэ Мартирос-хана с соответствующими инструкциями. Так как Сушков тоже, видимо, вилял, то я решился сам ехать к Посланнику, которого застал у Штриттеров, и объяснил ему, что, дескать, ему **ничего беспокоиться** писать Садр-Азаму (мало ли что он там бы понаписал), а что, дескать, я уже передал Наibu-эс-Сальтанэ, что **мы** не поедem на скачку и т. д. и т. д. Посланник успокоился, хотя был видимо смущён.

После ходили часа два по саду. Между прочим, я не выдержал и сказал: «Мне большее всего то, что из слов Вашего Превосходительства, сказанных 25 марта, я заключил, что Вы усомнились в том, будто я готов поставить вопрос ребром и теперь сам норовлю на попятный двор...».

Не всегда были безусловно виноваты одни полковники. Иногда (?) и посланники находили неудобным для себя из-за полковничьих представлений ссориться с Персидским правительством, и потому посланники игнорировали представления наиболее вопиющие несчастных полковников (л. 36об.)/

29 марта 1895 г.

Тифлис

Христос Воскресе!

Почти год как Вы, дорогой Владимир Андреевич, в первый раз показались нам в форме командира Персидской бригады. Забыли, вероятно? А мы только что про это вспоминали. У нас собралось несколько человек офицеров Генерального Штаба, и разговор как-то перешёл на Вас. Надо заметить, что нет более горячих сторонниц, как женщины, и моя Деля отстаивала Вас, точно на поле битвы (хотя никто и не нападал), доказывая, что лучше Вас не было и не будет командира Персидской бригады (л. 39).

Впрочем, она была под впечатлением моего разговора с Зеленым по поводу Вас и Бельгарда, разговора, умышленно мною начатого и имевшего целью побудить Вашего кавказского принцепала представить Вас к награде. Дело в том, что Евстафьев уехал в феврале в Петербург, не успев ничего добиться. Перлик³⁶, когда я завёл речь, ответил уклончиво, и я решил, посоветовавшись с Купцом и Горохом, начать действовать через Зеленого. После не-

скончаемых лабиринтов зеленовской речи договорились до того, что Зеленый представит Вас в дополнительную консульскую норму, опираясь на Манифест, тотчас же (л. 39об.) по получении ответа на посланное в Петербург объяснение по делу Бельгарда. Вне правил представить нельзя, так как все 7 наград «вне правил» на 1895 г. были заняты ещё в декабре 1894 г.

Что касается Перлика, то, хотя мне передавали **по секрету**, тем не менее, сообщаю Вам (пусть останется **между нами**), что Перлик очень обижен, что Вы ему не выхлопотали звезды. Мы с Трофимовым за него похлопотали³⁷, а он нас и забыл, сказал он своему другу, от которого я это слышал. Впрочем, наши звёзды не дают покоя многим. Вр<...> и Тарановский часто (л. 40) заглядывают в отделение с просьбой напомнить Вам о них. Посылаю Вам мою картинку «в звёздах» и ещё раз сердечно благодарю за Ваше внимание, память и хлопоты.

Что сказать о Тифлисе?

Соловьёв назначен вице-директором. **Сахарову** предложили место начальника штаба в Чите. **Одинцов** получил Кабардинский полк. **Прасолову** предложили штаб 11 Кавказской дивизии. **Шульц** устроен своею женою вместо Одинцова. Вот, кажется, и всё. Я был болен *Zoster* два месяца, лечился электричеством и теперь поправился. Зато жена начала скрипеть. Оля готовится усиленно к экзаменам. Обе шлют Вам сердечный привет. Кланяйтесь няне.

Искренне Вам преданный М<...> (л. 40об.)

29 марта³⁸. Вчера Наиб-эс-Сальтанэ сильно беспокоился и требовал к себе Мартирос-хана узнать, сделал ли полковник все соответствующие распоряжения. Сегодня на Майдан-Машке <—> что **сегодня же** я всё устрою и подготовлю для скачек, но что в самый день скачек туда не поеду.

Отсалутовав и отрапортовав, я увёл бригаду к Даушан-Тепе, где в присутствии шахского адъютанта расставил всю бригаду по скаковому кругу, сделал репетицию сбора и церемониала и только во втором часу пополудни вернулся с бригадою домой.

30 марта. Посланник вдруг загорячился, что я до сих пор не подаю обещанного рапорта, и выразил даже сомнение, уже, дескать, не отдумал ли я. Я моментально уехал домой и весь день и всю ночь просидел за рапортом, составляя примерно новые штаты.

Замечательное дело: в течение 16-ти лет ни одному полковнику не удавалось уломать Посланника посодействовать уничтожению того или другого зла – посланники всегда отпихивали от себя все вопросы, касающиеся бригады, а тут вдруг Бюцов сразу взялся так круто! Видно, неспроста вдруг сразу проявился такой (л. 41) необычайный благодетель! Тут что-то неспроста и, вероятно, есть какая-то связь с другими, политическими, делами Персии. Я слышал, что Режи (табачная монополия) на этот раз хочет взять на себя Россия. Кроме того, осложнения в Астрабадской провинции с йомудами и гокланами тоже должны иметь тесную связь с внезапным пробуждением энергии Посланника. Вместе с тем, возможно также и то, что Посланник ожидает нового назначения и потому решился, прежде чем уйти из Персии, добиться уплаты дефицита, так как он поручился в оба русских банка в исправной уплате бригадою в срок (12 апреля и 16 апреля) 15 000 *туманов*³⁹, что при ныне существующих порядках, разумеется, немислимо.

31 марта. Страстной четверг. Скачки. Сушков, «Сартип» Гейзлер и я с утра уехали удить рыбу. Наловили много, но выпили ещё больше – приехали пьяно-распьяно. Второй драгоман Миссии Вольф видел нас и в тот же день разнёс эту весть по городу. Вернувшись домой, я адски разругал Елену за неуместные нотации при посторонних, главное же – при урядниках. Гейзлер был также мертвецки пьян, Сушков – немного меньше (л. 41об.).

1 апреля. Утром подал Посланнику свой знаменитый рапорт от 31 марта 1895 г. № 7ой и вместе с тем и копию того же рапорта в переводе на персидский язык для Садр-Азама. После подачи мною этого рапорта Посланник внезапно изменился и сделался неузнаваемо любе-

зен: он, вероятно, убедился, что я вовсе не персидский слуга и что все сплетни относительно того, что за Эмир-Туманскую ленту я готов стоять горой за персюков, лишены всякого здравого смысла.

Теперь надо добиться только, чтобы непременно сам Шах прочёл мой рапорт и притом повидался с Садр-Азамом прежде чем с Наибом-эс-Сальтанэ, который больше всех задет в моём рапорте и потому скорее нагадит, тем более что с Посланником они – враги. Поэтому я, узнав, что Шах должен был получить мой рапорт от Садр-Азама вчера вечером, послал Наibu-эс-Сальтанэ другую копию моего рапорта только сегодня утром.

Да, заварил я кашу – как-то только и удастся мне её расхлебать!!! Если удастся – слава будет великая и положение моё упрочится так, как ничьё до сих пор. Но если не удастся – дело грозит отозванием из Персии русских инструкторов, за что всецело отвечу я один перед Русским правительством... Никто как Бог!!! (л. 42)

Сегодня Страстная Суббота. Бесконечная заутреня и обедня. Скучнейшее официальное разговение у Посланника. При выходе от Посланника он остановил меня в прихожей и, когда все вышли, снова пригласил войти в зал и передал мне свои собственные впечатления при разговоре его с Садр-Азамом, которому Посланник сегодня же свёз и лично вручил мой рапорт при дипломатической ноте. Садр-Азам с глубоким вниманием медленно прочёл весь мой рапорт от начала до конца, глубоко вздохнул, потупился, помолчал несколько минут и затем только сказал: «Как всё то, что этот полковник пишет, удивительно верно понято и ясно изложено. Сегодня же я пошлю этот рапорт Его Величеству Шаху. Он должен, наконец, узнать всё».

Единственный истинный доброжелатель Персии из числа самих персов – это Садр-Азам. Ещё вчера Садр-Азам имел с Шахом такую сцену, за которую в недобрый час у него могла слететь голова с плеч. Шах, жадность которого в последнее время стала доходить до психического расстройства, дабы положить ещё что-нибудь в свои сундуки или, по крайней мере, не вынимать из них на уплату следующих долгов, разорвал на 40 000 *туманов бератов*, поданных ему для уплаты денег различным лицам, из коих почти сплошь все были бедняки. Эта выходка грозила серьёзным волнением народа, чаша терпения которого стала переполняться. Садр-Азам явился к Шаху и резко заявил ему, что просит сложить с него все достоинства и по-прежнему сделать его простым шахским *абдаром* (буфетчиком). Буря была адская: у Шаха сделалось нечто вроде припадка, но, в конце концов, он приказал снова написать все *бераты* (л. 42об.).

Примечания

¹ См. л. 166об.

² Надо сказать, что В.А. Косаговский уделял серьёзное внимание формированию личной библиотеки. Некоторые книги, особенно необходимые ему по роду его деятельности, он заказывал из России. На данный момент у нас нет сведений о том, имелись ли на них владельческие записи или экслибрисы и существуют ли в каких-либо книгохранилищах блоки некогда принадлежавших ему книг. Однако среди его дневниковых записей встречаются каталожные библиотечные карточки, скорее всего, изготовленные уже после возвращения из Персии, на основании которых можно говорить о наличии на этих книгах библиотечных шифров. Так, между л. 25 и 26 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Начальное учение православной христианской веры. На чувашском языке. Тјан тѣн кѣнеки. Казань. Тип. К. А. Тилли. 1873.* В левом нижнем углу расположен шифр *Ling. 934.* В правом верхнем углу простым карандашом – *Ч 18.* В правом нижнем углу – *1/8° min. verte.* На обороте карточки *Прежде чем читать эту книжку, следует обратить внимание на «Предупреждение» к ней,*

изложенное на последних страницах, а между л. 41 и 42 вложена библиотечная карточка *Указание пути в Царствие Небесное на чувашском языке. По сочинению Высокопреосвященнейшего Иннокентия Митрополита Московского и Коломенского. Казань. Тип. Имп. Университета. 1893.* В правом верхнем углу Ч 20. В правом нижнем углу 2/8^о verte. На обороте *Книга I. Царство Небесное. Книга II. Жизнь и страдания Иисуса Христа. Издание Православного Миссионерского Общества.*

³ В тексте *Астерабада*.

⁴ То есть 168 туманов, или 210 рублей золотом.

⁵ Мехр (مهتر).

⁶ Хидайат (هدايت).

⁷ Хади-бек (هادى بيك).

⁸ Пункты 2 и 3 объединены фигурной скобкой, напротив которой имеется надпись *взятых сергенгем Ага-беком*.

⁹ Имеется в виду рапорт №7 от 31 марта 1895 г. См.: *Норик Б.В.* Рапорт полковника В.А. Косаговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 г. // *Восточный архив*. 2018, 1 (37). С. 20-32.

¹⁰ Второй драгоман Российской Императорской миссии в Тегеране. Позднее А.Н. Штриттер сам станет первым драгоманом и «авторитетом миссии по персидскому языку». С.В. Чиркин характеризует Штриттера и его супругу как «радушную русскую пару» (*Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 60).

¹¹ Katzenjammer, нем. – тяжёлое похмелье.

¹² В правой колонке 5 марта – 12 марта.

¹³ Мирза Ахмад-хан 'Ала ад-Доуле был сыном Мухаммад-Рахим-хана Дулу 'Ала ад-Доуле Амир-низам, одного из наиболее знатных придворных Насер ад-Дин-шаха. Унаследовал титул «'Ала ад-Доуле» после смерти отца в октябре 1882 г. В 1885–1886 г. удостоен чина *амир-е туман*. Был правителем в Ширазе, Астрабаде, Керманшахе, а также других городах и провинциях. Известен своим грубым и резким характером. Застрелен возле своего дома на ул. Лалезар 1 декабря 1911 г. (*Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 1. С. 89-93).

¹⁴ Саййид Махмуд-хан Диба 'Ала ал-Мульк (1842–1925) был сыном Мирзы 'Али-Асгара Мостауфи и братом Мирзы Мухаммада-Рафи' Табатабаи Низам ал-'улама. Начал свою государственную службу в Азербайджане. Позднее сопровождал Гаффар-хана Садик ал-Мулька в Тифлис. Затем, вернувшись и проработав ещё некоторое время в Табризе, Махмуд-хан перебрался в Тегеран, откуда был направлен в командировку в Лондон. Через полгода он уже служил помощником консула в Хаджи Тархане и вскоре достиг ступени генерального консула. В 1877 г. в связи с переводом его старшего брата Асадуллы-хана полномочным представителем в Санкт-Петербург Махмуд-хан был назначен на его место генерального консула в Тифлисе. В 1883 г. назначен советником иранского посольства в Петербурге. В 1884 г. в связи с вызовом его брата в Тегеран временно исполнял его обязанности, и с этих пор за ним закрепилось прозвище «Шарже д'афер» («поверенный в делах»; chargé d'affaires; شارژه دافر). В 1885–1886 г. Махмуд-хан стал первым секретарём посольства, а в 1886–1887 г. – послом в Петербурге. Титул «'Ала ал-Мульк» получил в 1890 г. В 1895 г. Махмуд-хан назначен послом Ирана в Стамбуле. После убийства Насер ад-Дин-шаха в 1896 г. Махмуд-хан приложил все усилия для экстрадиции в Иран Мирзы Ака-хана Кермани, шайха Ахмада Рухи и Мирзы Хасан-хана Хабир ал-Мулька. Преуспев в этом деле, он, однако, потерпел неудачу с задержанием Джамаль ад-Дина Афгани, которому покровительствовали англичане. В 1901 г. отозван из Стамбула и назначен правителем Кермана. Позднее занимал пост министра юстиции в кабинетах Атабек-А'зама и Мухаммад-Вали-хана Сепасалар-А'зама. Похоронен в Куме в семейной усыпальнице (*Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 4. С. 39-42).

¹⁵ Хасан-'Али-хан Гаруси Амир-е Незам, имевший также титулы «Салар-е 'аскар» и «Салар-е лашкар», (1822 – 7 января 1900) прослыл как прекрасный каллиграф, мастер эпистолярного жанра и знаток персидской и арабской поэзии. Он был выходцем из старинной семьи, происходившей из курдского племени кабудванд, населявшего Гарус. Начиная с Сафавидской эпохи, его предки занимали достаточно важные государственные должности. Сам Хасан-'Али-хан в довольно раннем возрасте был возведён в чин полковника Гарусского полка, с которым он принимал участие в осаде Герата. В течение 3 лет состоял на должности начальника пограничной стражи Керманшахана. Дела Хасан-'Али-хана пошли в гору только после смерти Мухаммад-шаха Каджара. С 1856 по 1858 г. он занимает

должность хранителя шахских зданий, а затем в качестве шахского представителя посещает Турин, Лондон, Брюссель, Берлин и пр. В 1859 г. назначен чрезвычайным и полномочным послом Ирана в Париже (после чего за ним закрепилось прозвище «Вазир-мухтар»). По возвращении из Парижа в течение 5 лет был членом Государственного Совета. В 1872 г. Хасан-‘Али-хану был присвоен чин *амир-е тумана*, и его назначили министром «общественных нужд» (*вазир-е фава’ид-е ‘аме*). Он находился в числе свиты, сопровождавшей Насер ад-Дин-шаха во время его первого путешествия в Европу. Титул «Амир-е Незам» был получен им в 1885 г. До 1894 г. был наместником в Курдистане, Керманшахане и Гарусе (*Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 1. С. 359-367).

¹⁶ Махди (مهدي).

¹⁷ Хамидулла / Хамидаллах (حميد الله).

¹⁸ Хабиб (حبيب).

¹⁹ Следующая строка зачёркнута 2 *сарайдара* – 1 т. 7, в списках про негодных Бот.

²⁰ Кроме того, здесь же имеется три математических расчёта, относящихся к указанным выше расходам.

²¹ В тексте перед словом *теперь* стоит *если*, которое, как представляется, затуманивает смысл.

²² Во второй колонке 13 марта – 20 марта 1895.

²³ См. также: Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 61, 79.

²⁴ Жаргонизм, происходящий от персидского слова *фузуль* (فضول), «любопытный; нахальный, напористый». Следует понимать как «интриги».

²⁵ *Зан-е кахбе* (زن فحبه) – проститутка.

²⁶ Мисль-Рустем замечает: «Персы не только красноречивы в разговоре, но и красноречиво ругаются. Чего только не наскажет во время руганья перс: и “го-хорд” – “ешь грязь”, и “педер сухте” – “сожжённый твой отец” и т.д.; но самой сильной руганью и оскорблением у них считается, когда говорят “гури-педерет”, т.е. “гроб отца твоего оскверню”. Ругаются у персов все, даже знать, но до драк, как у нас, редко доходит» (Мисль-Рустем. С. 37).

²⁷ *Педар сухте* (پدر سوخته) – каналья, мерзавец.

²⁸ К сожалению, самой этой истории автор «Дневника» не излагает.

²⁹ На л. 22об. имеется запись *Всего офицеров – 173, пенсионеров – 108, сартипов – 27*. Кроме этого, здесь же мы находим математические расчёты – видимо, финансовые.

³⁰ Описка автора дневника. На самом деле – четверг.

³¹ Сверху подписано *миска*.

³² Имеется в виду персидская поговорка *косе гярмтар аз ош* (کاسه گرمتر از آش), которая дословно переводится как «миска горячее супа» и эквивалентна русским поговоркам «святое Папы Римского», «большой католик, чем сам Папа».

³³ Далее зачёркнута *Наиб-эс-Сальтанэ было заартачился*.

³⁴ В тексте стоит «1895» год. Однако, несомненно, имеется в виду год 1894-й. В противном случае остаётся признать, что данный текст написан после 6 декабря 1895 г., а это маловероятно, поскольку, во-первых, В.А. Косаговский занимался своими дневниковыми заметками довольно регулярно и столь большой временной разрыв едва ли возможен, а, во-вторых, контекст ясно указывает на то, что весь следующий пассаж представляет собой воспоминание о событии, имевшем место до 27 марта 1895 г. Кроме того, заметим, что 6 декабря 1895 г. наш автор, по его же собственным словам, был болен и весь день не вставал с постели (см. л. 215).

³⁵ Т.е. с Григоровичем.

³⁶ Генерал-лейтенант Пётр Тимофеевич Перлик в 1889 г. был назначен начальником штаба Кавказского военного округа (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 91об.).

³⁷ Перлик, в частности, по протекции своего старинного товарища, некоего Гаврилова, ходатайствовал за Косаговского в 1889 г. для перевода последнего в штаб Кавказского военного округа на открывающуюся вакансию обер-офицера по поручениям (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 91об.).

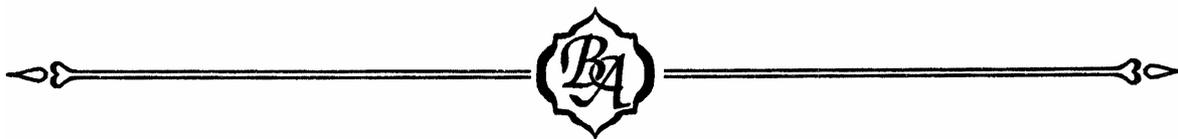
³⁸ В правой колонке 29 марта – 3 апреля 1895.

---

³⁹ В РГВИА хранится два заёмных письма: 1) на 70000 *кран* (= 7000 *туманов*) от 6 апреля 1895 г. № 58, по которому через 3 месяца полковник Косаговский обязуется вернуть указанную сумму сполна Ссудному Банку Персии (подтверждено Миссией; на обороте красным карандашом написано «Погашено»); 2) на 50000 *кран* (= 5000 *туманов*) от 16 апреля 1895 г. №78, по которому через 3 месяца Косаговский обязуется вернуть указанную сумму сполна Отделению Московского международного торгового банка в Тегеране (подтверждено Миссией; оплата была исполнена только к 22 апреля 1896 г.) (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 1–2).

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-13-25

Б.В. Норик

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО

Часть 4

№ 57

2 апреля 1895 г.

Его Превосходительству *мир-пянджу*

Командиру 1го полка Казачьей Его Величества Шаха бригады Сафар Али-хану

По повелению Его Величества Шаха, Ваше Превосходительство назначается командиром сборной сотни от Казачьей Его Величества Шаха бригады, командируемой в город Астрабад, в личное распоряжение Его Светлости Амир-хана Сардара.

В дисциплинарном отношении над вышеупомянутою сотнею Вашему Превосходительству предоставляются все права командира отдельной части. О случаях чрезвычайных, а равно каждый месяц Ваше Превосходительство имеете доносить мне рапортами.

В настоящее же время предлагаю Вашему Превосходительству явиться Его Светлости Амир-хану Сардару и поступить в Его личное распоряжение (л. 43).

7 апреля. Попал на обед к германскому посланнику графу Вальвицу. Были одни только австрийцы и германцы, благодаря чему очутился в довольно затруднительном положении; но немцы были изысканно вежливы – видимо, они отлично понимают, что господствующая держава в Персии, безусловно, Россия, что и старались выразить мне совершенно откровенно, проведя очень интересную параллель между русским и английским влиянием в Персии.

8 апреля. Суббота. Учение. Наиб-эс-Сальтанэ сам первый заговорил о моём рапорте: «Я получил от Его Величества Шаха и рапорт, поданный Вами Садр-Азаму, и копию с него, присланную Вами мне». При этом Наиб-эс-Сальтанэ имел крайне печальный и обиженный вид. Я мигом сообразил, в чём дело, и ответил: «Ваше Высочество не так меня поняли: ни Вам, ни Садр-Азаму рапорта я не подавал, а подал **русскому посланнику** с приложением двух копий, из коих одну Посланник представил Садр-Азаму, а другую я представил Вашему Высочеству».

Наиб-эс-Сальтанэ видимо успокоился и расплылся в самодовольную улыбку (л. 45).

Наиб-эс-Сальтанэ старался казаться особенно внимательным – должно быть, задумал какую-нибудь крупную гадость или в чём-нибудь нуждается во мне. Посмотрим!

Велиахд (наследник престола) обожрался и принял слоновую дозу слабительного – естественно, что с ним сделались колики и страшная резь. Велиахд немедленно же решил, что его отравил или Наиб-эс-Сальтанэ, или сам Шах. Узнав о внезапной болезни Велиахда, Садр-Азам поскакал к нему и застал его в самом отчаянном положении. Дабы успокоить Велиахда и доказать, что никто его не отравлял, Садр-Азам вынужден был допить остатки слабительного – лекарство на обоих подействовало одновременно. О Хаджи-баба, ты поистине великий человек!¹

9 апреля. В 9 ч. утра был у Посланника. Он неудержимо стремился к тому, чтобы дать персам право проверять наши отчёты. Я пришёл в ужас: при Чарковском² как-то вздумали произвести подобную проверку, и что же – назначенный для сего контролёр начал с того, что потребовал от Чарковского 600 *туманов* в виде первоначальной взятки. Когда ему её не дали, он насчи-(л. 45об.)тал 6 000 дефициту. Чарковский добился назначения другого контролёра – мирзы, которого пришлось-таки смазать, и он по тем же самым книгам и счетам нашёл 7 *туманов*, недоданных Персидским правительством, которые оно тогда и возместило бригаде.

Я возразил Посланнику следующее:

1. Что я лично отвечаю только за своё командование, начиная с 18 мая 1894 г.
2. Что за Бельгарда всецело поплатится один только Рафалович.
3. Что полковник Шнеур в ночь, предшествующую сдаче бригады ротмистру Бельгарду, всю ночь жёг документы.
4. Что сумасшедший Кузьмин-Короваев³ не оставил никаких документов.
5. Что допускать персов совать нос в наши дела при подкупности Наиба-эс-Сальтанэ, Низам-уль-Мулька⁴ и даже самого Садр-Азама, не говоря уже о Шахе, – подрыв нашего влияния и ниже достоинства русских.

10 апреля. Вчера вечером за обедом Посланник получил от Мушир-уль-Мулька⁵ (товарища министра иностранных дел, фактически управляющего Министерством иностранных дел) записку о том, что сегодня – заседание во дворце у Наиба-эс-Сальтанэ, на котором должны присутствовать также полковник и сам Мушир-уль-Мульк (л. 46).

Вчера же за обедом в самую минуту получения записки я выразил желание, чтобы мне прислали **особое приглашение**, но Посланник настоял, что достаточно уже и того, что **его** предупредили об этом. С крайним неудовольствием я принуждён был согласиться, но, тем не менее, прежде чем ехать самому, сегодня утром послал на рекогносцировку Мартирос-хана. И что же – Наиб-эс-Сальтанэ сам лично ответил, что никакого Военного Совета сегодня не будет, так как «какие же советы бывают в такие неблагоприятные дни по Книге судьбы, как понедельник?!»

Я опять поехал к Посланнику и довольно веско дал ему почувствовать, что был прав, не рискуя ехать без особого приглашения на Военный Совет, ибо это было бы ниже достоинства русского полковника и было бы похоже на то, что я **добровольно** становлюсь на одну доску с персюками, которые неделями ожидают у пруда, покуда Его Высочество Наиб-эс-Сальтанэ снизойдёт до того, что соблаговолит удостоить их своим словом.

Вчера утром Посланник вздумал было предложить Садр-Азаму нарядить комиссию для проверки и определения истинных причин образования дефицита?! Мне понадобилось целых два дня, чтобы выяснить и убедить Посланника, что, если заварить эту кашу, то расхлёбывать её придётся ему же самому, ибо во всём оказываются виновны Бельгард и Шпейер⁶ и, в особенности, сам Посланник, допустивший Бельгарда и Рафаловича целый год расхищать бригадную казну!!! (л. 46об.) <...>

11 апреля. Решительный день. От 7 до 9 часов пешее ученье. Присутствовал Наиб-эс-Сальтанэ, оставшийся очень доволен Сушковым, который сегодня командовал. Затем, отозвав меня в сторону, Наиб-эс-Сальтанэ сказал: «Передайте русскому Посланнику, что во всей Персии нет человека преданнее России, чем я, а между тем Посланник задерживает пересылку ружей, высланных мне из Вены: их задержали на русско-австрийской границе, и я за каждый день плачу 150 флоринов (1 флорин = 5 *кран*) штрафа. Попросите от моего имени Посланника, чтобы он устранил это». Я обещал.

В 10 ч., по повелению Шаха, во дворце Наиба-эс-Сальтанэ состоялся Военный Совет, на котором присутствовали Наиб-эс-Сальтанэ, Шуджа-эс-Сальтанэ Сардар-Акрам⁷ (командир 9-ти Азербайджанских полков), Векиль-эд-Доулэ⁸ (начальник Арсенала⁹), Мушир-уль-Мульк (товарищ министра иностранных дел), (л. 47) помощник государственного контролёра Низам-эс-Сальтанэ (генерал-фельдцейхмейстер), Низам-уль-Мульк (главный контролёр Военного Министерства), главный военный судья, Ихтимат-Низам (посредник между Военным Министерством и Европейцами), несколько мирз и я.

Я опоздал почти на целый час. Наиб-эс-Сальтанэ деликатно заметил это мне, но я свалил на Посланника, будто он задержал меня. Совет открылся чтением моего рапорта от 31го марта 1895 г. № 7ой. Ежеминутно просители прерывали чтение, которое, тем не менее, шло довольно гладко. К величайшему моему удивлению, решительно все присутствующие вполне

одобряли каждое моё замечание, каждое сетование. Если и были возражения, то лишь относительно того, что, дескать, ту или другую реформу трудно или даже невозможно провести при существующих в Персии порядках и слабости самого Шаха, но никак не против справедливости моего рапорта (л. 47об.).

В 12 ч. – часовой перерыв для завтрака и затем снова заседание. Часа в 3 вдруг явился какой-то персук и доложил, что Шах потребовал к себе Наиба-эс-Сальтанэ. Заседание мгновенно прервалось, и окончание его отложено до завтра.

Самая трудная половина моего рапорта прочитана и, к счастью, по-видимому, никого не раздражила и не восстановила против меня. Это особенно важно потому, что Наиб-эс-Сальтанэ под свежим впечатлением всего говоренного направился прямо к Шаху, которому, конечно, немедленно же доложит все подробности, освещая все факты через свою призму.

Назавтра остаётся финансовый вопрос, который, полагаю, пройдёт благополучно, ибо, во-первых, Наиб-эс-Сальтанэ ненавидит Садр-Азама и потому всеми силами постарается все неудачи объяснить ненормальностью финансовых отпусков, а во-вторых, Посланник горой стоит (л. 52) за устройство финансов, так как он всюду является поручителем, и этот вопрос особенно его тяготит.

От Наиба-эс-Сальтанэ проехал прямо к Посланнику, который остался в высшей степени доволен исходом этого первого заседания и просил меня завтра так же прямо с заседания приехать к нему и сообщить результат. Посланник хотел было условиться со мною относительно того, в каких вопросах и насколько мы можем пойти на компромисс, но я категорически заявил, что до окончания завтрашних переговоров покорнейше прошу его и не заикаться о каких бы то ни было компромиссах. Посланник согласился со мною. Я передал ему просьбу Наиба-эс-Сальтанэ, на что Посланник выразил своё крайнее удивление, уверяя меня, будто ему ничего не известно и что он по этому поводу напишет Наibu-эс-Сальтанэ письмо. Очевидно, врёт, но мне-то что за дело! /[^]Между прочим Посланник сообщил мне, что, кажется, Садр-Азам выразился, будто совершенно лишнее приглашать новую Австрийскую Миссию, и потому дело австрийского посланника Тисселя, надо надеяться, прогорит. Тогда, если только удастся мне провести все предложенные мною теперь преобразования в Казачьей бригаде, необходимо попытаться захватить в русские руки и дело инструкторства над персидскою пехотою./

12 апреля. Боже, как трудно сделать что-нибудь порядочное в Персии: за те труды, за которые следовало бы получить бесспорную награду, здесь только возбуждаешь против себя и наживаешь целые полчища врагов! Персия – страна полного нравственного растления. Коварство, продажность, обман, притеснение слабейших, пресмыкание перед сильнейшими – вот девиз всех: не государственных деятелей Персии, но решительно всего государства, начиная от Шаха, дающего чувствовать свой деспотизм подданным и трепещущего перед двуглавым орлом, и кончая последним дервишем! Исполать тебе, детинушка, если ты сумеешь чисто, с честью и славою пройти твой тернистый путь! (л. 48) <...>

Мог ли я не взбаламутить здешнее море? Отвечу прямо, решительно: нет, не мог. Не мог только в силу того, что был нравственно возмущён, но ещё и потому, что трещала моя собственная шкура: мои предместники всё натягивали и натягивали струны... и натянули их, наконец, до того, что они готовы были лопнуть. А если бы я допустил до того, что эти струны лопнули бы, меня, прежде всего, обвинили бы в бездействии власти, в том что (л. 48об.) я своевременно не открыл глаза всем тем, кому ведать подлежит. И я должен был бы ответить за все 16 лет безобразий и Персидского правительства, и недосмотра Посланника, и умышленных и неумышленных промахов самих полковников Домантовича, Чарковского, Кузьмина-Короваева и Шнеура, не говоря уже о годичном заведовании бригадой ротмистра Бельгарда, которое, как непосредственно предшествовавшее моему приёму бригады, особенно тяжело и болезненно должно было отразиться на моей шкуре! Сколько труда, сколько нрав-

ственных мучений стоило мне переломить упорство Посланника и довести его, наконец, до того, что он, кормя павлинов грецкими орехами, снизошёл, наконец, до того, что согласился выслушать в пол-уха все те безобразия, которые он же, посланник Бюцов, допустил натво- (л. 49) рить свою креатуру – ротмистра Бельгарда, и в пол-уха же выслушал мои объяснения по поводу того, что Шнеур был всё-таки умнее их всех, и, если бы поменьше ставили вопросы на личную почву и <...> из-за ненависти мадам Шпейер к мадам Шнеур не губили бы несчастного полковника Шнеура, который был кругом прав, а лучше вникли бы своевременно в суть дела, не мог бы образоваться авантюрист, подобный Бельгарду!

Но и то, что Посланник, хоть в пол-уха, выслушал от меня всё это, было уже для меня победою, и результатом явился мой знаменитый рапорт Посланнику от 31 марта 1895 года № 7ой.

На сегодня было назначено второе заседание Военного Совета. Я явился, как было сказано, ровно в 10 ч. утра, но никого не оказалось – дескать, Его Высочество Наиб-эс-Сальтанэ изволили вчера устать и сегодня отменили заседание. Даже не потрудился известить меня <...>! (л. 49об.)

13 апреля. Военный Совет на сегодня был назначен ровно в 10 ч. утра, но Наиб-эс-Сальтанэ явился только в 11½. До 12-ти читали разные прошения. В 12 ударила пушка, после чего принесли завтрак, и мы с Мартирос-ханом, как христиане, должны были удалиться в сад. Персы с Наибом-эс-Сальтанэ преважно расселись на полу и стали руками уничтожать всевозможные пловы и прочие персидские кушанья. Сам Наиб-эс-Сальтанэ сидел у открытого окна, выходявшего в сад. Под самым окном – огромная помойная яма, сильно благоухающая: вероятно, для возбуждения аппетита правоверных. Через ½ часа нас опять позвали. Все уже стояли посреди залы и ожидали моего возвращения. Один только Наиб-эс-Сальтанэ стоял в нише окна, выходявшего на помойную яму. Около него стояло двое – один *серхенг* (полковник) и один *сартип* (генерал). Оказалось, что *сартип* держал длинный медный урыльник, вроде биде¹⁰, в который Наиб-эс-Салтанэ <...>. *Серхенг* (л. 50) же подавал <...> мыть руки Его Высочеству Великому Князю, военному министру.

Когда мимо нас торжественно пронесли обе посудыны, Наиб-эс-Сальтанэ грациозным жестом пригласил меня сесть на кресло, а сам сел на другое. Все остальные расселись прямо на полу.

Во время же заседания 11го апреля (третьего дня) только я один сидел – Наиб-эс-Сальтанэ сидел у моих ног на полу.

Сегодня читали вторую половину рапорта – о финансах. Так как финансы в руках Садр-Азама, заклятого врага Наюба-эс-Сальтанэ, то он в данном случае замечательно энергично отстаивал интересы бригады. Его притворство дошло до того, что, когда стали читать место моего рапорта, где сказано, что бригаде по несколько месяцев не выдают денег, Наюб-эс-Сальтанэ закрыл лицо руками и с глубоким вздохом сказал: «Боже мой, Боже мой, до чего мы дожили! Мне стыдно слышать про подобные беспорядки в управлении государством!» (л. 50об.)

Когда дочитали мой рапорт, Наюб-эс-Сальтанэ громогласно заявил: «Всё, что написано полковником в этом рапорте (от 31 марта 1895 года № 7ой), есть полнейшая истина». На это я ответил: «Позвольте мне ещё прочесть моё заключительное слово». И прочёл, а Мартирос-хан перевёл, моё дополнение к рапорту № 7ой – от 16 апреля 1895 года № 8. Оно произвело глубокое, но не скажу, чтобы приятное впечатление на всех окружающих. Затем я спокойно сложил руки и ожидал результата моих слов.

Мне задали несколько весьма коварных вопросов, которые я, однако, весьма ловко отпарировал. Наюб-эс-Сальтанэ заявил, что отделить *мухаджиров* от бригады невозможно. Тогда я ответил, что, если Персидское правительство не пожелает исполнить всего того, что мною изложено в рапорте № 7ой и дополнении к нему № 8, мы, русские офицеры, не можем более

оставаться в Персии, и встал со своего места. Все тоже поднялись – мои слова, видимо, произвели глубокое впечатление (л. 51). <...>

От Наиба-эс-Сальтанэ я поехал прямо к Посланнику. Выслушав меня внимательно, Посланник, видя, что дело принимает, по-видимому, благоприятный оборот, заявил: «Очень хорошо сделали, что так энергично поддержали свои требования: уж если затеяли дело, надо во что бы то ни стало доводить его до конца». Это было полнейшее иезуитство, ибо, если бы дело приняло мало-мальски неблагоприятный оборот, Посланник постарался бы всё свалить на одного меня. Но я не подал виду, что отлично раскусил его – худой мир лучше доброй ссоры.

Наиб-эс-Сальтанэ потребовал, чтобы я представил ему списки тех 42^х офицеров, которых я желаю оставить в бригаде, а равно и все списки *мухаджиров* с обозначением количества получаемого ими содержания. Что-то из всего этого выйдет? (л. 51об.)

15 апреля. На Майдан-Машк потребовал решительно всех офицеров и из 173^х мог выбрать хороших только 59, которых и внёс в особый список (см. 2ое дополнение к рапорту от 31 марта № 7 – 16 апреля 1895 г. № 9). Обработал свою речь, произнесённую на Военном совете 13 апреля, и написал в виде 1го дополнения к рапорту моему от 31 марта № 7 – 16 апреля 1895 г. № 8^и (л. 53).

18 апреля. Сегодня Джалиль-хан принёс *хавале* (ассигновку) на 8 тысяч *туманов*, выданных бригаде в виде *мусадэ*¹¹ (авансом), так как бюджет бригады до сих пор ещё не утверждён. Эти 8 тысяч надо будет ещё добывать у *саррафов* (купцов) на базаре. *Сарраф* сказал, что раньше 10-12 дней он не может выдать этих денег. Полагаю, что пройдёт не менее как около месяца.

19 апреля. Во дворце у Наиба-эс-Сальтанэ. Он уединился со мною в отдельную комнату, выгнав всех приближённых. Видимо, и Наиб-эс-Сальтанэ, и сам Шах в крайнем затруднении, не зная, что им делать с *мухаджирами*. Прежде чем войти в кабинет Наиба-эс-Сальтанэ, я виделся с Ихтимат-Низамом, который передал мне, что вчера он был у нашего Посланника, который принял его крайне сухо и выразил твёрдое намерение поддержать все мои требования. Этим давлением и объясняется необыкновенная мягкость и любезность плута Наиба-эс-Сальтанэ (л. 57).

Наиб-эс-Сальтанэ, растерянный, видимо, после весьма продолжительного разговора с Шахом, делал мне несколько предложений, одно нелепее другого, но во всех этих предложениях проглядывало одно – бессилие и продажность Персидского правительства и нелепый страх правителя целого царства, управляемого деспотически, перед горстью какой-то сволочи. Я был глубоко возмущён и не мог без презрения смотреть на Наиба-эс-Сальтанэ, который, видимо, чувствовал это. Наконец, (л. 57об.) я посоветовал Наibu-эс-Сальтанэ разбить всех нижних чинов *мухаджиров* на три категории:

1. На **совершенно неспособных**, которых немедленно же исключить из бригады,
2. На **годных продолжать службу**, но получающих содержания больше волонтёров. Удержав в бюджете бригады количество, равное волонтёрскому содержанию, остальное изъять совершенно из ведения полковника и, не отнимая этой части от *мухаджиров*, перевести её в другое какое-нибудь ведомство. Оклад же волонтёрский отдать в полное распоряжение полковника,
3. На **годных продолжать службу**, оклады коих не превышают волонтёрские оклады. Как вторая, так и третья категории должны безусловно отказаться от всяких *мухаджирских* прав. Полковник должен иметь полное, неотъемлемое право исключать *мухаджиров*, так же как и волонтёров, не давая о том решительно никому никакого отчёта и не спрашивая ничего позволения.

Наиб-эс-Сальтанэ поручил мне составить и послезавтра предста-(л. 57об.)вить ему на рассмотрение все три вышеупомянутые категории.

От Наиба-эс-Сальтанэ поехал к Посланнику – он что-то озабочен и просил несколько дней ничем не беспокоить Садр-Азама. Посланник всё-таки как-то виляет: он передал мне, будто Садр-Азам выдержал целую бурю с Шахом по поводу того, что он настаивал, чтобы деньги бригаде давали, если не из банка, то, по крайней мере, хоть из Монетного двора. А между тем сегодня Наиб-эс-Сальтанэ передавал мне, что Шах сам приказал выдать бригаде 8 тысяч авансов, на которые Джалиль-хан ещё вчера получил *хавале*. Мартирос-хан говорит, что это *фузули* Садр-Азама, так как Шах всегда неизменно настаивает, чтобы бригада была вполне исправно снабжаема деньгами.

20 апреля. Составлял *мухаджирские* списки. <...> Вечером явился ко мне *наиб* 1 ранга Паша-Ага¹², (л. 58) порядочно говорящий по-русски, и сообщил мне, со страхом озираясь во все стороны, что *мухаджиры* написали на меня кляузное прошение Шаху. Главари – оба Неджеф-Кули-хана, Джемшид-Ага и Шукрулла-хан – принесли к подписи *серхенгу* Гуссейн-хану¹³ (брату *сартина* Мамед-хана Красная борода). Гуссейн-хан был, по словам Паши-Аги, против кляузного прошения и не хотел подписывать его. У них произошёл спор, среди коего Гуссейн-хан разорвал прошение, сказав, что он ничего не имеет против просьбы перед Шахом о заступничестве, но что грязи и кляуз подписывать не намерен. Паша-Ага, оказывается, в это время был в *андеруне* (гареме) у своей близкой родственницы и, притаившись за занавескою, слышал всё от первого до последнего слова. Едва все разошлись, Паша-Ага поспешил написать мне рапорт, с которым сам явился ко мне.

Интересно знать, какие побуждения могли привести этого молодого *мухаджира* ко мне? (л. 58об.)

21 апреля. Целый день составлял смету нового бюджета. Рафалович поражает своею тупостью.

40 человек казаков, бывших посланными в Савэ на поимку разбойника Аббас-хана под начальством *сартина* Касым-Аги¹⁴, сегодня возвратились. Аббас-хан сдался на милосердие Эмир-Низама, губернатора Хамадана (Экбатаны).

Являлся новый директор Международного банка Левшиц¹⁵ <...> переговорить насчёт уплаты бригадного долга.

22 апреля. Сегодня не пошёл на учёные, торопясь закончить списки годных и негодных *мухаджиров*. На учёные был Наиб-эс-Сальтанэ и с учёных поехал прямо в Камраниэ¹⁶ на три дня. Едва я узнал об этом, как послал ему вдогонку *сартина* Касым-Агу (Хорасанского). Тот в карьер нагнал его. Наиб-эс-Сальтанэ сказал, что у него пропасть дел в Камраниэ, а потому он просит меня пожаловать к нему во дворец во вторник 25 апреля. При этом передал Касым-Аге, что *мухаджиры* подали на меня донос Шаху. Когда мне это рассказывал Касым-Ага, я как будто пропустил всё это мимо ушей.

Сегодня 2 000 *туманов* уплачены в банк.

В 9 ч. вечера явился потихоньку в канцелярию Паша-Ага и дал мне копию с доноса *муха*-(л. 62)*джиров*, которую он каким-то чудом добыл из шахского гарема, так как донос этот был подан Шаху через его главную и доверенную жену Анис-эд-Доулэ, которую русские называют Анисья Даниловна¹⁷.

24 апреля. Пришёл Хаджи Джалиль-хан и передал крайне неутешительные вести о том, будто вместо того чтобы в нынешнем году устроить получки из банка, предполагается устроить дело ещё хуже: 20 тыс. из Кермана, 67 тыс. из Ширази, 8 тыс. в виде *мусадэ* теперь, а остальные даже ещё и не решено, когда и откуда! И это вместо получек прямо из банка! Шираз – худший и наименее надёжный источник, ибо там губернатором – брат Шаха, нищий и известный лгун и мошенник. Я поехал жаловаться Посланнику, но на него что-то надежда плоха – вообще я как-то (л. 62об.) не питаю никакой уверенности в его твёрдости.

Вернувшись домой, послал Джамиль-хана снова к Садр-Азаму, который внимательно выслушал его и сказал только: «Хейли-хуб» (очень хорошо).

Сегодня Мартирос-хан подробно рассказывал мне про подачу доноса на меня Шаху – у него был *сартин* Имам-Кули-хан и, растерявшись, передал все подробности: сначала было написано кляузное прошение; *сартин* Насрулла-хан не согласился подписывать его, говоря, что этим враньём *мухаджир* только дискредитируют себя в глазах Шаха.

После долгих и жарких прений разорвали первую кляузу и написали вторую (копию с коей третьего дня доставил мне Паша-Ага). Затем, окончательно растерявшись, решили за-сесть в *бест*. Кто-то довёл это до сведения Анис-эд-Доулэ. Эта разумная женщина отсоветовала *мухаджир* эту пошлость и посоветовала дать ей в руки прошение для передачи Шаху/. Это второе прошение подали Анис-эд-Доулэ, которая своими разумными доводами несколько успокоила *мухаджиров* и передала прошение Шаху. Шах вспылал, потребовал к себе Садр-Азама и набросился на него. Но Садр-Азам как скала выдержал этот шторм. Тогда Шах послал за Наиб-эс-Сальтанэ. С этим (л. 63) дело было совсем иначе, ибо чужая кошка, чьё мясо съела: Шах, что называется, с говном смешал Наюба-эс-Сальтанэ, а Садр-Азам всё время стоял и саркастически посматривал на Наюба-эс-Сальтанэ с видом Мефистофеля. Шах главным образом напустился на Наюба-эс-Сальтанэ за бездействие власти.

Когда Наюба-эс-Сальтанэ выехал из дворца, его окружила толпа нищих: обыкновенно этот ханжа щедрою рукою оделял их, но сегодня, разозлённый, он приказал их всех бить палкой, не будучи в состоянии скрыть своего волнения. По дороге Наюбу-эс-Сальтанэ попался Хаджи-Джамиль-хан. Он его остановил словами: «Что за подлецы эти *мухаджир*! Не могли обратиться ко мне – полезли прямо к Его Величеству Шаху! Бунтовщики, негодяи!» (л. 63об.)

از استر اباد به اداره تلگرافى دولت عليه ايران
۱۵، عدد كلمات ۳ نمره

¹⁸ حضور امير الامراء النظام سرکار پلکنیک فرمان ده بريگاد يازدهم وارد استر اباد شدم صفر على

Из Астрабада. Его Высокоблагородию господину командиру Казачьей Его Величества Шаха бригады.

11го числа (сего 25го апреля <18>95 г.) прибыли в город Астрабад. Сафар-Али-хан.
25 апреля <18>95 г. (л. 66)

25 апреля. Пешее учение. После учения я сказал офицерам краткую, но внушительную речь по поводу их доноса Шаху, косвенным образом назвав их ослиами и доносчиками. Мои доводы были так просты и вместе с тем так неотразимы, что все офицеры были видимо смущены и отлично поняли, какую подлость и вместе с тем глупость совершили <...> «Э-эх, – заключил я свою речь, – как 16 лет тому назад вы были персы, а не казаки, так и теперь не казаки и умрёте всё-таки персами, а не казаками!» (л. 67)

С учения я поехал к Наюбу-эс-Сальтанэ в его сад Эмирие¹⁹. Встретив по дороге Наюба-эс-Сальтанэ в карете, я поехал вместе с ним к Юсуф-Абадским воротам²⁰, у которых был выстроен пехотный полк «Тегеран», которому Шах назначил сегодня смотр. Видя, что от меня не отошьёшься, Наюба-эс-Сальтанэ сел у самых ворот и меня пригласил сесть рядом. Я прочёл своё «4ое дополнение к моему рапорту от 31 марта 1895 года № 7ой». Шуджа-эс-Сальтанэ, Векиль-эд-Доулэ и военный судья, старший из каджаров, были безусловно согласны со всем тем, что я проектировал, но и они, и Наюба-эс-Сальтанэ на каждое моё предложение отвечали, что в Персии это едва ли применимо.

Около полудня приехал сам Шах. Я встал сзади всех на своём красавце жеребце, но Шах, едва меня увидел, подозвал к себе, издали закричав: «Колонель, инджа, инджа (полковник, сюда, сюда)», показывая рукою около себя. «*Мусадэ* (аванс) 8 000 получили?» – «Нет». Шах удивлённо посмотрел на Наюба-эс-Сальтанэ и на Мартирос-хана, который струсил и поспешил добавить: «Но с завтрашнего дня нам начнут эту выдачу» (л. 67об.).

Шах ничего не ответил, но недоверчиво взглянул на Мартирос-хана и многозначительно крякнул. «А дело с *мухаджирами* покончили?» – «Со своей стороны я всё изложил в рапорте – теперь окончание вопроса зависит единственно от Его Величества», – ответил я, указывая на покрасневшего при этом, как рак, Наиба-эс-Сальтанэ.

Шах медленно объехал выстроившийся перед ним полк «Тегеран», пропустил его церемониальным маршем и уехал.

Я поехал обратно верхом рядом с Наибом-эс-Сальтанэ и всю дорогу говорил с ним самым откровенным образом. На моё счастье, *мухаджир*ы обозлили Наиба-эс-Сальтанэ: подав донос на меня прямо Шаху, они этим подвели Наиба-эс-Сальтанэ, которого Шах изругал чуть что не по <...> матери, обвинив в бездействии власти. У Наиба-эс-Сальтанэ верблюжья мстительность, и он никогда не забудет им, что из-за них ему так напредило. Он зол и на меня, но, во-первых, меня всё-таки он побаивается, во-вторых, видит, что я безусловно прав (л. 68).

Проводив Наиба-эс-Сальтанэ, я откланялся <...> и верхом на коне Мартирос-хана отправился к Посланнику.

Посланника я застал в большом возбуждении: он был у Садр-Азама и, наконец, поставил ему следующий ультиматум. Зная, что в данную минуту у Персидского правительства недоумения с Английским банком, я нахожу единственно возможным исходом, это чтобы Вы платили полковнику из Монетного двора, как единственного верного источника в Персии. От предлагаемых же Вами *магалов* (источников) – 20 тысяч из Кермана (генерал-губернатор Фарман-Фарма), 67 тысяч из Шираза (губернатор – брат Шаха), 8 тысяч в виде *мусадэ* (авансом) и остальные деньги ещё откуда-то – я допустить положительно не могу, и если мои требования, как русского Посланника, не будут уважены, я принужден буду написать в Петербург об отозвании отсюда русских инструкторов. Садр-Азам безусловно согласился с тем, что мои требования и разумны, и справедливы, и дал слово точь-в-точь доложить обо всём Шаху и настоять на выполнении моих требований (л. 68об.).

27 апреля. *Сартин* Касым-Ага Хорасанский подал мне письмо, в коем он пишет, что желает меня видеть по секрету со своим собственным переводчиком. В 7 ч. вечера явился Касым-Ага с переводчиком Разграничительной комиссии в Закаспийской области и Хорасане Мирзо-Таги-хан Бехманбековым и передал мне, что вчера Наиб-эс-Сальтанэ призывал к себе главарей *мухаджиров* – Неджеф-Кули-хана Цициани, Неджеф-Кули-хана Эривани, Хаджи Джамиль-хана и Мухб²¹-Али-Агу. Туда же непрошенный и незванный явился также и сын Неджеф-Кули-хана *серхенг* Аббас-Кули-хан. Вышли они от Наиба-эс-Сальтанэ крайне взволнованные. *Серхенг* Аббас-Кули-хан начал весьма энергично склонять на свою сторону Касым-Агу, рассказав ему с самым честным видом и большою правдоподобностью, будто свой рапорт я послал через *сартину* Муса-хана к Садр-Азаму, и будто Муса-хан, прежде чем подать Садр-Азаму, продержал этот рапорт у себя двое суток, в течение коих *мухаджир*ы имели время не только прочесть, но и списать его (л. 70).

И ведь на эту удочку поддались очень многие. А между тем рапорт я сам лично отдал в руки нашему Посланнику, который тоже сам лично передал его Садр-Азаму, который в тот же день препроводил его Шаху.

Затем я пригласил Касым-Агу и переводчика ужинать, и Касым-Ага напился вдребезги.

Из посещения Касым-Аги и Паши-Аги я могу видеть, что между *мухаджирами* я весьма удачно поселил рознь тем, <что> избрал прямо на Майдане 59 человек, т. е. 1/3, а остальных забраковал. При этом в эту треть я выбрал почти всех сыновей, а отцов поместил в негодные. Образовались раскол, разногласие, пререкания. Мне же нужно всего 42 офицера. Когда всё выяснится, я увижу и окончательно определю, кто из выделенных мною 59-ти человек наиболее надёжен и предан нам – тех и оставлю в бригаде (л. 70об.).

28 апреля. Поехал к Мартирос-хану. Вдруг слышим кричат: «Шах! Шах!». Мы выскочили – точно, едет Шах. Я встал во фронт. Завидев меня, Шах ещё издали начал махать рука-

ми. Мартирос-хан мелкой рысью подбежал к Шаху, я подошёл шагом. «Что здесь делает полковник?» – спросил Шах. – «Привёз мне рапорт Наibu-эс-Сальтанэ для перевода на персидский язык». – «Мы согласны выделить *мухаджиров*, – продолжал Шах, – но только..., – при этом он замялся, –...с их содержанием». – «Только коренным *мухаджирским*, или и со всем тем, что им было доплачено из бригады?» – спросил я. – «Ну, уже это Вам всё подробно расскажет Наib-эс-Сальтанэ. Я ему всё сказал», – ответил Шах и, приветливо кивнув головой, поехал далее.

Из этой остановки и из этого разговора я мог заключить, что Шах не возбуждён против меня и внутренне, вероятно, вполне мне сочувствует (л. 71).

29 апреля. Суббота. Впредь до окончательного разрешения всех вопросов, затронутых мною, распустил почти всю бригаду по домам и прекратил все строевые занятия. Да теперь и не безопасно являться – как раз взбунтуются или какой-нибудь фанатик отпустит такую штуку, что придётся убить его на месте – ну и пошло писать потеха! Поэтому благоразумие заставляет быть осторожным и не разжигать страстей. Уже самые заядлые *мухаджирсы* переоделись в *сардари*²² и жужжат, как рой расшевеленных ос.

Сегодня встретил *мир-пянджа* Неджеф-Кули-хана Цициани, самого заядлого и самого старого из *мухаджиров* – говорят, ему 110 персидских лет (персидский год = 12 лунных месяцев, т. е. $12 \times 28 = 336$ дней²³), что по нашему счёту всё-таки составляет 101 год²⁴. Встретив меня, Неджеф-Кули-хан заметался в разные стороны и, наконец, видя, что некуда деваться, с решимостью отчаяния прошёл мимо меня, не отдав установленной чести и смотря прямо мне в лицо своими совершенно круглыми глазками с такою яростью, с какою может смотреть только ядови-(л. 71об.)тая гадина. Но я в ответ посмотрел ему прямо в глаза так весело и вместе с тем так насмешливо, что всё лицо Неджеф-Кули-хана исказилось в бессильной злобе.

Третьего дня *мир-пяндж* Али-хан, самый старший в бригаде, передал через бригадного адъютанта *серхенга* Искандар-хана, что он желает переговорить со мною. На это я послал ему сказать, что поздно: надо было говорить до доноса; а теперь с доносчиками и ослами я не желаю разговаривать.

Сегодня, когда кончилось ученье, я поехал к Наibu-эс-Сальтанэ, которого застал во дворе Арсенала. Он был очень вежлив и послал ко мне Ихтимат-Низама Аббас-Кули-хана с первоначальными списками *мухаджиров*, которые Мартирос-хан и списал для того, чтобы в точности знать, что кем куплено, что первоначально принесено в бригаду, а что надбавлено из бригадного бюджета. Но эти списки времён ещё Аббас-мирзы²⁵, и я не знаю, как Мартирос-хан доберётся до истины (л. 72).

Я употребил выражение, непонятное для русских: **купить жалование**. Делается это так. Кто-нибудь даёт губернатору, Наibu-эс-Сальтанэ, контролёру или вообще высокопоставленному лицу взятку, и за это ему дают на этот год фуражные или суточные в размере, например, 100 *туманов*. Месяца через два-три этот артист переводит эти 100 *туманов* для получения в какую-нибудь другую провинцию, что не возбраняется, **не называя, какие именно это деньги**. Через несколько месяцев он переводит их уже в третью провинцию под именем своей **родовой**, потомственной пенсии, на которую будут потом предъявлять права его внуки и правнуки!

Насколько самолюбию хлыща и прощелыги Бельгарда льстило название командира бригады и начальника 27-ми опереточных генералов, настолько же мне лично оно кажется слишком позорным и унижительным (л. 72об.).

Мухаджирсы жужжат, но меня в данном вопросе спасает то, что их ненавидит Наib-эс-Сальтанэ, и *мухаджирсы* все свои злоключения, главным образом, приписывают ему. Я держу себя настолько гордо и в стороне, что ни с кем никаких разговоров по этому поводу не веду, но, конечно, очень рад, что неожиданно-негаданно нашёлся такой крупный громоотвод.

Сегодня Наиб-эс-Сальтанэ выразил полное желание отнять у *мухаджиров* решительно всё то, что им было надбавлено из бригадного бюджета.

Сегодня, ведя переговоры с Посланником, я выразил ему мнение о том, что лучше было бы на место Рафаловича, когда он в сентябре уедет из Персии, никого более не выписывать, мотивируя это тем, что, дескать, казаков настолько мало, что я и с одним помощником могу справиться совершенно легко. Посланник вполне одобрил моё мнение (л. 73).

Ещё раз повторю: если не выгорит всё затеянное мною, уеду в Россию и только, хотя, конечно, будет очень неприятно. Но зато если выгорит, я убеждён, что моя будущая карьера будет обеспечена, и что я буду на счету самых способных и энергичных офицеров Генерального Штаба, особенно пригодных к самостоятельным ролям, требующим неусыпной работы и вместе с твёрдостью способности ставить всё на карту. <...> (л. 73об.).

30 апреля. Так как я решил, что впредь до выяснения *мухаджирского* вопроса никаких учений не будет, то, выждав, когда ученье кончилось, поехал к Наibu-эс-Сальтанэ. По дороге встретил Ихтимат-Низама, ехавшего ко мне. Мы вернулись к Наibu-эс-Сальтанэ, которого застали в Арсенале. Меня он встретил изумительно любезно и сказал, что желает, чтобы Ихтимат-Низам переговорил со мною у меня на квартире.

От Наiba-эс-Сальтанэ я поехал к Бюцову, который сообщил мне, что получки денег из Монетного двора для нас пропали, так как их захватил себе Наиб-эс-Сальтанэ, от которого в настоящее время уже невозможно вырвать эти получки, тем более что и сам Садр-Азам ради того, что у него была размолвка с Шахом, только что уладившаяся, – Садр-Азам не желал бы снова раздражать Шаха. Но при этом Садр-Азам, во-первых, обнадёжил Бюцова, что, быть может, ему удастся устроить наши получки прямо из Банка, если (л. 76) только они найдут такие источники доходов, которые Банк согласится признать достаточной гарантией для себя, а во-вторых, дал почувствовать, что, дескать, Шах очень дорожит Казачьей бригадой и не допускает мысли об отозвании русских офицеров из Персии.

В 12 ч. явился ко мне Ихтимат-Низам, завтракал и затем вплоть до трёх часов диктовал Мартирос-хану старые *мухаджирские* списки со времён самого Аббас-мирзы. Оказалось, что ещё и тогда они были перепутаны. Возможно ли, в таком случае, теперь, спустя десятки лет, при персидских порядках добиться истины.

1 мая. <...> Вчера человек 40 *мухаджиров*-офицеров в сопровождении такого же количества *мухаджиров*-вестовых поехали к Наibu-эс-Сальтанэ в его загородную дачу (в трёх *фарсах*²⁶ от Тегерана). Наиб-эс-Сальтанэ струсил и побледнел, как полотно, когда увидел эту толпу, которая имела вид крестоносцев Петра Амьенского²⁷ или Вальтера Голяка²⁸: кто в кителе, кто в черкеске, кто уже переоделся в военное *сардари*, а кто так и прямо в персидском архалуке. «Всё поле было покрыто одними *мухаджирами*», – в сильном волнении рассказывал Ихтимат-Низаму Наиб-эс-Сальтанэ. Неджеф-Кули-хан Цициани припал к ногам Наiba-эс-Сальтанэ и лизал их. У Наiba-эс-Сальтанэ первый страх прошёл – он даже умилился до того, что глаза его увлажнились и (л. 77) этот коварный персюк, в душе уже давно возненавидевший *мухаджиров* и, вероятно, решивший погубить их, начал уверять *мухаджиров*, будто «полковник и не смеет, и не может ничего им сделать, и потому, дескать, всё останется по-старому». Но далеко не всех *мухаджиров* провёл этот хитрец: *мухаджиры* сами выросли и развились на той же почве и при той же обстановке, что и Наиб-эс-Сальтанэ. На обратном пути они с горя пили всю дорогу. Пьяный вдребезги *серхенг* Аббас-Кули-хан (сын Неджеф-Кули-хана Эривани) ввалился к Мартирос-хану и выложил ему всё вышесказанное. При этом выяснилось также, что Наиб-эс-Сальтанэ предложил на всех уходящих *мухаджиров* всего 5000 *туманов* ежегодной пенсии. Но *мухаджиры* на это предложение не поддались и требуют, чтобы им оставили в пенсию решительно всё то, что они до сих пор получали как жалованье, что в общем должно составить тысяч до 25^{III}. Что-то из всего этого вый-

дет, и на чьей стороне окажется победа?! Но что касается до меня – буду бороться до последнего издыхания! (л. 77об.)

2 мая. *Мухаджиры* не знают, в какую сторону броситься, и некоторые из них, приписывая по глупости всё дело интригам Мартирос-хана, наговорили на несчастного армянина Наibu-эс-Сальтанэ, который будто бы сказал: «Ах, он *пэдер-сухтэ* (сожжённый отец), *зён-каһбә* (жена твоя б<...>), *тохм-хәр* (ослиные муде!)! Пусть завтра придёт – я ему покажу!» Мартирос-хан струсил и чернее ночи явился ко мне. Сушков и я всеми силами старались его успокоить, но он оставался мрачен и встревожен.

Теперь вообще не оберёшься толков, предположений и особенно самых нелепых подозрений среди *мухаджиров*. Прежде всего, они заподозрили самого Наibu-эс-Сальтанэ и вместе с тем в Наibu-эс-Сальтанэ зародили подозрение на Мартирос-хана. Таким образом, по счастью, эти два лица, в действительности менее всего мне сочувствующие, в данном случае являются для меня громоотводами. Затем *мухаджиры* подозревают ещё и (л. 78) «некоторых новых кавказских выходцев», ясно намекая на Шихлинского Мирза-Керим-хана и Ага-бека, решительно ни в чём не повинных. *Мухаджиры* даже *сартина* Насрулла-хана (командира 3¹⁰ полка), за то только, что тот давал им благоразумные и благородные советы, прежде чем писать на меня донос и клеветы, пойти ко мне и лично переговорить со мною обо всём, сочли изменником и исключили из своей компании. А его-то я даже и не видел и, признаться, до сих пор, напротив, считал за самого заядлого *мухаджира*, во-первых, как командира Мухаджирского полка, и, во-вторых, как родного брата покойного Гаджи-хана²⁹, командира *мухаджиров*. Главный довод *мухаджиров*, приводимый и Шаху, и Наibu-эс-Сальтанэ, и всем – это, если 16 лет было так и все предшествующие полковники ничего не предпринимали, то почему же теперь-то новый полковник вдруг захотел перевернуть всё вверх дном.

На это я ответил, что давно уже бригаду мучил и истощал злокачественный нарыв. Теперь (л. 78об.) это нарыв назрел и по вскрытии из него потекли пенсионеры, негодные офицеры и *мухаджиры*³⁰.

В 8 ч. вечера приехал Ихтимат-Низам на обед. Он был очень весел <...> и рассказал, что Шах никак не решается расстаться с несчастными 15-20 тысячами *туманов*, которые нужно выдать *мухаджирам* и пенсионерам, чтобы отпустить их с миром: Шах пробует предложить им через Наibu-эс-Сальтанэ всего-навсего 5000 *туманов* – возмутительное скряжничество! Я совершенно откровенно передал Ихтимат-Низаму все мои соображения относительно образа действий и Шаха, и Садр-Азама, и самого Наibu-эс-Сальтанэ – и Ихтимат-Низам, конечно, не мог не согласиться со мною (л. 79).

Но что мне показалось сильно подозрительным, так это, что Ихтимат-Низам, вместо того чтобы по своей роли миротворца и посредника между Наibu-эс-Сальтанэ и мною стараться успокоить меня и как-нибудь оправдать поступки Наibu-эс-Сальтанэ, напротив, старался всеми силами разжигать меня, уговаривая и настраивая не только не уступать ни одной йоты, но, напротив, быть ещё настойчивее и твёрже. Я полагаю, нет ли тут западни, и не хочет ли Наibu-эс-Сальтанэ под личиною дружбы и самого искреннего расположения вызвать меня на ряд необдуманных поступков, вынудить зарваться и затем, имея факты в руках, наверняка спихнуть, настроив Шаха. А этот коварный и вероломный азиатец именно таков (л. 79об.).

Примечания

¹ Судя по всему, автор «Дневника» имеет в виду эпизод с переяданием великого везира и слабой пилюлей иностранного доктора (см.: *Мориер Дж.* Похождения Хаджи Бабы из Исфагана. М., 1989. С. 102–113).

² Полковник Пётр Чарковский был вторым командиром Казачьей бригады (1882–1885) (см.: Гокков О.А. Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг.: очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источникам). Lambert Academic Publishing, 2017. Р. 146–194).

³ Полковник Кузьмин-Караваев стал третьим командиром Бригады (см.: Гокков О.А. Указ. соч. С. 201–300).

⁴ Далее В.А. Косаговский называет его «главным контролёром военного министерства». Вероятно, имеется в виду Мирза ‘Абд ал-Ваххаб-хан (1849–1917), получивший титул «Низам ал-Мульк» и должность *вазир-е лаишкар* после смерти своего отца Мирзы Казим-хана Низам ал-Мулька в 1889–1890 г. (см.: Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 2. С. 320–323).

⁵ Имеется в виду Мирза Насрулла-хан На’ини. Последний был праправнуком известного суфия Хаджи ‘Абд ал-Ваххаба На’ини. Поначалу его жизнь протекала довольно трудно, и он был вынужден зарабатывать продажей молитвенных сборников, изготавливавшихся его сестрой (она писала *насхом*). Затем и сам он занимался перепиской. Позднее судьба свела его с заместителем Азербайджана Мирзой Ибрахим-ханом На’иб ал-вазаре, благодаря которому началась его карьера государственного деятеля. Вскоре он оказался на службе в МИД на должности *муниши*. В 1875 г. он становится заместителем главы «русского» департамента, а в 1881 г. – вторым заместителем министра иностранных дел и главой «русского» департамента. В 1891–1892 г. Насрулла-хан был удостоен титула «Мушир ал-мульк», а в 1892–1893 г. стал первым заместителем министра (до 1895–1896 г.), оставаясь при этом руководителем «русского» департамента. В 1899–1900 г. стал министром иностранных дел Ирана (с принятием титула «Мушир ад-Доуле»). Умер 12 сентября 1907 г. по н. ст. (Бамдад. Т. 1. С. 323; Бамдад. Т. 4. С. 351–360). А.Н. Куропаткин отмечает, что Мушир ал-Мульк был сторонником России и с его помощью решались почти все дела русских подданных. Кроме того, он выступал посредником в секретных переговорах Садр-Азама с Российской миссией. Его сын учился в Московском университете (Всепопданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 24).

⁶ А.Н. Шпейер – первый секретарь Российской императорской миссии.

⁷ Мухаммад-Бакер-хан Шуджа’ ас-Салтане (Сардар-е акрам, Амир-е Незам, Сардар-е кулл) был сыном Мухаммад-хана Амир-е тумана. Сопровождал Насер ад-Дин-шаха во время его первого путешествия в Европу. Умер в 1908 г., похоронен в семейной усыпальнице своего тестя, Мирзы ‘Али-Асгар-хана Амин ас-султана Атабека. Сын Мухаммад-Бакер-хана, Хусейн-хан, также носил титул «Шуджа’ ас-салтане» (Бамдад. Т. 3. С. 303).

⁸ Мирза Мухаммад-‘Али-хан, известный как Ака Бала-хан, происходил из незнатной семьи. Своей карьерой он обязан покровительству военного министра Камран-мирзы. В 1883–1884 г. ему был присвоен чин полковника, а в 1885–1886 г. – чин *мир-е панджа*, одновременно с назначением на должность командира полка личной гвардии Камран-мирзы. В 1890–1891 г. Бала-хан возведён в чин *амир-е тумана* и назначен начальником военных складов. В 1891–1892 г. он был удостоен титула «Вакиль ад-Доуле», назначен министром промышленности и начальником Арсенала. Пользовался дурной славой в народе как отдавший приказ открыть огонь по протестующим против табачной монополии. В 1892 г. получил титул «Сардар», а в 1895 г. – «Сардар-е афхам». Убит в Реште 7 февраля 1909 г. по н. ст. *муджахедами* под предводительством ‘Абд ал-Хусейн-хана Му’изз ас-Султана (Бамдад. Т. 1. С. 184–187).

⁹ А.Н. Куропаткин описывает его так: «Арсенал – одно из наиболее солидных учреждений в Тегеране. В нём изготавливают и разные медные и чугунные вещи, статуи, фонари и проч. На патронном заводе готовят, по словам персиян, 2.000 патронов при дневной работе. Работа довольно чистая (в «Дневнике» добавлено: «но борозда грубее нашей»). – Б.Н.). В литейной мастерской мы нашли несколько довольно чисто отлитых медных орудий. При мне отливали орудие, на котором приказано выставить моё имя и день посещения мастерской» (Куропаткин. Отчёт... С. 13. См. также: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 76–76об).

¹⁰ В тексте *бэдэ*.

¹¹ Точнее – *мусаеде* (مساعده).

¹² Паша-ака (پاشا آقا).

¹³ Хусейн-хан (حسین خان).

¹⁴ Точнее – Касим-аки или Касем-аки (قاسم آقا).

¹⁵ С.В. Чиркин сообщает: «Про него ходили слухи, что он избегал возвращения в Россию как в своё время уклонившийся от воинской повинности. Однако я неоднократно видел его и его жену если не у посланника, то у многих членов миссии. Тем не менее, выехал он из Персии, минуя нормальный путь через Россию, через Бендер-Бушир...» (Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 64).

¹⁶ Камранийе – один из многочисленных кварталов на севере Тегерана, в которых прятались от летнего зноя представители правящей элиты. Принадлежал военному министру Камран-мирзе Наibu ас-Салтане (Шахиди-Мазандарани Х. Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 304).

¹⁷ Мисль-Рустем описывает её так: «...любимица шаха, её называют “фавориткой”, и она всегда исполняет роль *les homages de la maison* при приёмах в эндеруне. Она красива, высокого роста, стройна, брюнетка с усиками, но с толстыми губами. Говорят, очень умна, хотя простого происхождения, дочь мельника. Шах часто пользуется её советами» (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 68).

¹⁸ Перевод телеграммы: «Из Астрабада в Телеграфное Агентство высокого государства Иран.

Номер 3. Количество слов 15.

Амиру амиров войска господину полковнику командующему бригадой Одиннадцатого прибыл в Астрабад. Сафар-‘Али /печать 12 отделения тегеранского телеграфа/

Числа 11 месяца зи ка‘да года 131<2> / 06 мая 1895 (25 апреля по ст. стилю)».

Телеграмма записана чёрными чернилами на стандартном телеграфном бланке, в верхней части которого расположена государственная эмблема – лев с мечом в правой лапе и солнце в дубовых и оливковых ветках. Официальный перевод на русский язык написан коричневыми чернилами.

¹⁹ Сад располагается в квартале Амирийе на юге Тегерана.

²⁰ Йусуфабадские ворота получили своё название от известного *каната* Йусуфабад, главный колодец которого был расположен примерно в 6-7 км к западу от Тегерана. В столице *канат* пересекал ул. Муфаттах (бывшую Рузвельта) и затем разделялся на две части, одна из которых выходила на поверхность, а другая шла под землёй на юго-восток, проделывая весьма извилистый путь. Поначалу в Йусуфабаде был роскошный сад, принадлежавший Мирзе Йусуфу Мустауфи ал-Мамалеку. Позже здесь находился военный госпиталь, а с 1948 г. отдельные участки района стали сдаваться в долгосрочную аренду (Йусуфабад // *Дехудо*, ‘Али Акбар. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Техран, 2006 (CD version); Шахиди-Мазандарани, с. 406).

²¹ Мухиб (محب).

²² Мундир.

²³ Подсчёт неверный: количество суток в лунном году – 354 (в високосном году – 355).

²⁴ Точнее – 106-107 лет.

²⁵ Имеется в виду второй сын Фатх-‘Али-шаха Каджара ‘Аббас-мирза На’иб ас-Салтане (26 августа 1789 – 25 октября 1833 г. по н. ст.). ‘Аббас-мирза, по сути, был главной фигурой в русско-персидских войнах, на которые приходится значительная волна переселений местных жителей Кавказа в Иран (подробнее см.: Бамдад. Т. 2. С. 215-222; Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 34-40, 56-59).

²⁶ *Фарсах*, *фарсанг* – мера длины, равная 6 км.

²⁷ Пётр Амьенский (Пустынник) – монах-пикардиец, пылкий проповедник, призывавший толпы черни к освобождению Святой Земли. В 1096 г. возглавил один из отрядов, участвовавших в крестовом походе бедноты (подробнее см.: *Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 44-52).

²⁸ Вальтер Голяк (он же Готье Неимуций) – рыцарь, возглавивший отряд северофранцузских крестыян численностью около 15 тысяч человек, участвовавший в крестовом походе бедноты. Погиб в сражении с сельджукскими войсками 21 октября 1096 г. (подробнее см.: *Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. С. 44-56).

²⁹ Хаджи-хан (حاجی خان).

³⁰ Ср. л. 7об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-18-29

Б.В. Норик

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО

Избранные отрывки. Часть 5

3 мая. Сегодня Наиб-эс-Сальтанэ заставил прождать Мартирос-хана с 9½ до 4½ часов. Наконец, выходя из дворца, Наиб-эс-Сальтанэ только спросил Мартирос-хана: «Ну что, закончил полковник свои расчёты?» – «Он уже более недели тому назад подал их Вашему Высочеству», – ответил Мартирос-хан. «Сколько же тысяч?» – «Примерно около 20-ти». Наиб-эс-Сальтанэ ужаснулся, но бывший тут же Низам-уль-Мульк подтвердил, что и по его расчёту выходит 20 600 *туманов*. (Но и то это одни только уходящие офицеры. Сюда надо ещё прибавить 4½ тысячи на пенсионеров, да 5 тысяч на *мухаджиров* нижних чинов. Таким образом, вся сумма на уходящих из бригады доходит до 30 000. Если из этих 30 000 скостить 2 000, неправильно захваченных или имеющих уже в *магалах*, то всего получится всё-таки 28 000, которые 1) или Шах должен уплатить из своего кармана, или 2) на эту сумму должен уменьшиться бюджет бригады. А так как каждый казак стоит в год 80 *туманов*, то с отнятием от бюджета бригады 28 000 бригада должна уменьшиться на 28 000/80=350 казаков **конных**). Затем Наиб-эс-Сальтанэ, ничего не ответив путного, прибавил только: «фада бiай»¹ (приходи завтра).

Положение крайне двусмысленное, а между тем надо торопиться: через 5 дней Шах уезжает в летнюю резиденцию Султан-Абад (12 вёрст от Тегерана)², и тогда все дела Персии впадут в летаргию. Наиб-эс-Сальтанэ уезжает в Камраниэ, Посланник – Зергендэ³, а Садр-Азам будет вынужден вечно и таскаться и торчать там, где будет жуировать Шах (л. 81).

4 мая. *Мухаджиры* – это в сущности те же янычары, и подобно тому, как с янычарами можно было покончить, только внезапно избив всех до единого, так точно и с *мухаджирами* нет никакого иного средства. Но Турецкое правительство – не Персидское правительство, и энергия султана – не энергия теперешнего Шаха! Положительно ума не приложу, как Персидскому правительству удастся выкрутиться из *мухаджирского* вопроса и решить трудную задачу, поставленную им мною.

Сегодня был опять у Наиба-эс-Сальтанэ. Потребовав, чтобы он выслал всех излишних людей из аудиенц-залы, я стал говорить с ним крайне резко, указывая на то, что русские офицеры не наймиты, подобно австрийцам и итальянцам, носящим персидскую форму и герб «Льва и Солнца» на шапках, а русские офицеры, состоящие на русской службе. В это самое время было получено от Шаха два *дестихата*⁴ – снова принять на службу двух исключённых из бригады негодяев-*мухаджиров*. Я так и подпрыгнул, словно ужаленный (л. 81об.).

Наиб-эс-Сальтанэ торжественно передал мне эти *дестихаты*, провозгласив: «De la⁵ Majesté Impériale!» Я спрятал оба *дестихата* с твёрдым намерением не возвращать их более.

Персидское правительство главным образом озабочено финансовым вопросом. Я самым наглядным образом объяснил несостоятельность персидской системы: как только в Персии кто-нибудь из служащих добьётся какого-нибудь жалованья, оно уже на веки веков останется в его **роду** в качестве наследственной **родовой** пенсии, переходящей от прапрадеда к праправнуку. Пагубные следствия подобной нелепой системы совершенно ясны и понятны: в персидской армии ежегодно выбывает из строя никак не менее 10%, следовательно, ровно через 10 лет весь бюджет нынешнего года **целиком** уйдёт на **вечные** пенсии; через 20 лет снова уйдёт другой такой же бюджет и т. д. Принимая же во внимание, что не в одном только военном ведомстве, но и во **всех остальных** ведомствах (л. 82) проделывается то же самое, становится совершенно ясно, что **Персия живёт только сегодняшним днём**, как птица небес-

ная, не помышляя о той катастрофе, которая вот-вот должна разразиться над оскудевшими сынами Ирана!

Но это понятие настолько въелось в плоть и кровь каждого подданного Шахиншаха (царя царей), что, хотя всякий и сознаёт, что дни Персии давно уже сочтены, всё-таки отдаст свой последний грош, чтобы купить своим потомкам пенсию, которую Шахиншах, придравшись каким-нибудь нелепым и бессовестным образом, отберёт у него, и все окружающие видят это и глубоко сознают, а всё-таки лезут и лезут, словно мотыльки на огонь, в пасть хищников, всё-таки надеясь, что, кто знает, быть может, купленная ими пенсия и достанется их несчастным наследникам (л. 82об.).

Думал я, думал, и, наконец, сказал Наibu-эс-Сальтанэ: «Знаете, Ваше Высочество, все Ваши колебания относительно того, чтобы дать 5 000, 10 000 и т. д., не выдерживают ни малейшей критики: надо дать **всё**, что офицеры, нижние чины и *мухаджир*ы получают **теперь**, до единой копейки, т. е. приблизительно 28 000 *туманов*. Если Вы этого не добьётесь, Вы сами подорвёте Ваше значение в глазах всей Персии, ибо Персидское правительство слабо, и, если Вы решитесь обездолить хоть одного из уходящих в настоящее время из бригады, через некоторое время Вы вынуждены будете снова возратить ему отнятое теперь, т. е. сами признаете несостоятельность Вашего теперешнего распоряжения; и если бы устояли Вы сами, то в недалёком будущем не устоит Его Величество, что ещё хуже. Теперь представьте себе, если Вы дерзнёте обездолить 108 пенсионеров, 126 офицеров и 184 *мухаджир*а нижних чина, т. е. всего 418 человек, то какой вопль поднимется по всей Персии? (л. 83) Бесспорно, наследственные пенсии – абсурд, но раз они существуют, нельзя, не имея на то определённого закона, обездоливать кучку людей в 418 человек, тогда как на всю остальную Персию эта мера не распространяется. Поэтому я прошу Ваше Высочество доложить Его Величеству Шаху, что по этому поводу я желал бы лично переговорить с ним. Да и потом, что Вам-то за дело до того, сколько именно отдадут уходящим из бригады? Это ведь дело Садр-Азама, а не Ваше!»

Эти аргументы, особенно последний, глубоко подействовали на Наibu-эс-Сальтанэ: перспектива общего неудовольствия на него *мухаджиров*, пенсионеров и излишних офицеров, неизбежность уступок в будущем, клянченье и проклятия, а главное – возможность всё свалить безнаказанно на Садр-Азама так глубоко поразили и обрадовали Наibu-эс-Сальтанэ, что он не мог скрыть своей радости. Я торжествовал внутренне: значит, всю эту сволочь есть надежда сбить из бригады, а какое мне дело до того, обойдётся ли это Персидскому правительству 28 000 или 28 миллионов?! (л. 83об.)

5 мая. Так как 28 000 отходит от бюджета бригады, то остаётся всего 70 854 *тумана*, на которые мы сегодня целый день и составляли смету.

6 мая. Сегодня, когда я потребовал от Рафаловича отчёта о расходах за 1894/95 гг. до 9го марта, то оказалось, что у него решительно ничего не готово. По этому поводу произошло чрезвычайно резкое объяснение. Видимо, я только тогда успокоюсь, когда Рафалович уедет отсюда совсем <...> (л. 84).

Сегодня я категорически потребовал, чтобы Наibu-эс-Сальтанэ добился у Шаха аудиенции. При этом я счёл долгом предварительно подготовить его к некоторым вопросам и высказал ему свои соображения. Прежде всего, я подал ему мысль сформировать конницу из кочевых племён: в Персии считается несколько десятков тысяч конницы, а между тем в действительности в ней решительно ничего нет. Поэтому, если Персидское правительство решится, вместо того чтобы целиком класть в карманы различных губернаторов бюджеты на фиктивные конницы, отдать мне часть этих бюджетов, я сформирую на них отличную конницу в каком угодно количестве.

При этих словах Наibu-эс-Сальтанэ оживился, глаза его заблестели, и он сказал: «Да, да, это гениальная мысль. Об этом следует основательно подумать!» Кто не знает этого негодяя,

может, пожалуй, подумать, что он действительно понял мою мысль и хочет добра Персии! Ничуть не бывало: ему улыбнулась мысль по очереди стращать каждого генерал-губернатора, что у него отнимут его доходную статью. Генерал-губернатор струсит и немедленно откупится несколькими тысячами *туманов*. Тогда он постращает другого и т. д., покуда не соберёт обильную жатву со всей Персии (л. 84об.).

7 мая. В 1 ч. пополудни за мною прислал Шах. Часа два сидел я с Ихтимат-Низамом и Мартирос-ханом за ширмой, рассказывая анекдоты. Наконец, пошли к Шаху. В конце длинной картинной галереи Шах сидел и писал. Наиб-эс-Сальтанэ шёл впереди меня, извиваясь, как червь. Когда мы подошли, Шах встал. Первый вопрос Шаха был – сколько же человек уходит по моему требованию из бригады? Когда я сказал, что 418, Шах ужаснулся и спросил: «А нижние чины *мухаджир* тоже уходят?» Я твёрдо ответил: «Да!» – «Но ведь из них бóльшая часть очень хорошие казаки?» – «Ваше Величество», – начал я спокойно, но твёрдо – «если хоть один *мухаджир* останется в бригаде на *мухаджирских* правах, мы, русские, не можем больше продолжать командовать персидскими казаками». Шах пристально поглядел мне прямо в глаза, но я встретил его пронизательный взгляд так твёрдо, что Шах сам опустил передо мною глаза (л. 90).

«На что я могу ещё согласиться, – продолжал я, – так это, когда в декабре месяце истекает трёхлетний срок командировки Рафаловича, не вызывать на его место нового офицера впредь до полного поправления финансов. Это будет мне нелегко, но, если Ваше Величество согласитесь убрать от нас всех пенсионеров и *мухаджиров*, я готов работать за двоих офицеров».

Моё предложение, составляющее экономию в 2800 *туманов* в год, так понравилось Шаху, что он пришёл в прекраснейшее настроение духа. Моё самопожертвование до того подкупило его, что он согласился пойти на все мои требования. Я хотел было, воспользовавшись настроением Шаха, выпросить у него разрешение возвратить нашу сотню из Астрабада, но Шах боится, как бы там не произошло какого беспорядка, и как бы сотня не взбунтовалась. Как я ни убеждал и ни доказывал, что всё равно в Астрабаде моментально всё узнается, ибо туда ежедневно летят от наших *мухаджиров* и письма, и телеграммы (л. 90об.).

Шах всё-таки не решился трогать астрабадскую сотню новою сотнею, составленною из *мухаджиров*, исключённых из бригады.

Я обратился к Наibu-эс-Сальтанэ за разрешением содержать налицо меньше, чем по штату, дабы поскорее заплатить долги. Наibu-эс-Сальтанэ разрешил мне это своею собственною властью впредь до устройства всех дел.

Шах поинтересовался узнать, что будет стоить увеличение бригады до 1000 и даже до 1500 человек. Я ответил, что для этого потребуется добавить ещё 16 обер-офицеров, что составит, считая кругом по 250 *туманов* на каждого, около 4000. Стоимость казаков: каждый казак стоит 80 *туманов*, следовательно, если прибавить ещё 100 казаков, то надо $100 \times 80 = 8000$. Если прибавить 200, то надо $200 \times 80 = 16\ 000$ и т.д. И наконец, если надо прибавить 1000 казаков, то надо $80 \times 1000 = 80\ 000$ *туманов*.

Затем зашёл разговор об источниках для подобного (л. 91) развёртывания бригады. Я, подобно тому как вчера Наibu-эс-Сальтанэ, указал на бюджет иррегулярных конниц. Шах, видимо, внутренне согласен со мною, но опасался на первых же порах громко высказать по этому поводу какое бы то ни было мнение. Затем Шах потребовал к себе Садр-Азама, с которым удалился в самую отдалённую нишу и долго говорил о чём-то.

На этой аудиенции Наibu-эс-Сальтанэ – как гриф чувствует падаль, так он доход и с *мухаджиров*, и с кочевников, и с генерал-губернаторов – удивительно энергично поддерживал меня, хотя видимо трусил Шаха. Мартирос же хан был и смешон, и жалок – он до того испугался Шаха, что перезабыл все цифры и лепетал такие бессвязные речи, что большую часть

времени переводчиком мне должен был служить сам Наиб-эс-Сальтанэ. Вот что значит родиться в рабской стране Персии! (л. 91об.)

Идут препирательства, кому отдать *мухаджиров*. Шах проговорился, что хочет дать их кислוגлазому⁶ Азис-Султану, но Наиб-эс-Сальтанэ пришёл в ужас – тогда ему уже не удастся пожить от них ни единым *шаем*. Ему хочется отдать *мухаджиров* или своему маленькому сыну, или Меджд-эд-Доулэ, бывшему женатым сначала на дочери Шаха, а затем, когда она умерла, – на дочери Наоба-эс-Сальтанэ.

Ещё *мухаджиры* не отошли от бригады и ещё окончательно не решён этот вопрос, а между тем уже в воздухе чувствуется разлад – никто не хочет подчиниться другому. Если они и могли ещё существовать, то только под объединяющим, беспристрастным начальством русских полковников <...> (л. 92).

9 мая. Знаменитый и приснопамятный день в истории Казачьей Его Величества Шаха бригады – «Полководец без войска», или «Нет больше *мухаджиров!*» 3^й полк *мухаджиров* в полном его составе снова отделён от Казачьей бригады и отдан в командование Меджд-эд-Доулэ (Великий Государства⁷).

Сначала Наиб-эс-Сальтанэ сильно трусил, опасаясь *сарбазного* волнения или даже бунта, и все свои упования возлагал на меня.

Я приказал собраться к себе на квартиру всем русским офицерам и урядникам и в сопровождении их, а также Мартирос-хана и Искандер-хана отправился в Арк⁸ (цитадель), во дворец Наоба-эс-Сальтанэ (л. 93).

Там, во всех внутренних двориках уже толпились отдельные группы *мухаджиров*. В саду у Наоба-эс-Сальтанэ была главная группа. Когда я подошёл к ней, все мгновенно встали, за исключением одного лишь *мир-нянджа* Неджеф-Кули-хана Цициани, самого старого (с лишком 100 лет) и вместе с тем самого злого и заядлого *мухаджира*. Но я так быстро и сурово взглянул на него, что старый негодяй не выдержал и вскочил на ноги. Мгновенно около меня образовалась густая толпа. Я сказал им краткую речь: «Господа, за 16 лет в нашей бригаде выработалось такое неестественное устройство, что, наконец, и самое дальнейшее существование бригады стало невыносимым. Я работал целый год день и ночь, чтобы исправить хотя бы отчасти глубоко укоренившиеся недостатки. Но все мои усилия остались тщетны и потому я пришёл к заключению, что единственное средство **спасти** дальнейшее существование бригады – это изъять из неё всех до единого пенсионеров, излишних офицеров и *мухаджиров*. Что мне и удалось исполнить!» (л. 93об.)

Эта часть речи произвела глубокое впечатление. Тогда я продолжал: «Персидское правительство вам всем хотело дать только 5 000 *туманов*, но я уговорил Правительство дать вам 28 000 *туманов*, чтобы ни один из уходящих из бригады не потерял ни единой копейки. Мне стоило немалых усилий убедить Его Величество Шаха и Его Высочество Наоба-эс-Сальтанэ дать вам вместо 5 000 эти 28 000, но, слава Аллаху, я достиг этого, и теперь ни единый из вас не смеет жаловаться! А вы чем отблагодарили меня за все мои хлопоты, за то, что я из-за ваших, безусловно, чуждых нам, интересов распинался и решился скорее поссориться и с Его Величеством Шахом, и с Наобом-эс-Сальтанэ и навсегда уехать из Персии, нежели допустить, чтобы хоть один *шай* из вашего содержания – не только *мухаджирского*, но даже того, которое вам доплачивала сама бригада, был отнят от вас?! Да тем, что вы на основании одних лишь базарных слухов писали на меня грязные доносы и лезли с ними прямо к Его Величеству? Разве честные люди так поступают?!»

Гробовая тишина воцарилась среди *мухаджиров* (столь буйных ещё 10 минут тому назад) (л. 94).

«Так как бригаде потребно всего 42 офицера, остальные же должны будут уйти из бригады, то я сейчас назову имена тех, которым намерен предложить остаться в бригаде». Затем я назвал имена всех 42^х офицеров. Ни один из поименованных не отказался. Один только *наиб*

1го ранга Мамед-Али-хан (батареинный) не решился остаться, боясь, что его лишит наследства его дядя-богач Хаджи-Джамиль-хан *мир-пяндж*.

Я внутренне торжествовал. Значит, все и каждый настолько ценят честь состоять под русским начальством, что стоило мне слово сказать, и все как один человек бросились на мой клич! Значит, в случае смерти Шаха или какого-нибудь народного волнения я буду уже не без поддержки.

Затем я кончил, и мы ещё с добрый час болтали. Наиб-эс-Сальтанэ, назначив в 10 ч., **видимо, медлил, выжидая результата**: если бы была какая-нибудь вспышка, он не приехал бы, предоставив мне пострадать за всех (л. 94об.). Но когда в полдень ударила пушка, и стало ясно, что русский полковник сумел до последнего момента удержать в своих руках бразды правления, тогда только Наиб-эс-Сальтанэ дерзнул явиться к себе во дворец, в этот день наполненный *сарбазами*.

Но когда Наиб-эс-Сальтанэ приехал и ему доложили, что все *мухаджир*ы – во внутренности его дворца, он снова перепугался и прислал мне одного за другим 3^х адъютантов и, наконец, 4го – Ихтимат-Низама, чтобы я немедленно удалил их всех из его дворца и собрал напротив через улицу в Отах-Низам⁹, здании Главного Штаба, наиболее часто посещаемого, потому что здесь выстроены единственные во всём Тегеране нужники для публики. С презрением выслушал я четыре повторения одного и того же приказания Наиба-эс-Сальтанэ и отдал приказание перейти в Отах-Низам. Моя воля была исполнена мгновенно и беспрекословно (л. 95).

*Мухаджир*ы выстроились по полкам во дворе Отах-Низама. Явился Наиб-эс-Сальтанэ, а за ним – Меджд-эд-Доулэ, новый начальник *мухаджиров*. Избранные мною встали против изгоняемых. Я последний раз скомандовал: «*Хабардар* (Смирно)! Хазрат *саиб-мансабан* (Господа офицеры)!» Когда Наиб-эс-Сальтанэ пошёл по фронту, было несколько отдельных ничтожных вспышек негодования со стороны *мухаджиров*, оскорблённых тем, что не оценили их талантов и заслуг, но в общем всё было очень мирно и прилично, и всё обошлось крайне благополучно.

После этого Наиб-эс-Сальтанэ пропустил *мухаджиров* мимо себя справа по одному: редкий из них не останавливался, предъявляя – кто патент на обер-офицера, кто – на штаб-офицера, кто – на генерала. За служившими в бригаде *мухаджир*ами проследовала толпа выгнанных в разное время *мухаджиров* или считающих себя *мухаджир*ами, курильщиков опиума, арестантов, бывших дезертиров и проч. – точь-в-точь армия Вальтера Голяка, Петра Пустынника или выход иудеев после пленения Вавилонского! (л. 95об.)

Затем Наиб-эс-Сальтанэ возвратился во дворец. Все *мухаджир*ы хотели было идти за ним, но я удержал их в воротах дворца. Тем не менее, большая часть хлынула за ним. Когда я вошёл в аудиенц-залу, Наиб-эс-Сальтанэ сидел уже на окне, а на полу, поджав под себя ноги калачиком, уселся Меджд-эд-Доулэ. Мне подали стул, и я стал чинно слушать речь Наиба-эс-Сальтанэ. Наиб-эс-Сальтанэ говорил им, что все они будут получать то же самое, что получали до сих пор в бригаде, а во время состояния на службе – и фуражные. Так же и нижние чины. Я прервал его речь, добавив, что на службе у нас нижние чины получали не только фуражные, но ещё и *джир*е (суточные) и полное обмундирование. Моя вставка сильно не понравилась Наibu-эс-Сальтанэ и особенно Меджд-эд-Доулэ, но делать было нечего, и Наиб-эс-Сальтанэ вынужден был повторить мои предательские слова. *Мухаджир*ы же с благодарностью взглянули на меня: они поняли, что они теряют в русском полковнике! (л. 96)

Затем я тут же, в присутствии Наиба-эс-Сальтанэ и Меджд-эд-Доулэ опросил претензии всех *мухаджиров* – ни единой жалобы, ни единого заявления. Тогда Наиб-эс-Сальтанэ сказал: «К чему Вы, полковник, спрашиваете претензии? Совершенно достаточно того, что Его Величество Шах и мы все в восторге от Вас!» Зная его криводушие, я серьёзно ответил: «До Вашего Высочества им далеко, а до Его Величества – ещё дальше. Поэтому единствен-

ный способ справедливого удовлетворения подчинённых – это гласный опрос претензии, что у нас в бригаде делалось 16 лет подряд и делается также и теперь». Эти слова снова не понравились Наibu-эс-Сальтанэ и особенно Меджд-эд-Доулэ, и снова оба сморщились. *Мухаджирь* же снова с благоговением посмотрели на меня.

Затем, откланявшись с Наибом-эс-Сальтанэ, я направился к выходу, у которого (л. 96об.) встретил толпу старейших *мухаджиров* с Неджеф-Кули-ханом Цициани во главе. Я остановился: «Господа, – начал я, – теперь вы сами всё видели и слышали. Разве в Персии есть у вас друг вернее меня, и разве само Правительство дало бы вам что-нибудь, если бы я не стоял? Скажите, господа, по совести». *Мухаджирь* попризадумались, а у некоторых из них навернулись слёзы: они поняли всю неизмеримую разницу между русским управлением и персидским. Ни злобы, ни раздражения среди *мухаджиров* не видно и тени – одно лишь сожаление, что они попали в руки двух хищных волков, как они сами называют Наiba-эс-Сальтанэ и Меджд-эд-Доулэ.

Мухаджирь нисколько не скрывают своей тревоги и опасения, что не пройдёт и шести месяцев, как Меджд-эд-Доулэ совместно с Наибом-эс-Сальтанэ, уделив для смазки часть самому Шаху, выпустят их окончательно в трубу, пустив по миру и вдов, и сирот, и детей. Этот взгляд высказывает и сама Анис-эд-Доулэ (собеседница государева), любимая жена Шаха и, как говорят, умнейшая в мире женщина (л. 97). <...>

10 мая. После ухода всех *мухаджиров* сразу осталось налицо так мало людей, что некому держать караулы и дежурства. Поэтому я сократил число постов, заложил лишние ворота в казарме и снял пост у денежного ящика, который вечно пуст. Кстати, покончил счёты и с поваром: он довёл меня до отчаяния своими *фузульными* счётами. Поэтому я, пострашав его тем, что буду брать в клубе, стоворился, наконец, что он будет кормить меня в городе за 40, а в лагере за 50 *туманов* в месяц. Прислугам я буду отпускать деньгами. Теперь я не знаю никаких счетов и расчётов с каменным углём и вполне счастлив¹⁰.

12 мая. Пришёл ко мне сын бывшего командира 1го полка Кафар-хана, мальчик лет 9-ти, и категорически заявил, что он не хочет быть с другими *мухаджирями*, а желает оставаться под моим начальством. «А кто же тебя прислал?», спросил я. – «Мама» – «Ну, так передай маме, что она ошибается: у вас теперь сильный начальник, который знает только вас одних и потому и день и ночь только и будет думать о вас. А мне приходилось думать и о вас, и о волонтёрах, и о других ещё делах, и потому, наверное, вам теперь будет гораздо лучше». Мальчик не понял моей иронии и ушёл весёлый. Уже человек тридцать обращалось ко мне с просьбами снова принять их в бригаду, но, разумеется, тщетно. Тем не менее, всякое подобное заявление радует меня, ибо служит полнейшим выражением того обаяния и доверия, которым мы, русские, пользуемся здесь, в Персии. Все сильные персы без всякой церемонии называют Наiba-эс-Сальтанэ и его зятя Маджд-эд-Доулэ хищниками, лютыми волками, которые алчут добычи и только и стерегут, как бы им забрать в свои лоны несчастных *мухаджиров* и затем самым безжалостным образом обобрать их как липок! (л. 100)

Сегодня утром явился Мартирос-хан и передал мне крайне тревожные вести: Наиб-эс-Сальтанэ поклялся, что выживет из Персии русских, постепенно, шаг за шагом перетянув к Маджд-эд-Доулэ из бригады сначала музыку, а потом и всё остальное. Мало того, он решил, что и желание Шаха увеличить численный состав бригады он обратил в свою пользу, добившись, что излишних казаков прибавят опять-таки к *мухаджирям* Маджд-эд-Доулэ, но не к бригаде. Сегодня Маджд-эд-Доулэ сделал *мухаджирям* пешее ученье; прошли мимо Наiba-эс-Сальтанэ в струнку, так что поразили всех присутствующих. При этом Наиб-эс-Сальтанэ имел неосторожность сказать: «Ещё бы они плохо учились – ведь сколько лет их обучали русские». Это замечание видимо не понравилось Маджд-эд-Доулэ, так как ему пришлось убедиться, что едва ли удастся приписать себе заслуги русских офицеров и загрести жар чужими руками.

Затем, подойдя к группе 5-6 исключённых мною из бригады музыкантских офицеров, он сказал: «Надеюсь, что в недалёком будущем и у Маджд-эд-Доулэ будет музыка в 35 человек» (намекая прямо на то, что наша музыка перейдёт к нему, ибо у нас именно 35 человек) (л. 100об.). «Вы же», продолжал Наиб-эс-Сальтанэ, обращаясь к музыкантским офицерам, «послужите для этого ядром».

Теперь я понимаю перемену тона музыкантских офицеров: третьего дня они умоляли меня оставить их в бригаде на каких мне угодно условиях, а сегодня их уже и в дыбы не ведёшь!

Но самые интересные сведения Мартирос-хан передал мне от Адъютанта-баши (начальника Главного Штаба): он обижен Наибом-эс-Сальтанэ и готов жестоко ему мстить. Несколько лет тому назад Адъютант-баши дал Наibu-эс-Сальтанэ 10 000 за право командования полком афшар: командование этим полком для Адъютанта-баши является настоятельно необходимостью, ибо он сам из владетельного рода афшар, и люди этого полка почти сплошь все его крепостные. Теперь нашелся другой, который дал Наibu-эс-Сальтанэ 8 000 и он перепродал полк афшар новому, а от Адъютанта-баши без всякой церемонии отобрал. Адъютант-баши немедленно подал в отставку. Шах, узнав в чем дело, сказал Наibu-эс-Сальтанэ: «Это что ещё за фокусы? Ты хочешь рушить всё старое и отнять от Адъютанта-баши то, чем командовали его дед и отец? Сейчас же возврати ему полк афшар!» (л. 101)

Но известный хитрец Наиб-эс-Сальтанэ так ловко обошёл Шаха, что ему удалось убедить в невозможности возвратить полк афшар Адъютанту-баши. Тогда Шах приказал дать ему другой полк, но Адъютант-баши ответил, что ему кроме его родного полка афшар никакого другого не надо, тем более что, получив другой полк, он за него, во-первых, должен уплатить снова Наibu-эс-Сальтанэ, а во-вторых, никто не может поручиться, что через несколько месяцев Наиб-эс-Сальтанэ снова не перепродаст из его рук и этот полк. Тогда Наиб-эс-Сальтанэ послал своего доверенного *сардара* Векиля-эд-Доулэ, <...>, заверить Адъютанта-баши, что он даст честное слово не отбирать от него полка. Но искушённый горьким опытом Адъютант-баши поручил ответить Наibu-эс-Сальтанэ, что уже не верит больше ни его словам, ни обещаниям, ни даже самым священным клятвам!

У Адъютанта-баши тоже шевелилась честолюбивая мысль сделаться начальником *мухаджиров*, тем более что он был командиром 1го казачьего полка, но Азис-Султан слишком сильный конкурент, чтобы Адъютант-баши мог бороться с ним (л. 101об.). Тем не менее, своевременные предупреждения Адъютанта-баши спасли меня. Выслушав внимательно Мартирос-хана, я поехал к Посланнику, которому изложил все свои соображения и опасения относительно ненавистника русских Наiba-эс-Сальтанэ, не забыв передать ему, что Наиб-эс-Сальтанэ распускает невыгодные для нас слухи, будто не я сам настаивал на отделении от нас *мухаджиров*, но совершенно наоборот, будто Шах, будучи крайне недоволен русскими, уменьшил как состав бригады, так равно и её годовой бюджет. Председатель Государственного Совета Эмин-эд-Доулэ¹¹ прямо высказывал сожаление по поводу того, что, дескать, полковник, вероятно, в собачьем настроении духа по поводу отнятия у него ½ бригады и части годового бюджета. Это всё коварные и злостные штуки Наiba-эс-Сальтанэ. Сегодня, по случаю тезоименитства королевы Виктории, я был приглашён в Английскую Миссию. Здесь военный агент и полковник Пико высказывал совершенно такие же вредные для нас предположения относительно причин уменьшения бюджета и численного состава бригады. Посланник из Английской Миссии поехал прямо к Садр-Азаму, но, к несчастью, не застал его дома (л. 102).

13 мая. Сегодня утром Мартирос-хан передал мне, что какой-то *мирза* (писарь) Маджд-эд-Доулэ остановил его на улице и сказал, что Маджд-эд-Доулэ поручил ему передать мне, чтобы я заплатил за два месяца жалованье офицеру, бежавшему из бригады и теперь, по изгнании *мухаджиров*, снова явившемуся к Маджд-эд-Доулэ. Ответом я, конечно, не удостоил,

но, взорванный такою наглостию, поехал к Посланнику. Я застал его укладывающимся, ибо сегодня он переезжает в Зергендэ. Посланник сказал, что, к несчастью, он не застал дома Садр-Азама. После некоторого обсуждения Посланник уполномочил меня его именем переговорить обо всём с Садр-Азамом лично.

Я немедленно послал к Садр-Азаму, который назначил мне приехать в 7 ч. С трёх часов я сел составлять шпаргалку, которую для верности два раза прорепетировал перед Мартирос-ханом.

У Садр-Азама мы застали массу ожидающих. При входе в сад меня крайне любезно встретил отец Азис-Султана, любимца Шаха, претендента на *мухаджиров*. Дальше – личного адъютанта Шаха, двоюродного брата Азис-Султана (л. 102об.) и, наконец, в приёмной – самого Азис-Султана. Мы невольно переглянулись с Мартирос-ханом – очевидно, тут что-то нечисто, и вся эта публика явилась по тому же вопросу, что и мы.

Садр-Азам первого принял Азис-Султана, который бегом побежал к Садр-Азаму. Затем позвали меня. <...> Едва я раскрыл рот, как Садр-Азам с улыбкою сказал: «Удивляюсь, что вы до сих пор ещё не пришли ко мне. Я вас ждал давно, чтобы предупредить относительно козней, которые Наиб-эс-Сальтанэ устраивает против вас». На это я ответил, что Посланник именно удерживал меня, чтобы я сначала покончил всё с Наибом-эс-Сальтанэ, а затем бы уже обратился к нему. Садр-Азам провёл рукою по своему умному лбу и ответил: «Ну, да ещё не совсем поздно. Говорите» (л. 103).

Сильно взволнованный, я начал так: «Я не для того учился в русской Академии Генерального Штаба и не для того приехал сюда, чтобы состязаться в интригах и происках с каким-то Маджд-эд-Доулэ – это недостойно русского офицера. И не для того я вырвал силою у Правительства 28 000 *туманов*, принадлежащих пенсионерам, вдовам и сиротам, чтобы Наиб-эс-Сальтанэ со своим зятем проглотили их! Фактической сдачи *мухаджиров* ещё никому не было, в сущности, официально я ничего ещё не знаю, а новый начальник уже распоряжается самовластно в части, которой, в сущности, я ещё продолжаю считаться командиром. Но, кроме этого неуважения, я вижу ещё другие оскорбления, лично от самого Наиб-эс-Сальтанэ: он по целым часам держит меня, забавляясь в это время с дервишами и всевозможными муллами, которых он предполагает привлечь на свою сторону, но которые, в сущности, презирают его. Зная, что я тороплюсь к Посланнику, он, вместо того чтобы выслушать меня, рассказывает во время моего доклада, как у него на подушке сегодня котерилась кошка и потому он не выспался, что именно у него болит и, в заключение, на самом живом (^xместе вдруг неистово зевает и говорит мне: “Верите ли, так много дела, что не успеваю даже своего большого колена растереть мазью”. Дела государственной важности он почти не выслушивает, но зато лишь только зайдёт речь о какой-нибудь получке, у него уже ушки на макушке, и он весь обращается во внимание. Затем я прочёл Садр-Азаму свою шпаргалку (л. 103об.). На это Садр-Азам сам сказал, что только что у него был Азис-Султан именно с просьбою устроить, чтобы *мухаджиров* отняли от Маджд-эд-Доулэ и отдали их ему, Азис-Султану. Я уже собирался сам лично поехать к Азис-Султану и лично заявить ему, что готов идти с ним рука об руку, желая этим выразить всю мою готовность служить Шаху... Но Наиб-эс-Сальтанэ иначе поставил дело – уввы, но я не виноват. <...>. Посланник совершенно прав, говоря, что на нас лёг бы позор, если бы мы, провозившись с *мухаджирами* 16 лет, вышвырнули бы их на растерзание двух хищников, ничем не гарантировав их неприкосновенность. Наиб-эс-Сальтанэ ведь отдаст им только 5 000, а это я сам настоял на **28-ми тысячах!** Не им я это отдал, а чтобы нас, русских, впоследствии никто не имел бы права изболочить, что мы лишили кого бы то ни было куска хлеба. Ведь я называюсь **«заведующим обучением Персидской Кавалерии»**, следовательно, призван сюда не препираться с кем-либо, а руководить всю конницу, в том числе, следовательно, и *мухаджирскую*. Если же *мухаджиры* будут совершенно изъяты из ведения русского полковника, дело 16-ти летних трудов всё равно исчезнет, как дым, и заме-

няется втиранием очков Шаху, всевозможными *фузульствами* и грабежом (л. 104). Сегодня на Майдан-Машк Наиб-эс-Сальтанэ приказал Лемеру подготовить формирование музыки¹², ядром для которой должны послужить исключённые мною музыкантские офицеры (вот почему эти офицеры ни с того, ни сего задрали нос и уже не пожелали возвращаться ко мне). А Меджд-эд-Доулэ уже был у Садр-Азама и говорил: жаль только, что у меня все преимущественно офицеры – мне бы ещё хоть человек 200 прибавить к **моей новой бригаде**. Имея врага в лице самого Военного Министра и всего генералитета, который, как собачки, на задних лапках служат перед Наибом-эс-Сальтанэ, мне бороться немислимо. Но как не быть персу выше русского и как не потечет река в гору, так не должен быть Меджд-эд-Доулэ командиром бригады и нельзя допустить Наиба-эс-Сальтанэ выжить русских из Персии!) (л. 104об.)

1. Я сам своими ушами слышал на последней аудиенции, как Его Величество Шах сказал, что *мухаджиры* будут отданы Азис-Султану. Радуюсь такому назначению, я никак не мог предполагать, что Наиб-эс-Сальтанэ перебьёт это назначение в пользу Меджд-эд-Доулэ: будучи глубоко убеждён в назначении Азис-Султана, я потому только и не принял своевременно никаких мер. Азис-Султан мог бы считаться только шефом, а **общее** руководство, не вмешиваясь в хозяйство, внутреннее устройство и проч., я готов был бы принять на себя; можно было бы образовать нечто вроде общей сводной кавалерии под моим общим **строевым** начальством, что теперь, конечно, **немислимо**.

Теперь же совместное учение даже на одном и том же плацу, не говоря уже о недостатке места, стало безусловно немислимым: обидное проведение параллели между нами и *мухаджирами* допущено быть не может, и соревнование с теми самыми *мухаджирами*, которых в течение 16-ти лет мы же, русские полковники, создали и так тщательно обучали, оскорбительно и недостойно русских. Мы призваны сюда не для продажного соревнования, и ни Меджд-эд-Доулэ, ни (л. 104) сам Наиб-эс-Сальтанэ не вправе ставить нас, учителей-инструкторов, на одну доску с различными Меджд-эд-Доулэ. <...>

2. Наиб-эс-Сальтанэ поклялся выжить русских и, с того момента как назначен его зять, уже успел сильно повредить нам и подорвать наш кредит: Наиб-эс-Сальтанэ даёт понять, а под рукою распускает через своих клеветников слух, будто Шах был настолько недоволен русскими, что решил дать это почувствовать им, отобрав у полковника ½ бригады и сократив его бюджет на 30 000. Об этом меня прямо спрашивали вчера в Английской миссии англичане и др., но не только европейцы – даже умнейшие и наиболее интеллигентные персы, как, например, Моин-эль-Мульк¹³, того же мнения и с сожалением отзываются о поражении, которое я якобы потерпел у Его Величества Шаха (л. 104об.).

(Для поправления *фузульств* Наиба-эс-Сальтанэ, должно быть, за подписью Шаха, оговорено в условии, что бригада будет доведена, по крайней мере, до 1000 человек, иначе мы дискредитируемся. Наиб же Сальтанэ от этого тщательно уклоняется, тогда как Шах сам заговорил об этом увеличении). (л. 104об.)

Теперь Наиб-эс-Сальтанэ мечтает выжить русских, убедив Шаха, что дальнейшее заведение персидскою конницею лучше всего поручить его зятю Меджд-эд-Доулэ, который лелеет эту мысль ещё со времён полковника Домантовича, а, дескать, инструкторами могли бы быть старые у<нтер>о<фицеры> *мухаджиры*, уже попавшие в руки его зятя.

Наиб-эс-Сальтанэ в нынешнем году уже успел вторично напакостить нам во мнении Его Величества Шаха, когда я предложил, было, взять на себя инструкторство Персидской пехоты на самых выгодных для персов условиях. Цель Наиба-эс-Сальтанэ – совершенно оттереть русских.

3. При скрытой вражде дальнейшее существование бригады при подобных условиях немислимо, и из этого тяжкого положения для нас существует лишь два выхода: или – чтобы передали *мухаджиров* Азис-Султану, или же, чтобы нас совершенно изъяли из владения Наиб-эс-Сальтанэ и подчинили непосредственно Садр-Азаму, о чём так усиленно хлопотал

ещё покойный полковник Шнеур. А если сделают и то, и другое – это будет наилучший выход. Садр-Азам сам говорил, что Шах настаивал, чтобы он фактически был ответственен за военное министерство и даже, по словам самого Садр-Азама, дал ему на это *дестихат* (л. 105).

(Наиб-эс-Сальтанэ предупредил ещё до назначения Меджд-эд-Доулэ *мухаджиров*, сказав им: «Я дам вам такого человека, который блеском своим и способностями затмит всех полковников...». А когда был назначен Меджд-эд-Доулэ, то Наиб-эс-Сальтанэ сказал: «Что? Видите, я исполнил своё слово!!!» Гробовое молчание было ответом на эту речь. Уже сегодня мне оказано неуважение в том отношении, что Меджд-эд-Доулэ через своего человека передал Мартирос-хану, чтобы я удовлетворил жалованием беглого офицера, ныне явившегося к Меджд-эд-Доулэ, за всё время его служения в бригаде. Я с презрением не удостоил даже ответом этого нахала!) (л. 105)

4. Форма одежды и зимней, и летней должна быть немедленно изменена; что изменения эти повлекут за собою траты и разорят бедняков – *фузульства* Наюба-эс-Сальтанэ: если снять погоны и <нрзб.> – это только сократит расходы, а никак не увеличит их (дух части, **единство** мундира не может быть в двух совершенно различных частях).

5. Вызывать немедленно волонтёров (52 нижних чинов + 4 офицера) из Астрабада, заменив их *мухаджирами*: явилось уже двоевластие, следовательно Сафар-Али-Ага более оставаться не может; равно немислимы и все совместные расчёты мои с Маджд-эд-Доулэ. Предсказываю **ещё раз**, что будут **крупные беспорядки** – вторично снимаю с себя ответственность за последствия.

6. Я подал Наюбу-эс-Сальтанэ благую мысль относительно привлечения в Казачью бригаду некоторых кочевников, бюджеты коих губернаторы целиком кладут себе в карман. Наюб-эс-Сальтанэ с радостью ухватился за эту мысль, но с совершенно иной точки зрения – он сразу почуял в ней доходную статью, решив по очереди страшать губернаторов, что у них отнимут конницу, и тем выманивая у них откупы.

7. Не надо непременно отдавать целиком крупных кочевников, как, например, шахсеван: можно было бы целиком отдать лишь /мелкие племена (багдади Векиля-эд-Доулэ). Сроки службы, ради накопления резерва кавалерии, могли бы быть установлены 3^х - 4^х летние.

Да и, кроме того, наши казаки вовсе не для командиров и несения административной и полицейской службы — это кадры и боевая конница: она может, кроме Тегерана, расходоваться только для самого Шаха, или же вся выходить под моим личным начальством.

8. Необходимо немедленно рассчитаться с Боровским окончательно – *мухаджиры* ходили к Боровскому с просьбою похерить их похоти. По 9ое мая отпустим все по старому бюджету, а с 9^{то} мая, как то предлагает Наюб-эс-Сальтанэ, я ни на какие совместные расплаты с Маджд-эд-Доулэ не согласен.

9. Теперь же дать займы тысяч 20, дабы окончательно разделаться с *мухаджирами*.

10. Теперь же навсегда предоставить казакам место для учений вокруг лагеря – сколько ни бьюсь, ничего не делает Наюб-эс-Сальтанэ (л. 105об.).

Такого внимательного слушателя я ещё не встречал в своей жизни: Садр-Азам, казалось, хотел вскочить мне в рот. Когда я кончил и едва переводил дух от волнения, Садр-Азам сказал: «Дело ещё поправимо: завтра же утром поезжайте к Посланнику и, подтвердив от моего имени, что всё то, что Вы подозревали, совершенно справедливо и что я сам подтвердил все Ваши опасения, скажите Посланнику, чтобы он немедленно же написал письмо для извещения Шаха через того, кого Посланник уже знает – кто несколько дней тому назад уже обработал кое-что. Мне говорить самому о подчи-(л. 106)-нении мне бригады неудобно. Наюб-эс-Сальтанэ воспользуется случаем сказать, что я подкапываюсь под его власть. Равно неудобно начать настаивать самому на назначении Азис-Султана начальником *мухаджиров* – истолкуют, что я подкапываюсь под зятя Наюба-эс-Сальтанэ, Маджд-эд-Доулэ. А Вы скажите По-

сланнику, чтобы он первый обо всём этом написал тому лицу, про которое я только что говорил, чтобы Шах знал, что это ещё желание русского Посланника. Шах немедленно же потребует к себе меня, и я уже проведу это дело» (л. 106об.). <...>

После этого я встал и распростился. Когда я уже взялся за ручку двери, Садр-Азам снова остановил меня: «Как жаль, что Вы Ваши богатые способности принуждены здесь тратить на борьбу с дрязгами и происками, а также перебиваться из-за денег, следуемых бригаде». Я ответил: «Никогда мне не было тяжело биться из-за несвоевременных получек – я знал, что виною этому (л. 106об.) дурное состояние финансов страны, а что Вы сами готовы всею душою помочь нам...: видя обоюдную симпатию и полную готовность помочь, никакая работа не тяжела. Но горько и обидно бывает, когда видишь грязь, гнусность, каверзы, вероломство – тогда тысячи раз раскаиваешься, что приехал сюда...». Садр-Азам кратко пожал руку, и мы расстались друзьями.

От Садр-Азама я вышел в пять минут одиннадцатого – никогда никого он не задерживает так долго (л. 107).

Примечания

¹ Искражённое от *фардо бийай* (فردا بیای).

² Точнее – Султанат-абад. Последний представлял собой одну из самых значительных шахских летних резиденций. Располагался в округе Шемиран, примерно в 5 км от города, и включал в себя ряд дворцовых построек и роскошный сад. От всего комплекса сохранились только две постройки, оказавшиеся в расположении военной части (подробнее см.: *Шахиди-Мазандарани Х. Саргозашт-е Тегран. Тегран, 1383/2004. С. 295-299*).

³ Зергенде / Зарганде – небольшая деревушка в округе Шемиран, одна из целого ряда подобных мест, куда на лето перебирались представители всех иностранных миссий, работающих в Персии. Зарганде находилась под русской юрисдикцией, а всё её население – под русским протекторатом (подробнее см.: Зарганде // *Деххудо, 'Али Акбар. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Тегран, 2006 (CD version); Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 69-70*).

⁴ Собственноручно подписанный шахом указ.

⁵ Sic!

⁶ Вероятно, имеется в виду композит *чешмиур* (چشم شور), который означает «обладающий дурным глазом» (досл.: солёный глаз).

⁷ Точнее – «Величие государства» (مجد الدوله).

⁸ Внутренняя крепость Теграна, в которую можно попасть, перейдя через мостик с площади Сабзе-мейдан. Здесь располагались дворцы шаха, Садр-А'зама, На'иба ас-Салтане, Российская миссия и т.д. (подробнее см.: *Шахиди-Мазандарани, с. 111-113*).

⁹ Отак / Утак-е Незам (اتاق نظام).

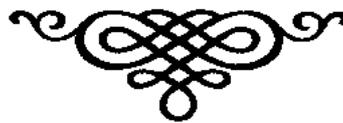
¹⁰ См. также л. 114.

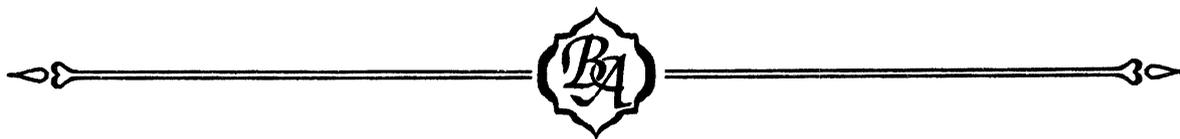
¹¹ А.Н. Куропаткин даёт Амину ад-Доуле (امين الدوله) такую характеристику: «Министр почт и председатель государственного совета, на деле не существующего, Эминуд-Доуле кажется человеком довольно просвещённым, с европейским лоском. Держит себя с большим умением и достоинством, считается ревностным сторонником распространения в Персии форм европейской жизни. Пользуется некоторым влиянием на дела» (Всеподаннейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // *Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 24*). В «Дневнике» тот же автор отмечает, что Амин ад-Доуле был богат и несколько раз ездил в Европу. Долгое время он имел только одну жену, которую старался одевать на европейский манер и постоянно возил на дипломатические приёмы. Огромный дом Амина ад-Доуле был оформлен в европейском стиле, в котором гость забывал о том, что находится в Тегране (РГВИА Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 79–79об.).

¹² Капельмейстер Лемер занимался не только музыкальной частью – так, он, например, по приказу шаха занимался покупкой станков для патронного завода (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 19).

¹³ Шайх Мухсен-хан (1820 – 26 августа 1899 г. по н. ст.), сын Шайха Казима-таджера. В начале своей карьеры служил в посольстве Ирана в Санкт-Петербурге. Затем – в посольствах европейских стран. Титул «Му'ин ал-мульк» пожалован ему в 1873 г. (позже – «Мушир ад-Доуле»). В ноябре 1896 г. стал министром иностранных дел (*Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 3. С. 204-212).

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО**Избранные отрывки. Часть 6**

14 мая. В 5½ утра я был уже верхом, а в 7½ ч. приехал в Зергендэ. Выхода Посланника мне пришлось ждать до 9-ти часов. Затем я передал ему всё подробно. Выслушав меня крайне внимательно, Посланник, видимо, убедился моими доводами: он немедленно же сел за письмо, которое окончил только в 1 ч. пополудни. Посланник, видимо, желал от меня отделаться, говоря, что письмо это должно быть послано непременно через миссийского гуляма. Но мне удалось убедить его, что я не менее надёжен, чем гулям. Посланник, наконец, решился сказать мне, что лицо, на которое намекал Садр-Азам, был Ихтимат-эс-Сальтанэ, министр прессы, и согласился вручить мне письмо, но с тем, чтобы отнюдь не я сам вручил это письмо Ихтимату-эс-Сальтанэ и чтобы никто не мог заподозрить, в чём дело. Получив письмо, я даже не остался завтракать, несмотря на сильнейший голод, а, положив письмо за пазуху, рысью без оглядки закатил из Зергендэ, на тот случай, чтобы Посланник как-нибудь не одумался и не задер-(л. 107об.)—жал письма. Подъезжая к дому, я выслал вперёд одного из ординарцев за Искандер-ханом. Ему я поручил письмо, сказав, что он во что бы то ни стало должен разыскать Ихтимат-эс-Сальтанэ и лично вручить ему моё письмо. Искандер-хан в точности исполнил моё приказание, вручив письмо в самом *андеруне* (гареме). Мало того: по моему приказанию, он добился и того, что Ихтимат-эс-Сальтанэ написал посланнику ответ, который немедленно же был препровождён снова в Зергенде к посланнику с нарочным. Посланник не нашёл удобным сразу писать Шаху ноту: он начал с того, что написал министру прессы Ихтимат-эс-Сальтанэ письмо на безукоризненном французском языке приблизительно следующего содержания. Сначала извинения за то, что перед выездом в Зергендэ не мог быть у него по случаю лихорадки. Затем, что до сведения его дошло (?), что *мухаджиров* отделены от Казачьей бригады. Далее, (л. 108) что его уверяют (?), будто начальником *мухаджиров* предполагают (?) назначить Меджд-эд-Доулэ, зятя Наиба-эс-Сальтанэ. Добравшись, наконец, до сути, Посланник вдруг делает ловкий поворот и, совершенно меняя тон, говорит: «Так как подобное назначение должно неизбежно повлечь за собою интриги, которые могут окончиться отозванием из Тегерана русских офицеров-инструкторов. Вопрос этот принимает такой оборот, при котором **могут** достигнуть того, что при явном недоброжелательстве представлять ЕВ Шаху дело в таком виде, что ЕВ может быть доведён до того, что и ему будет казаться, что дальнейшее пребывание здесь русских инструкторов нежелательно. Единственным средством избежать подобных нежелательных последствий может служить передача Казачьей бригады в полное и (л. 108об.) исключительное ведение Его Светлости Садр-Азама, тем более что год тому назад ЕВ сам имел мысль подчинить Военное Министерство фактическому контролю Садр-Азама. Что же касается до начальника *мухаджиров*, мне кажется самую счастливою мыслью это было – назначение Азис-Султана, который мог бы всегда пользоваться руководством и дружескими советами опытного в этих делах полковника. Я далёк от мысли вмешиваться в дела ЕВ Шаха, но мои слова могут служить лишь несомненным доказательством того глубокого расположения и того искреннего желания, какое я имею, сохранить в данном случае интересы ЕВ Шаха».

В конце письма постскриптум, означающий на дипломатическом языке, что, дескать, его переводить Шаху не следует: «Я надеюсь, Вы немедленно же сообщите содержание письма Его Светлости Садр-Азаму, но никоим образом ничего не будете говорить об этом Его Военному Высочеству: A Son Altesse Militaire!» (л. 109).

<...>

Да, Посланник написал мало, но, надо думать, результат будет большой. Прав граф Монте-Форто¹, говоря, что каждое слово Посланника – это капля масла, попавшая на бумагу: капнули, и расплывается, расплывается, расплывается.

15 мая. По-видимому, Меджд-эд-Доулэ ничего ещё не подозревает: он начал свою благородную деятельность с того, что стал с негодеем Шукрулла-ханом доискиваться каких-то допотопных *мухаджирских* денег, чтобы ничего не упустить и затем всё сразу подобрать в свои загрёбистые лапы (л. 109об.). <...>

17 мая. Масса тревожных сведений: Адьютант-баши относительно клятв Наиба-эс-Сальтанэ. Пико предложил проект формирования *мухаджирской* конницы. Меджд-эд-Доулэ обещал Наibu-эс-Сальтанэ выпросить у шаха 40-тысячный бюджет и мало по малу создать новую и задавить нашу теперешнюю бригаду. Смотр *мухаджиров* назначен им на 19ое мая – часть лошадей из конюшен Меджда-эд-Доулэ и самого Наиба-эс-Сальтанэ. Уже с Мартирос-ханом Ихтимат-Низам не смеет говорить во дворце, и Наиб-эс-Сальтанэ не замечает его присутствия.

18 <мая>. Встревоженный Наиб-эс-Сальтанэ послал за мною – в 6 ч. вечера явился к нему в Эмериз – подлые разговоры без свидетелей – Мартирос-хана оставил в стороне. Шах – по <...> матери Наиба-эс-Сальтанэ, который перетрусился насмерть – поручил завтра и мне, и Ихтимат-Низаму передать его готовность извиниться, даже самому ехать в Зергенде <...>

21 мая. Почти всю ночь с Мартирос-ханом писали Новое положение об управлении бригадой. В 12 ч. Наиб-эс-Сальтанэ прислал ординарца-каджара – ибо было условлено, что я явлюсь в 11 ч. Кончили только в 1 ч. и вместо Наиба-эс-Сальтанэ – прямо к Садр-Азаму. Он внимательно прочёл новое «Положение» <...>; обещал поддержать меня перед Шахом. <...>

Наиб-эс-Сальтанэ – в аудиенц-зале Фетх-Али-шаха²: «Это мои предки» – «Знаю, это – Фетх-Али-шах, знаменитый своею бороδοю»³. В это время пенсионер испортил всю торжественность, появившись со стаканом чаю.

<...> (л. 113об.).⁴

22 мая. Утром в Зергендэ у Посланника – видимо взволнован в ожидании ответа Шаха. Передал, что, по-видимому, Шах предпочитает оставить *мухаджиров* и пенсионеров в руках русских и не отдавать их своим персидским *фузулям*, придерживаясь пословицы, что **испытанный чёрт лучше неиспытанного священника**. Сплетни ходят, будто Меджд-эд-Доулэ уже получил от Шаха *фирман* и будто ^хуже выдано Меджд-эд-Доулэ 4½ тысячи *туманов* авансом на *джире* и фуражные *мухаджиров*: тем более жесток будет удар для Наиба-эс-Сальтанэ, для Меджд-эд-Доулэ и для всей его партии, если это обрушится как снег на голову. Рассказал Посланнику, как Ихтимат-Низам читал Шаху про *садр-азам* Кромвеля⁵ и как Наиб-эс-Сальтанэ послал 12 *феррошей* схватить Ихтимат-Низама. Посланник рассказал мне про Лемера и проект его заплатить Шаху 50 000 *туманов* за концессию на постройку Рештской дороги. (л. 112) <...>

26 мая. <...> /Насурулла-хан⁶ присылал Шихлинского передать о своём намерении уйти из бригады – мне в казарме вполне удалось успокоить благородного старика (л. 117)⁷. По возвращении в 1½ ч. пополудни застал Неджеф-Кули-хана Эриванского, Неджеф-Кули-хана Цициани, Али-хана, Имам-Кули-хана, Насурулла-хана – успокоил их. Слава о моей власти, твёрдости и справедливости при защите дела Риза-Кули-хана, племянника предводителя шахсеван Шааб-уль-Мулька, распространилась настолько, что сегодня пришёл ко мне проститься без жалования, без *джире*, без всего, только с правом быть зачисленным в бригаду один из начальников родов зенджанских курдов. Но впредь до успокоения и устройства всех дел я принуждён был отказать, тем более что он, видимо, рассчитывает, главным образом, на мою адвокатуру перед Персидским Правительством (л. 118об.)./

27 мая. Утром в казарме выборы казначея – Джалиль-хан. <...>

28 мая. После самой ожесточённой борьбы удалось, наконец, провести и добиться утверждения нового «Положения для управления Казачьёю ЕВ Шаха бригадою от 24 мая 1895 года» (л. 117об.).

30 мая. Сегодня приказал к 7½ часам утра собраться на Майдан-Машк всем конным офицерам. Из них я отобрал совершенно дряхлых и освободил от всякой службы. Затем вызвал вперёд желающих жить в лагере – выехали почти сплошь все самые лучшие офицеры. Затем вызвал тех, которые желают продать своих лошадей с тем, чтобы не участвовать в лагерном сборе – выехали из волонтёров никуда не годные, а из *мухаджиров* – все самые заядлые, выражая этим протест против назначения командиром 3го полка Сафар-Али-Аги, а не Насурулла-хана, как было прежде. Я воспользовался *мухаджирскою* передерягою, чтобы сменить неспособных командиров и назначить: *сартину* III класса Касым-Агу (Хорасанского) командиром гвардейского эскадрона, его помощником *серхенга* Мусса-хана⁸; *сартину* II класса Мамед-Багир-хана⁹ командиром 1го полка, его помощником *сартину* III класса Аман-Олла-Мирзу; *сартину* III класса Казым-Агу командиром 2го полка, его помощником *сартину* III класса Мусса-хана; *сартину* I класса (*мир-пянджа*) Сафар-(л. 121)–Али-Агу (временного командира сборной Астрабадской сотни) командиром 3го полка *мухаджиров*, его помощником пока ещё никого не назначил, ибо его самого нет, а за командира полка временно оставил командира эскадрона *серхенга* Абуль-Касым-хана, фактически и командовавшего до сих пор 3^м полком. Я хотел было назначить помощником командира 3го полка Аман-Олла-Мирзу, но 3^й полк заартачился, настраиваемый братьями Насурулла-ханом и Абуль-Касым-ханом, из коих последний, кстати, всегда был выше Аман-Олла-Мирзы и потому, с тех пор как его произвели в *сартинь*, считает себя крайне обиженным и невозможным ему подчиняться.

Таким образом, на этот раз пришлось уступить, чтобы сразу круто не ломать и, выпустив преждевременно когти, не испугать детей азиатов теми огромными правами, которые мне удалось приобрести в силу нового «Положения» от 24 мая 1895 года. Чтобы окончательно на первое время не оскорблять *сартину* II класса Насурулла-хана, я назначил его начальником пенсионеров – назначение, по существу дела, несравненно более важное, чем командование фиктивными персидскими казачьими полками (л. 121об.). Чтобы на первых же порах дать почувствовать, какая разница между русским и персидским начальником, я приказал за всё время состояния *мухаджиров* под властью Маджд-эд-Доуле, т.е. с 9 по 24 мая (15 дней) выдать им всем как фураж, так равно жалованье, суточные и прочее довольствие.

Про *мухаджиров* Шах сказал: «Это аристократическое дворянское войско я сильно ценю». Но вот это-то аристократическое начало и губит их: едва *мухаджирь* вышли из под нашей русской власти и попали в персидские руки Маджд-эд-Доулэ, они немедленно же распались на те самые роды, к которым принадлежали до перехода их в Россию. Ни один род не желал подчиниться родоначальнику другого рода – их в состоянии была связать только одна общая беспристрастная власть русского полковника и притом именно **русского**, ибо мы смотрим на них, как на существа себе подобные и несравненно более вникаем и снисходим к их слабостям, чем к своим собственным, тогда как англичане презирают их и считают существами низшими. Насколько *мухаджирь* все ещё проникнуты родовыми понятиями достаточно показывает то, что один только слух о том, будто (л. 122) командиром 3го полка назначается Мамед-Багир-хан, хотя тоже *мухаджир* и, бесспорно, один из способнейших и лучших кавалеристов Персии, уже произвело брожение и едва не окончилось бунтом. И немало стоило мне красноречия и энергии успокоить их назначением благороднейшего их представителя Сафар-Али-Аги, *мир-пянджа* и родственника Шаха.

Впрочем, сам Шах во время этой передеряги понял многое и сказал прямо Садр-Азаму, что лучше всего предложить полковнику взять обратно под свою руку *мухаджиров*, изъвав его из ведения Наиб-эс-Сальтанэ и предоставив диктаторскую власть самому полковнику.

Но что более всего меня удивляет, так это то, что Шах испугался угрозы *мухаджиров*, что они выселятся из Персии. Впрочем, мне удалось, объяснив некоторым из высокопоставленных лиц, довести и до сведения Шаха и доказать всю нелепость этого мнения. 1. Афганцы презирают персов, и они никогда не осмелятся туда сунуться; 2. Турки – сунниты, и потому скорее согласятся допустить в свою среду христиан и даже жидов, чем шиитов персиян; 3. **Россия** едва ли нуждается в дезертирах, покинувших своё бывшее отечество под влиянием необузданного фанатизма. Кроме того, если бы *мухаджиры* и явились снова в Россию, то, конечно, с единственной целью получить обратно свои бывшие земли и имения (л. 122об.), /которые уже 66 лет как принадлежат другим на вполне законных основаниях, т.е. оканчивается уже 7ая десятилетняя давность.

Вот другое опасение Шаха имело несколько большее основание: как бы эти *мухаджиры*, разойдясь по всей Персии, не занесли бы всюду семена неудовольствия, тем более что большинство их – из тех провинций, народонаселение коих и без того уже отличается наибольшей энергией, непокорностью и стремлением к независимости, как Хой, Маку, Урмия (л. 122об.).

Секретно

№ 15.

31 мая 1895 года.

г. Тегеран (Персия)

Начальнику Отдела Генерального штаба Штаба Кавказского военного округа.

Рапорт.

1) Предписание Вашего Превосходительства от 11 апреля 1895 г. № 108 и узел с двумястами полуимпериалами (тысяча рублей золотом) мною получены 29го сего мая.

2) Срок контракта, заключённого при полковнике Шнеуре, истёк **25 января** 1895 года. Ввиду отсутствия каких бы то ни было письменных условий, определяющих права и обязанности русского полковника по отношению, с одной стороны, к Персидскому правительству, а, с другой, к чинам вверенной ему Казачьей бригады, Его Превосходительство г. Посланник, прежде чем подписывать новый контракт, выразил желание, чтобы мною был подан рапорт с выяснением всех **тех** недостатков и неправильностей, существовавших как в управлении Казачьею бригадою, так равно и в исчислении её бюджета, **которые** могли быть устранены только самим Персидским правительством.

Один экземпляр этого рапорта (от 31 марта 1895 г. № 7) в переводе на персидский язык был представлен г. Посланником через Садр-Азама ЕВ Шаху, а другой – подан (л. 123) мною Военному министру Наibu-эс-Сальтанэ. Вышеупомянутый рапорт, по повелению ЕВ Шаха, обсуждался целым рядом советов, после чего лично рассматривался ЕВ Шахом совместно с Садр-Азамом и Наibом-эс-Сальтанэ. В конце концов, Правительство¹⁰ предоставило русскому полковнику все требуемые права, приняв выработанное мною «Положение об управлении Казачьею ЕВ Шаха бригадою», которое и было подписано 24 мая 1895 г. Садр-Азамом и Наibом-эс-Сальтанэ с приложением их служебных печатей.

В настоящее время пересматривается самый контракт, к которому будет приложено вышеупомянутое «Положение» и который предполагается подписать на этих днях. Копии с контракта, с нового «Положения», а равно и со всех моих рапортов, вызванных решением этого вопроса, будут мною представлены Вашему Превосходительству вслед за подписанием нового контракта.

3) Всё это время я был всецело поглощён как выработкою, так, в особенности, **проведением** новых оснований для управления Казачьею ЕВ Шаха бригадою и (л. 123об) для упорядочения её финансов. Введение в действие нового «Положения», а равным образом завершение и сдача всех пенсионерских книг и счетов, в свою очередь, на некоторое время вызовут усиленную канцелярскую работу. Поэтому, дабы иметь свободу для окончательного приве-

дения в порядок бригадных дел, покорнейше прошу Ваше Превосходительство разрешить мне представить сведения о вооружённых силах Персии **после** окончания лагерного сбора и всех осенних смотров и парадов, т.е. к 1^{му} ноября 1895 года.

4) Вместе с этим покорнейше прошу Ваше Превосходительство (рапорты мои от 12 ноября 1894 <г.>, № 35 и 8 марта 1895 <г.>, № 8) не отказать выслать мне, по примеру прошлых лет, один полный экземпляр «Сборника новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств» и два отдельных оттиска статьи «Персия, Бухара и Афганистан» последних изданий.

5) Равным образом, покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать приказать выслать мне по одному экземпляру «Сборника материалов по Азии», так как многие све-(л. 124)–дения о Персии, во-первых, могут быть здесь же на месте проверены и дополнены, а, во-вторых, должны служить необходимым руководством для обработки и ориентирования при всех дальнейших работах.

6) Покорнейше прошу также, согласно намерения, выраженного Вашим Превосходительством при командировании меня из г. Тифлиса в Персию, не отказать в указании тех районов и направлений, которые требуют дополнительных исследований, так как, с приведением в порядок бригадных дел, этой зимой один из русских офицеров мог бы быть командирован **во всякие места** Персии, проникновение в которые, при вновь выговоренном мною праве вербовать казаков **по всей Персии**, ныне является более возможным и мотивированным, чем прежде. Климатические условия различных частей Персии допускают проникновение в них лишь в известные времена года: большинство гор доступно только летом, низменные же равнины и знойные пустыни – зимою. Поэтому желательно было бы заранее знать, куда именно потребуется направлять исследования.

7) Господин Шталь вновь обратился ко мне с просьбою довести до сведения Вашего Превосходительства о его готовности продолжать свои работы. Беру на себя смелость доложить, со своей стороны, что человека, лучше г. Шталя знакомого с Персией во всех отношениях, с персидским языком и одновременно с этим специалиста по всевозможным способам съёмки и рисованию, найти едва ли возможно (рапорт мой от 15 декабря 1894 г. № 39).

Генерального штаба

Полковник Косаговский (л. 124об.)¹¹.

Специально в Казачьей бригаде.

Денежное довольствие:

В рапорте моём¹² г. Посланнику от 31 марта 1895 г. № 7-ой мною довольно обстоятельно выяснена вся невозможность дальнейшая существования бригады при порядках, выработавшихся и существовавших до нового «Положения» от 24 мая 1895 г. Одновременно с подачею рапорта г. Посланнику были посланы мною две копии – Наibu-эс-Сальтанэ и Садр-Азаму: обе были представлены затем Шаху. <Надо> отдать справедливость, Шах долго всесторонне и внимательно изучал мой рапорт; неоднократно сбивал его своими коварными и ложными докладами Наиб-эс-Сальтанэ в пользу своего зятя, – но Садр-Азам бодрствовал.

Поняв, наконец, что именно за 16 лет выстрадали русские полковники благодаря неустойчивости финансовой системы Персии, необходимость тягостных, уязвляющих самолюбие получек с базара через ростовщиков с неизбежно сопряжёнными с этим неприятностями, доводящими, нередко, до необходимости ставить вопрос ребром, до унижений, а главное – вынужденная необходимость исполнения нами тех обязанностей, которые мы, в сущности, никогда не брали на себя, вовсе не будучи с ними знакомы (л. 2).

Шах после долгих просьб, уговариваний, просьб и колебаний, решившись, наконец, устроить получки нашего бюджета через банк (хотя и английский, а не русский), на мой вопрос,

естественно вытекавший после явно обнаруженных козней Наиба-эс-Сальтанэ – «Кому же теперь **фактически** будет подчиняться Казачья ЕВ бригада <?>», Шах с усмешкою ответил своею любимою фразою: «В Персии хозяин только тот, кто даст деньги». В этих 7-ми словах нынешний Шах показал насколько он, процарствовав почти полстолетия, глубоко познал дух своего царства.

Эта-то именно фраза, выражающая в Персии **всё**, и привела сначала в бешенство, а затем в уныние военного министра Наиба-эс-Сальтанэ, который не мог не помнить, что всего только 9 лет тому назад (с 18<.> по 1886 год) эти самые деньги – **т. е. именно то, что в Персии только и делает хозяином** – выдавал бригаде **он сам**; и только по невозможности продолжать получать деньги при практиковавшихся Наибом-эс-Сальтанэ злоупотреблениях эти получки были переданы в руки Садр-Азама (л. 2об.).

Всякий раз, когда в сентябре бывает большой лагерный смотр Шаха, Наиб-эс-Сальтанэ из года в год повторяет русским полковникам одно и то же: «Ах, полковник, какая большая разница между Казачьею бригадою и **другими** частями: везде на смотрах мне платят деньги и подносят подарки, а у **Вас** я ещё сам должен тратиться и **вместо командира части** (ибо это – его дело) я сам должен подносить ЕВ вот это!». И при этом военный министр с грустью указывает глазами на кашмирскую шаль и два зелёных шёлковых мешочка с *туманами*, завязанные золотыми шнурками¹³.

В нынешнем году я ответил Наibu-эс-Сальтанэ: «Разделите, Ваше Высочество, стоимость этой шали и этих мешочков на 80 *туманов* (стоимость содержания одного конного казака в год), и Вы получите то число казаков, которое **и я, со своей стороны**, подношу ЕВ – всяк молодец на свой образец».

В вышеупомянутом, болезненно вырвавшемся, видимо, из самой глубины души, выразилось всё сожаление истого сына Ирана об утраченной и выскользнувшей из рук добыче: а счастье было не только близко и возможно, но даже он держал его в своих руках, и не сумел удержать!!! (л. 3)

Садр-Азам, ненавидящий Наиба-эс-Сальтанэ, со свойственною ему в подобных случаях откровенностью сказал в ту минуту, когда было окончательно решено, что *мухаджиров* отбирают от Маджд-эд-Доулэ (зятя Наиба-эс-Сальтанэ) и снова возвращают в Казачью бригаду: «Ну, слава Богу! Теперь уже Наibu-эс-Сальтанэ и его зятю не удастся пустить по миру вдов и сирот. Да и потом, откровенно говоря, **я сам** не стал бы церемониться с Маджд-эд-Доулэ и так же, как и другим персам, стал бы выдавать ему деньги через 2-3 года после срока – ведь этот Маджд-эд-Доулэ всё равно обкрадывал бы *мухаджиров* и казаков совместно со своим тестем Наибом-эс-Сальтанэ. Теперь же – **первые деньги казакам**».

И до сих пор Садр-Азам свято держит своё слово. Если же и бывают иногда задержки в выдаче денег, то это **всегда** происходит благодаря Эмин-уль-Мульку (министру финансов), позволяющему себе слишком много только потому, что он брат Садр-Азама: хитрый, алчный к наживе и коварный Эмин-уль-Мульк отлично сознаёт, что Садр-Азам, невзирая ни на какие злоупотребления, **не может допустить смены своего родного брата**, ибо, допустив назначение другого министра финансов (отдав все деньги в другие, **чужие** руки), Садр-Азам добровольно ослабил бы силу и значение своей семьи одним из её важнейших влиятельнейших в государстве членов, ибо в Персии деньги – всё, а распоряжающийся деньгами (т. е. в данном случае – родной и, притом, младший брат Садр-Азама) – **хозяин над всем**. /¹³Эта семья настолько ревниво оберегает свои интересы, что все члены её, дабы не размножаться и не разделять своего значения и власти, берут себе обыкновенно по одной только жене, причём стараются выбирать их непременно из числа своей близкой родни (л. 3об.) / <...>

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Александр Семёнович¹⁴,

Предоставляю при сём копии 1) с Нового контракта 2) с нового «Положения об управлении бригадой» 3) с рапорта № 7 и всех к нему приложений.

Из этих копий, Ваше Превосходительство, ясно усмотрите, какими побуждениями был вызван столь решительный шаг с моей стороны. В данном же письме считаю долгом изложить Вашему Превосходительству лишь то, что было неудобно писать в вышеупомянутом рапорте № 7-й, один экземпляр с копии которого был лично передан г-ном Посланником Садр-Азаму для представления ЕВ Шаху, а другой экземпляр я представил военному министру Наibu-эс-Сальтанэ.

Устройство Казачьей ЕВ Шаха бригады, порядки, выработавшиеся в ней, положение русских офицеров (л. 4а) и урядников-инструкторов и отношение к Ним Персидского правительства были настолько неестественны, что дальнейшее существование бригады при подобных условиях становилось невыносимым, и потому я нашёл лучше отважиться на самый решительный шаг, грозивший в случае неудачи расформированием бригады и отозванием из Персии русских офицеров, чем допустить неизбежную катастрофу, которая в непродолжительном будущем должна была наступить и явиться, таким образом, жертвою искупления за все те ошибки, которые накопились при моих предместниках, не имевших гражданского мужества сразу по долгу службы решиться лучше поставить всё на карту, чем допускать дальнейшее существование подобных неестественных порядков (л. 4об.).

//Я мог бы выбрать всех офицеров не *мухаджиров*, но этого делать было нельзя: связи их так могущественны, что, прежде всего, надо было поселить в них рознь, а затем, когда семя раздора было уже посеяно и дало обильную жатву, действовать быстро и решительно, не давая опомниться. Я так и сделал: вопрос этот обдумывал и подготавливал целый год, а покончил его и сокрушил мощь *мухаджиров* в течение одного месяца. Но из числа избранных все офицеры – более или менее преданные русским. Как мог я, например, тронуть *мир-пянджа* Сафар-Али-Агу, родственника Шаха, или Мамед-Багир-Хана, родственника самого любимого шахского евнуха и правую руку кислוגлазого Азис Султана¹⁵? Или бабасальманского Наiba, за которым как один человек всегда пойдут все бабасальманцы? Отсюда получилось известное, сделавшееся техническим, выражение: 1ая шеренга (*саф айвиль*¹⁶) и 2ая шеренга (*саф дойум*¹⁷) – т. е. избранные мною на Майдан-Машк и вызванные вперёд и забракованные и осажённые назад. ¹⁸Этот манёвр сразу разбил всех *мухаджиров* и не *мухаджиров* на две партии: сначала каждая из этих партий косилась друг на друга, потом они переругались и, наконец, закончили тем, что встали в явно враждебные отношения, причём 2ая шеренга горько упрекала 1^{ую} в изменничестве («Вы какой шеренги?» – «Я? – первой» и т. д.); во 2^{ую} целиком попали все фанатики¹⁸ (л. 4).

<...> *Мухаджиры* – фанатики, не желавшие подчиниться христианскому владычеству. Принятие их в бригаду – тщеславие Чарковского. Возвращение 16 854 *туманов* при невыполнимом обязательстве держать на них 300 новых казаков – тщеславие Бельгарда.

Требование права вербовать со всей Персии людей вызвано, главным образом, тем соображением, что тюркские племена и кочевники более энергичны, неохотно подчиняются персидским властям и менее фанатичны (курды, например, для счастья держат в казённой конюшне дикую свинью). Кроме того, подобные полномочия сильно поднимают в глазах всей Персии значение русского полковника. Шах, вместе сознавая всю пользу изгнания *мухаджиров*, в то же время страшно боялся бунта людей, считающихся наиболее энергичными во всей Персии, и потому через Наiba-эс-Сальтанэ предлагал мне сохранить над *мухаджирами* неограниченную власть и по изгнании их – в дисциплинарном ¹⁹отношении. Но я резко отказался, заявив, что я не полиция и не палач; а если даже и тогда, когда *мухаджиры* состояли в бригаде, правительство вечно вмешивалось и стесняло свободу полковника, – то какое же безобразие должно будет произойти, когда *мухаджиры* – этот буйный и непокорный элемент – будет изъят из бригады? И ни на какие убеждения и *фузульства* я не поддавался¹⁹ (л. 4об.).//

2) срок контракта русских инструкторов в Персии истёк ещё 25 января. Мною было своевременно, 6 февраля, доложено Его Превосходительству г-ну Посланнику обо всех вырабо-

тавшихся и существовавших данных ненормальностях в положении русских офицеров и неправильностях в исчислении бюджета Казачьей ЕВ Шаха бригады, при которых дальнейшее пребывание здесь русских офицеров не только не удовлетворяло своему прямому назначению, но рано или поздно грозило привести к катастрофе. Г. Посланник, вникнув в дело, вполне одобрил мои взгляды в данном случае и через Садр-Азама, при официальной бумаге, послал целиком ЕВ Шаху мой рапорт от 31 марта 1895 г. № <7>, другой экземпляр которого одновременно с этим был представлен мною Его Высочеству Наibu-эс-Сальтанэ, военному министру (л. 5).

Из вышеупомянутого рапорта ЕВ Шах впервые узнал, что до настоящего времени военный министр, коварство которого вошло в Персии в поговорку, систематически обманывал его. С этого дня, **в течение двух месяцев** пришлось выдержать ожесточённую борьбу с Наибом-эс-Сальтанэ, ненавистником русских и ярким приверженцем англичан. Но благодаря Его Превосходительству г-ну Посланнику, поведшему этот вопрос дипломатическим путём с необыкновенною энергиею и твёрдостью, а также полнейшей симпатии и поддержке со стороны Садр-Азама и расположению ЕВ Шаха все козни Наibu-эс-Сальтанэ были своевременно раскрыты и ЕВ Шах, признав поставленные мною требования справедливыми и вызванными, главным образом, кознями самого Наibu-эс-Сальтанэ, через Посланника предложил русскому полковнику подчиняться в строевом отношении **непосредственно ЕВ Шаху**, а в делах денежных обращаться к Его Светлости Садр-Азаму. И только после официально принесённого Наibu-эс-Сальтанэ извинения Его Превосходительству господину Посланнику и согласия отныне признавать над русскими официальными инструкторами свою власть лишь номинально, я подал ему выработанное мною новое «Положение» об управлении нами Казачьей ЕВ Шаха бригады от 24 мая 1895 года, которое подписано уже и Наibu-эс-Сальтанэ, и Садр-Азамом и вручено мне. Текст контракта в данное время проверяется Его Превосходительством г. Посланником совместно со мною и будет подписан на этих днях, после чего мною будут немедленно же представлены Вашему Превосходительству все копии при соответственных докладе и разъяснении (л. 5об).

От того впечатления, какое вынесет генерал Куропаткин о бригаде, будут всецело зависеть отношения ко мне персов. Поэтому я временно отложил всякие вопросы и занялся исключительно подготовкою бригады. Персы не решились показывать учения ни пехоты, ни кавалерии, ни артиллерии, чувствуя их несостоятельность; тогда австрийские инструкторы сильно пали во мнении персиян. Только одной Казачьей бригаде было поручено произвести учение по моему собственному усмотрению. После учения Наibu-эс-Сальтанэ тут же протянул мне обе руки и сказал: «Перед русскими и всеми европейцами Вы сделали лицо моё белым – я никогда этого не забуду». Что же касается до ЕВ Шаха, то на аудиенции Шах давал обо мне отзывы, которые, по словам генерала Куропаткина, «лестно было слышать русскому человеку».

Тогда я решил, что **пора**, и, лишь только отбыло из Персии посольство, принялся за задуманное ранее дело (л. 6).

/Дело было первостепенной важности, а между тем приходилось особенно торопиться. Шах собирался выезжать на дачу и затем в летнее путешествие; его всегда сопровождает Садр-Азам, без которого ничего не поделаешь. Наibu-эс-Сальтанэ, вслед за выездом из города Шаха, тоже выезжает в Камраниэ со своим гаремом (у него теперь завелось 14 жён); вместе с тем и Посланник выезжает в Зергендэ.

Вышеупомянутым объясняется моя торопливость. Кроме того, *мухаджеры* всё-таки сильны и, главное, настойчивы, вследствие чего надо было торопиться нанести им решительный удар прежде, чем приближенные Шаха и, особенно, его жёны не успели ещё в достаточной степени повлиять на него и отговорить его от меры настолько решительной, что он долго не решался на неё – подобные крутые меры не в его характере, и, если бы не моя же-

лезная решимость – ничего бы не вышло; а тогда бы всё наше обаяние пало, и мне оставалось бы спустить свой флаг, на веки опозорившись и в Персии, и в России (л. 6)./

Я начал с того, что непосредственно обратился к г. Посланнику, самым правдивым образом объяснив ему все подробности, из коих многие, по совершенно неизвестным мне сообщениям, тщательно скрывались от него.

Результатом многочисленных моих переговоров с г. Посланником было то, что Его Превосходительство предложил мне подать вышеупомянутый рапорт № 7. А так как персы никогда не решились бы сами доложить ЕВ Шаху всего того, что было изложено в моём рапорте, то копию с него, переведённую на персидский язык, господин Посланник при официальной бумаге вручил Садр-Азаму, а другой экземпляр я одновременно с этим при рапорте препроводил Наibu-эс-Сальтанэ. И Садр-Азам в тот же день препроводил мой рапорт Шаху (л. 6об.). <...>

ЕВ Шаху почти 70 лет. На вид он бодр и здоров, но лишь потому, что красится, белится и румянится. У него сильный порок сердца, и при том значительном количестве всевозможных confortативов, которые он усиленно принимает, его конец будет, по всей видимости, неожиданный.

Велиахд на вид старше отца; болезненный, слабый и телом, и духом, человек крайне нерешительный и вдобавок – ханжа. Смее думать, что при подобных условиях при смерти Шаха смуты весьма возможны.

При существовании тех порядков и того духа, о котором ясно можно составить себе понятие из моего рапорта № 7, катастрофа была бы неизбежна. При теперешнем же положении дела, благодаря полному преобразованию бригады шансов на то, что в тяжёлую минуту бригада не вырвется из моих рук, получилось неизмеримо больше (л. 7).

<...>

Роль бригады в случае каких бы то ни было смут или беспорядков не только не выяснена, но, несмотря на все усилия и совершенно прямые определённые вопросы, и не будет выяснена. А между тем, несмотря на резолюцию Его Высочества военного министра, снимающую, по-видимому, с командира бригады всякую ответственность, я всё-таки был бы обвинён за предшествующее бездействие власти и за то, что своевременно не открыл глаза и не принял в этом отношении самых энергичных мер. Кроме того, если бы по закону я был бы оправдан, моя совесть всё-таки упрекала бы меня, а дипломаты постарались бы всё свалить именно на меня.

Главнейший довод *мухаджиров*, приводимый и Шаху, и Наibu-эс-Сальтанэ, и всем остальным – это, что, если 16 лет было так, и все предшествующие полковники ничего не предпринимали, то для чего же теперь-то нарушать спячку?! (л. 7об.)

¹⁸Я вынужден был ответить, что бригаду долгое время истощал и мучил злокачественный нарыв. Теперь он назрел, а по вскрытии из него потекли пенсионеры, негодные офицеры и *мухаджиры*²⁰. <...> (л. 7об)/

В декабре 1892 года полковнику Шнеуру удалось убедить Персидское правительство согласиться выдать ему инструкцию, дававшую ему кое-какие права и упорядочивавшую до известной степени управление бригадою. Но это положение существовало **только на бумаге** и, в связи <с> бесхарактерностью и уступчивостью Шнеура, с одной стороны, и настойчивостью Персидского правительства, с другой стороны, решительно никакой пользы не принесло и дела не поправило. При ротмистре Бельгарде уступчивость и любезность по отношению ко всем высокопоставленным персам не только дошла до неограниченных размеров, но даже и самая вышеупомянутая инструкция полковника Шнеура была неизвестна и разыскана только по принятии бригады мною, т. е. спустя год с лишком.

8 000 *туманов*, отнятые у полковника Шнеура Шахом совершенно внезапно в 1892 году (л. 8), /положили начало дефициту. По инструкции, данной полковнику Шнеуру в 1892 году,

статья «<...>», полковник обязан содержать столько казаков, **сколько сможет**. Этот пункт был выговорен полковником Шнеуром именно для того, чтобы получить полную свободу для уплаты дефицита в 8 тысяч, который он и **обязался** уплатить в тот же год. Но полковник Шнеур сдал бригаду ротмистру Бельгарду, который ещё увеличил дефицит почти до 14 тысяч *туманов*.

Другая ошибка ротмистра Бельгарда окончательно подорвала финансы бригады: он сам добровольно упросил Персидское правительство возвратить бригаде 16 854 *тумана*, обязавшись содержать на них 300 новых казаков, и Персидское правительство коварно согласилось на эти невыполнимые условия, ибо $16\ 854/80$ (стоимость одного казака) = 210 казаков, тогда как содержание 300 казаков стоит $300 \times 80 = 24\ 000$; т. е. точное выполнение обязательства ротмистра Бельгарда должно было повлечь за собою неизбежное увеличение дефицита на 7 147 ежегодно (л. 8)./

Прежде чем потребовать коренных реформ в бригаде, надо было, во-первых, основательно ознакомиться не только с настоящим, но и с прошлым бригады, а во-вторых, приобрести доверие к себе ЕВ Шаха и вообще всего Персидского правительства. Ряд блестящих смотров и парадов вполне расположил к нам и Шаха, и всех персов, и вот, после двухстороннего манёвра 6го декабря, когда Шах был в неподдельном восторге и все громко кричали про Казачью бригаду, я, через Его Превосходительство г. Посланника, решился сразу потребовать преобразования всего того, что было неестественно.

Но в то самое время, как я был всецело поглощён обдумыванием этого вопроса, разнеслись слухи о чрезвычайном посольстве с Его Превосходительством г. Куропаткиным во главе. Весь Тегеран от мала до велика только и был поглощён приготовлениями к встрече этого посольства. Рапорт подавать было не время. При этом я отлично понял, что, не имея никаких указаний, я должен был действовать на свой страх, ибо в случае неудачи все промахи и ошибки 16-летнего существования бригады всецело пали бы на одного только меня!²¹ (л. 8об.)

/В таком безвыходном положении мне оставалось решиться на отчаянное средство – что я и сделал. С одной стороны, буйный и непокорный характер *мухаджиров*, а с другой – трусость Наиба-эс-Сальтанэ и болезненная скупость Шаха не давали особенно сильной надежды на успех. Но другого средства не оставалось, ибо, если бы я не дерзнул поставить всё на карту, в случае катастрофы все обвинения в бездействии власти обрушились бы на меня. Теперь же, если до сих пор отчасти и косились на нас в Миссии, все недоразумения сразу исчезли, и на нас смотрят с уважением, как на людей, не задумавшихся рискнуть ради долга своими личными интересами, как бы они велики ни были (л. 8об.)./

Состояние, в котором мне пришлось ровно год тому назад принять Казачью бригаду, было таково, что ежеминутно грозило катастрофой при отсутствии каких бы то ни было определённых прав и законоположения, при полном произволе Персидского Правительства, недобросовестности и весьма искусно скрывавшемся недоброжелательстве к русским Наиба-эс-Сальтанэ – дальнейшее пребывание в Персии при порядках, существовавших до 24 мая сего 1895 года, сделалось едва ли возможным. Его Превосходительство г. Посланник, вполне разделяя моё мнение, самым энергичным образом поддержал меня во всех моих²² требованиях. При полном сочувствии к русским Садр-Азама все козни Наиба-эс-Сальтанэ и англичан рушились, окончившись полною неудачею, и ЕВ Шах, чтобы осязательно выразить своё сочувствие к нам, не только согласился на все мои, в сущности, суровые требования, но ещё и прибавил к бюджету бригады 11 270 *туманов* ежегодно.

<...> Вся эта передрыга с *мухаджирами* замечательна в том отношении, что за всё это время ни один человек не сел в *бест*, тогда как в то же самое время Адъютант-баши, обиженный наглостью Наиба-эс-Сальтанэ, отнявшего у него без всякой причины полк афшар, сел в *бест* в шахскую конюшню и прислал мне оттуда сказать, что он, Адъютант-баши, глу-

боко сочувствует мне и радуется моему энергичному образу действий. Подобные же выражения сочувствий я получил и ещё от некоторых вельмож и генерал-губернаторов.

Примечания

¹ Бежавший с родины итальянец капитан граф Монтефорто был начальником тегеранской полиции и имел чин *сартина* (генерал). Известен многочисленными и масштабными злоупотреблениями, из-за которых, в конце концов, потерял свою должность (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 86-87).

² Один из двух залов дворца Негарестан, построенного вторым правителем династии Каджаров Фатх-‘Али-шахом (правил 1796–1834).

³ Портрет Фатх-‘Али-шаха и его сыновей располагался прямо напротив входа в зал. На других стенах находились портреты представителей иранской знати, а также некоторых иностранцев (например, сэра Аузли и Морьера) (*Берже А.П.* Фетх-Али-Шах и его дети. Исторический очерк. 1762–1834 // Русская старина 50 (1886). С. 550-551).

⁴ Между листами 113 и 114 вложена библиотечная карточка *Октоих, содержащий Воскресную Службу Восьми Гласов, на Чувашском языке. Тёльрне кунсенте тавакан саккар кевён келлисем. Симбирск. Типография А.Т. Токарева. 1887.* В правом верхнем углу простым карандашом Ч 9. В правом нижнем углу 1/8° *verte*. На обороте *Издание Православного Миссионерского Общества.*

⁵ Подробнее см. л. 133об.

⁶ Имеется в виду имя Насрулла-хан, Насраллах-хан (ناصر الله خان).

⁷ Между листами 116 и 117 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Икке мун праздник чохне халыга иненмэллэ тынландарза шобашкар уездыньчэ чуваш син Митрофан Дмитриев. Каланы сумахсэм-при.* (Казань. В Университетской тип. 1869). В левом нижнем углу расположен шифр *Ling. 997.* В правом верхнем углу простым карандашом – Ч 17. В правом нижнем углу – 1/8° *min. verte*. На обороте карточки *бичурин чиргинь-чэ (шинерь-бозиньчэ), онда Хозанды Архиереи Антоний пырзасын, тепри тюрлеме чиргинь-чэ (анчик-ксыньчэ), 1869 сёлда.*

⁸ В тексте именно так. Имя пишется с одним «с» – Муса-хан.

⁹ Мухаммад-Бакир-хан (محمد باقر خان).

¹⁰ *Зачёркнуто решилось, наконец, при настоянии г. Посланника.*

¹¹ Между листами 124 и 125 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Краткий Катихизис, повседневные молитвы и Евангелие на Святую Пасху на тунгусском языке. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань: Тип. Коковиной, 1881.* В правом верхнем углу простым карандашом – Гд 2. В правом нижнем углу – 1/8° *min.* На обороте карточки <Перевёл протоиерей Степан Попов>.

¹² Напротив на полях имеется приписка карандашом: *воспользоваться текстом этого рапорта.*

¹³ Мисль-Рустем отмечает, что «шах любит подарки, бешкеши, которые принимает от всех и на всякую сумму: даже на смотрах командиры полков подносят ему деньги – золотом, смотря по численному составу полка, не стесняясь маленькой суммой, как 100 туманов (330 р.). Прежде шах сам был щедр на подарки, но теперь этого не видно, скорее он заметно скуп» (Мисль-Рустем, с. 61).

¹⁴ Имеется в виду генерал-лейтенант Зеленой.

¹⁵ Азиз-султан (عزيز سلطان).

¹⁶ Точнее *саф-е авваль* (صف اول).

¹⁷ Точнее *саф-е дуввум* (صف دوم).

¹⁸ Данное примечание к тексту на правой стороне л. 4 помещено между колонками.

¹⁹ Эта часть текста помещена между колонками.

²⁰ Зачёркнуто ^{xx} *а на мою долю выпало его вскрыть и выдать из него мухаджиров.* Фразу предполагалось вставить после слова *назрел.*

²¹ Этот текст, начиная со слов *не имея,* приводится между колонками.

²² Зачёркнуто *законных.*

DOI: 10.31696/2072-5795-2021-2-12-23

Б.В. Норик

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО

Часть 7

8 июня. Ездил к Посланнику: он теперь помешан на том, чтобы во что бы то ни стало погасить де-(л. 126)-фицит бригады, так как, наконец, сам пришёл к убеждению, что дефицит этот образовался именно благодаря ему. Во-первых, в 1892 году он своевременно не поддержал Шнеура, когда у того вырвали 8000 туманов¹, а, во-вторых, настояв на том, чтобы целый год пакостили бригаду Бельгард с Рафаловичем². Теперь Посланник не останавливается ни перед какими мерами, чтобы поскорее смыть этот позор, и решил при заключении нового контракта: за время пребывания русских офицеров в отпуску удерживать с них $\frac{1}{2}$ содержания; при отъезде из Персии больше уже не выдавать трёхмесячного содержания вперёд; только одному старшему офицеру выдавать 12 000 франков в год, всем же остальным по 10 000 франков. После отъезда Рафаловича не назначать на его место нового инструктора впредь до совершенного погашения дефицита и т.д., и т.д.

Из Зергендэ поехал к Наibu-эс-Сальтанэ³, которому от имени Посланника передал целую кучу эльтифатов. При этом пожаловался на тегеранского губернатора: (л. 126об.)⁴ древний до того, что голова тряётся, этот старый персук терпеть не может казаков. У явера Гуссейн-хана Кючюка баба украла вещи. По этому поводу я послал его с командиром 2го полка *сартимом* Казым-Агой к губернатору. Тот, едва увидев казаков, начал махать руками, ругая их всякими словами. Казым-Ага, превежливо взяв руку под козырёк, сказал, что его прислал сюда полковник. Но это несколько не помогло, и губернатор обратился к Казым-Аге с вопросом: «К чему это ты прикладываешь руку к папахе?» – «Чтобы выразить Вам этим своё уважение», – ответил Казым-Ага. «Пусть гробовщики, омывающие тела покойников, унесут твои руки⁵, оказывающие честь», – ответил губернатор.

Если бы не 90-летний возраст губернатора, Казым-Ага засадил бы ему кинжал в глотку. От губернатора третьего дня *сартим* Казым-Ага поехал прямо ко мне. Я успокоил его только тем, что послезавтра лично доложу обо всём Наibu-эс-Сальтанэ. И действительно, сегодня я в ярких красках обрисовал Наibu-эс-Сальтанэ поведение губернатора. Наib-эс-Сальтанэ из приличия сделал огорчённый (л. 127) <вид> и, потребовав к телефону губернатора, передал ему, что полковник здесь и то-то и то-то говорит про него. Губернатор страшно перетрусился и ответил, что ничего подобного не было, что Казым-Ага, войдя в его, губернатора, приёмную, отдал ему ноги своими казачьими сапожищами, будто, мало того, разозлившись, Казым-Ага ругал губернатора, а вовсе не губернатора Казым-Агу, в чём он клялся головою Шаха и Наiba-эс-Сальтанэ. Когда Наib-эс-Сальтанэ заметил, насколько я возмущаюсь и начинаю изводиться, он сказал: «Ну, да знаете, это ведь старый неуч и дурак – он всегда такой» – «А кто его назначил, в таком случае, губернатором?», – спросил я. Наib-эс-Сальтанэ густо покраснел и не ответил ни слова. Затем, несколько оправившись, он сказал: «Пошлите к губернатору Мартирос-хана, пусть он разберёт». «Ну, нет», – ответил я, – «я больше не намерен подвергать оскорблениям своих офицеров и лучше сам поеду и разберусь с этим господином». Наib-эс-Сальтанэ струсил и сказал, что лучше пошлёт Аббас-Кули-хана Ихтимат-Низама, на что я с удовольствием согласился (л. 127об.).

Вот выдержки из моего сегодняшнего разговора с Наibом-эс-Сальтанэ. «Я уполномочен г. Посланником передать Вашему Высочеству, что Его Превосходительство только тогда

может дать Вам ответ, когда я лично представлю Его Превосходительству все поставленные мной условия, **подписанные Вашим Высочеством и за Вашею печатью**».

Наиб-эс-Сальтанэ вздохнул, возвёл глаза к горе и грустным-грустным тоном сказал: «Много их, много у меня врагов, и все они клеветают на меня! Неужели русский Посланник не может отличить ложь от истины и не хочет убедиться, что, если в Персии есть преданный друг России, то это я?».

Я коварно улыбнулся и ответил: «Ваше Высочество, Ваши действия распадаются на две части – видимую и невидимую. Вы полагаете, что нам всем известна одна только видимая часть. А между тем, мы кое-что знаем и из другой части, невидимой».

Наиб-эс-Сальтанэ так смутился, как я никогда ещё не видел: «Например?», – спросил он.

«Например, Вы хотели перебить концессию русских и за 50 000 *туманов*, поднесённых Лемером ЕВ Шаху (л. 128) и Вам, отдать этому жида (ягуди^б) постройку шоссе Решт-Казвин». «Потом», – беспомощно сказал Наиб-эс-Сальтанэ.

«Потом, – продолжал я безжалостно, – Вы хотели, чтобы Ваш зять Маджд-эд-Доулэ командовал Казачьей бригадой, которую Вы поклялись в недалёком будущем всю перетянуть к нему, начав с того, что жалкие остатки *мухаджиров* приказали назвать бригадою, которую разделили на полки и проч. – совершенно согласно существующему у нас в бригаде разделению. Мало того, из выгнанных мною музыкантских офицеров приказали жида Лемеру сформировать новый хор для возникающей, благодаря Вашим усилиям, новой бригады Вашего зятя...». Наиб-эс-Сальтанэ был буквально уничтожен и не находил слов. «...Мало того, – продолжал я, – зимою Вы испортили дело, когда я предложил некоторых инструкторов подчинить русскому полковнику, что было бы крайне выгодно для Персии, а, напротив, умышленно возбуждали к нам недоверие и склонили ЕВ Шаха на сторону австрийцев. Мало того. Когда Вам уда-(л. 128об.)-лось, вырвав от нас *мухаджиров*, всучить их Вашему зятю, Вы приняли проект английского военного агента Пико относительно формирования отдельной *мухаджирской* части в 1000 человек, с тем, чтобы инструкторами в ней были не русские, а англичане».

Долго Наиб-эс-Сальтанэ не знал, что сказать. Наконец, лицо его просияло, и он сказал: «*Chér colonel*, если бы я был сторонником англичан, у меня, вероятно, была бы индийская звезда, как у Зели-Султана, или орден Бани, как у Садр-Азама! А у меня даже медали английской <нет>!» – и при этом он торжествующим оком окинул Ихтимат-Низама, единственного свидетеля нашего разговора. Но я нисколько не смутился и ядовито ответил: «Но Ваше Высочество ещё всего только несколько дней как заключили условие с англичанами. Так что весть об этом ещё не успела дойти до Лондона. Но, Бог даст (Иншаллах), с оборотом почты Вы и получите желанное».

«Какой Вы злой!», – сказал Наиб-эс-Сальтанэ, попытавшийся улыбнуться, но вместо того скрививший рожу набок (л. 129). «Скажите, полковник, разве Ваше мнение обо мне могло так быстро измениться?» – «Как видите». «Но что за причина?» – «Ваше Высочество, когда женятся, в любви изъясняются. Когда ближе узнают друг друга, развода требуют. Разве не оскорбительно нам, русским, что после того, что уже окончательно решено ЕВ Шахом, что *мухаджиры* снова переходят к нам, Вы допускаете, что Маджд-эд-Доулэ делает *мухаджирам* учение на Майдан-Машк? А я не могу этому воспрепятствовать, ибо до сих пор Вы не желаете отдать приказ о том, что они уже ему более не подчиняются».

Наиб-эс-Сальтанэ спохватился – в данном случае это не был злой умысел, а просто его собственная халатность, и он немедленно приказал вызвать к телефону Маджд-эд-Доулэ.

«Вот вследствие всех этих причин русский посланник и настаивает, чтобы русский полковник подчинялся непосредственно Садр-Азаму, о чём он и написал ЕВ Шаху», – продолжал я терзать Наюба-эс-Сальтанэ.

«Но это невозможно, – перебил меня взволнованный (л. 129об.) и испуганный Наюба-эс-Сальтанэ, – чтобы военная часть, да ещё под командою русского полковника, подчинялась

прямо Садр-Азаму или вообще кому бы то ни было другому **помимо военного** министра! Ничего подобного никогда не бывало в Европе!»

«Напротив, вполне возможно, – спокойно ответил я, – во-первых, в Европе даже у Папы есть своя собственная гвардия. Во-вторых, в Турции янычары всегда подчинялись непосредственно самому султану. В-третьих, в Древнем Египте и в той же самой Персии начальник греков всегда подчинялся непосредственно самому царю. Так и теперь. ЕВ Шах ответил Посланнику, что он желает, чтобы отныне русский полковник подчинялся непосредственно Ему самому, а деньги получал от Садр-Азама. Когда я на это заявил Его Величеству, что стеснительно мне подчиняться непосредственно самому Шаху, и что я прошу в таком случае подчинить меня Садр-Азаму, то ЕВ Шах ответил, что это не беда, и при этом прибавил, что, в сущности, в Персии ведь тот и хозяин, кто даёт деньги».

Холодный пот крупными каплями выступил на лбу Наиба-эс-Сальтанэ (л. 130). «Ну, а Вы сами, полковник, что скажете?», – заискивающе спросил меня Наиб-эс-Сальтанэ. Я: «Скажу, Ваше Высочество, что Вы вынудили нас к подобного рода поведению». Наиб-эс-Сальтанэ: «Ну, а теперь верите, что я друг России и что я искренне желаю, чтобы Вы остались в моём ведении?» Я: «Последнее да, но что Вы друг России или нет – это дело Посланника, а не моё». Наиб-эс-Сальтанэ: «Ну, а Посланник теперь верит мне? Оправдался я теперь в его глазах?»

Я молчал и не решался отвечать. Тогда Наиб-эс-Сальтанэ не выдержал и сказал мне: «Говорите, что думаете. Что бы Вы ни сказали, клянусь головою Шаха, я ни на что не обижусь».

«Ну, в таком случае я должен сказать Вашему Высочеству, что невинность можно потерять только один раз в жизни. О возвращении же утраченной невинности я, признаюсь, ещё не слыхивал».

Наиб-эс-Сальтанэ так взглянул на меня, что, казалось, готов был меня съесть. Но я не смутился и так холодно и твёрдо взглянул ему в глаза, что Наиб-эс-Сальтанэ в смущении опустил свои (л. 130об.).

Во время всей этой передряги с *мухаджирами* и с Наибом-эс-Сальтанэ посредником между Шахом, Садр-Азамом и Посланником служил министр прессы Ихтимат-эс-Сальтанэ, просвещённейший из персов, но прохвост, каких мало. Он служил нам безукоризненно лишь потому, что заклятый, непримиримый враг Наиба-эс-Сальтанэ. Что это за личность, можно судить по двум следующим случаям.

1) Когда в Персии распространяли пропаганду известного персидского посла в Лондоне Малькольм-хана⁷, заподозрили Ихтимат-эс-Сальтанэ, но ничего доказать не могли. Вдруг в один прекрасный день являются в дом Ихтимат-эс-Сальтанэ *фетраши* Наиба-эс-Сальтанэ и требуют его к Наibu-эс-Сальтанэ во дворец. Если бы они были вежливее, то ещё могли бы ввести в заблуждение Ихтимат-эс-Сальтанэ. Но их грубый тон, а главное, что вместо одного их было 12, сразу навели Ихтимата-эс-Сальтанэ на подозрение, и он отказался ехать и, не смотря на всю свою тучность, пошёл пешком. Проходя мимо *андеруна* Анис-эд-Доулэ, он шмыгнул прямо в её гаремное отделение. Никакие силы не могли его вызвать оттуда. Когда же, наконец, Шах потребовал его к себе, Ихтимат-эс-Сальтанэ прошёл к Шаху не через *бирун*, а через *андерун*. Шах, увидя его <нрзб.>, уверовал в его невиновность и освободил. С тех пор нет непримиримее врага Наиба-эс-Сальтанэ и вернейшего нашего союзника, как Ихтимат-эс-Сальтанэ (л. 131).

2) Ихтимат-эс-Сальтанэ ещё при покойном Сепехсаяре Хаджи-Хуссейн-хане⁸ заведовал типографией, за которую платил Правительству 3 000 *туманов*, хотя доходу получал до 10 000. Сепехсаяр потребовал, чтобы тот отныне платил 7 000, и сколько Ихтимат-эс-Сальтанэ ни умолял, Сепехсаяр остался непреклонен. Ихтимат-эс-Сальтанэ решился отомстить: он, в качестве лектора, стал читать про Кромвеля, как тот, будучи первым министром (*садр-*

азамом), забрал в свои руки английского короля, так что, наконец, его казнили. Ясно, что он намекал на Сепехсальяра. Тот через своих многочисленных шпионов узнал это и позвал к себе Ихтимата-эс-Сальтанэ: «Про какого это ты, брат, *садр-азама* Кромвеля читаешь Шаху?» Тот, нисколько не смущаясь, ответил, что это он в качестве лектора читает ему английские журналы. «Ну ладно. Можешь за свою типографию по-прежнему платить по 3 000 *туманов*... Но смотри у меня». С этой минуты Ихтимат-эс-Сальтанэ ни про какого *садр-азама* Кромвеля больше Шаху уже не читал.

Все секретные дела и все передачи идут теперь через руки Ихтимат-эс-Сальтанэ. Это недюжинный негодяй, но в данное время, во-первых, он всецело зависит от Садр-Азама, во-вторых, от русских, а в-третьих, одушевлён самой горячей ненавистью против Наиба-эс-Сальтанэ – нашего заклятого врага (л. 131об.).

9 июня. В 3 часа на своих в Зергендэ к Потехину насчёт займа в банке 20 000 *туманов*. Потом к Посланнику. У него Мушир-уль-Мульк, с которым условились, что Садр-Азам поручится и даже заплатит процент за 3 месяца. Снова к Потехину, который согласился взять пока один месяц с тем, что, если просрочат, то сколько просрочат, столько и заплатят процент (л. 132). <...>

Ужинал у Потехиных — насвистались вдребезги.

10 июня. Утром в Зергендэ за обещанным в 9–10 часов утра векселем Садр-Азама. До двух часов прождал и, наконец, уехал в город без векселя. Только уже подъезжая, Посланник нагнал и передал мне засвидетельствованный уже им вексель Садр-Азама (л. 132об.). <...>

14 июня. <...> Шейх-Гассан ночевал. Уходя, он проговорился насчёт того, что Зели-Султан устроил себе крепость – целый горный округ Корвенд укрепил до такой степени, что сделал почти неприступным, вооружив пушками всю дефиле, построив казематированные здания с башнями, приспособленными к артиллерийской обороне, и проч.⁹. В 8 ч. утра я поехал к Посланнику и обо всём сообщил ему, а равно и относительно того, что укреплённый лагерь Зели-Султана, в связи с плаванием англичан по Каруну и с тем, что они у Ахваза всеми силами препятствуют восстановлению древней плотины, имеет для нас в будущем весьма тревожное значение для России. Посланник встревожился: видимо, многое было ему совершенно неизвестно.

15 июня. С утра в городе: получили три дня тому назад от Персидского Правительства 20 000 *туманов*. Я оставил их у капитана Орановского, приставив к ним караул, и что же? Вчера этот караул, не дождавшись смены, весь ушёл. Разобрав подробно, я нарядил трёх дежурных по 3 дня (л. 135), двух начальников караула – по одному месяцу, одного казака из состава караула – на один месяц не в очередь в караул, подъяска – на два месяца не в очередь в караул, часового – мгновенно вон из бригады, невзирая на то, что он *мухаджир*.

16 июня. Утром снова у Посланника с дополнительными сведениями насчёт Камышлу и пути англичан из Мохамерры¹⁰ по Каруну на Шустер¹¹ и далее на Исфаган. Я высказал Посланнику мнение относительно того, что не мешало бы проехаться туда для личной проверки, с ведома, конечно, Садр-Азама и самого Шаха. Посланник сегодня как-то гораздо уклончивее, хотя и сознался, что я осветил ему предмет с совершенно новой точки зрения.

17 июня. Снова разбор. 3 *векиля мухаджир*ы, назначенные стеречь фураж в лагере, проспав у фуража ночь, наутро ушли. Я разжаловал: одного *векиль-раста*, одного *векиль-чапа* и одного *серджугу* – всех троих в рядовые (*табин*). Ещё вышел один *мухаджир* из состава караула и заявил, что его вместо 9-ти ч. утра не сменяют до 11-ти. Этого на один месяц через день в караул (л. 135об.)¹².

18 июня. <...> Снова говорил Посланнику относительно Зели-Султана и англичан, но Посланник встретил мои слова с видимым неудовольствием: очевидно, он считает, что я

вторгаюсь в его дипломатическую деятельность и служу по отношению к нему чем-то вроде согладата, что особенно ясно проглядывало в его желчно сказанных словах: «Если, как Вы говорите(?), Вы считаетесь военным агентом...». Я поспешил отретироваться. На приглашение Посланника остаться завтракать я сухо отказался, заявив, что уже приглашён к Рафаловичу, куда действительно и отправился (л. 138). <...>

Вечером приехала ко мне в лагерь депутация старших офицеров просить, чтобы бригаду я подождал переводить, как было назначено, 24го июня, ибо ещё будет продолжаться мохаррем. Пришлось ещё отложить на вторник 27го июня.

О несчастная Персия! Лучшая и единственная в Персии воинская часть, Казачья бригада, заявляет мне: в среду убиение Али, в четверг плач по Али, в пятницу нельзя делать занятий, в субботу 13ий день мохаррема, в воскресенье неудобно по отношению к русским чинам, понедельник – тяжелый день! Поневоле во вторник!!! (л. 138об.) <...>¹³.

22 июня. Утром Рафалович попросил у меня разрешения сдать должность заведывающего хозяйством: все письменные счёты и расчёты – Мартирос-хану, все непосредственные распоряжения по хозяйству через Беринича¹⁴ – мне самому. Я был, конечно, очень рад и очень охотно разрешил ему всё это.

В 6 ч. с Мартирос-ханом в городском доме Садр-Азама, снова хлопотал насчёт получек из Английского банка. Садр-Азам был изумительно любезен и, не стесняясь присутствием церемониймейстера, говорил, что *мухаджир*ы снова воскресли, попав опять под мою власть. Я рассказал, что за 15 дней командования *мухаджир*ами Маджд-эд-Доулэ успел взять с сына Абуль-Фат-хана шаль в 80 *туманов* и 120 *туманов* звонкою монетою, с другого 30, с третьего 40 *туманов* за признание тех патентов, которые не были мною признаны. «Конечно, этих денег он уже никогда не возвратит», – добавил со своей стороны церемониймейстер. «Да не только эти деньги, но даже кровное жалование они получали бы 3 года спустя после срока, – сказал Садр-Азам, – Я сам откровенно сознаюсь, что никогда не стал бы и в десятую долю хлопотать для него (Маджд-эд-Доулэ и Наиб-эс-Сальтанэ), как хлопочу для Вас, русских» (л. 142). <...>

26 июня. Орановский передал мне, что в Миссии сплетничают, будто благодаря тому, что я задержал в лагере и напоил банковского кучера, лошадь заболела и теперь сдыхает. Я не выдержал и по этому поводу поехал к Потехину. Его не застал, а потому говорил с его женой, которая на сносе, но ничего путного от бабы, конечно, не добился. Оттуда прошёл к Посланнику, который, как истый дипломат, от всего отпёрся и притворился, будто ничего не знает, хотя вчера за обедом в присутствии Орановского проговорился: «Ах, уж этот лагерь: кто туда попадёт, непременно напьётся!» Сильно чесались у меня руки, да ничего не поделаешь – Посланник изображает собою Священную особу Государя Императора. Боже, какая клоака эта Российско-Императорская Миссия в Тегеране!

27 июня. Сегодня я назначил переход бригады из города в лагерь. До сих пор нельзя было переводить потому, что, во-первых, был пост мохаррем, в течение которого не полагается производить решительно никаких занятий, во-вторых, потому, что до нынешнего года все окрестности казачьего лагеря, даже все плацы и площадки среди самого лагеря отдавались в арендное содержание, сплошь запахивались и засеивались (л. 145). Поэтому покуда не была снята жатва, нельзя было вступать в лагерь. В нынешнем году мне, наконец-то, удалось отвоевать себе окрестности лагеря – и это последний год, что мы выступаем из города в зависимости от посевов. Другое существенное неудобство состояло в том, что приходилось учиться на пахоти. Все наши дороги тоже перепахивались, а самый лагерь унавоживался и орошался из ирригационных канав, что служило постоянным источником лихорадок и порождало мириады мух.

В 6 ч. утра уехал в город: к 7^{ми} бригада выстроилась на Майдан-Машк. Справа по шести, с музыкой впереди, выступили из города. <...>

22 августа. Джигитовка. Продолжение официального тона господ русских офицеров. Я перешёл на строго начальническую ногу и решил не сходить с неё вплоть до отъезда из Персии, сколько бы я здесь ни пробыл: как аукнется, так и откликнется (л. 147).

23 августа. У Садр-Азама в Сааб-Краниэ – иное предложение назначить меня генерал-инспектором кавалерии. Одобрение Садр-Азама (л. 153).

24 августа. Предложение Посланника во что бы то ни стало немедленно доставить отчётность – сплетни и подлости господ русских офицеров (л. 153).

25 августа. Пятница. Весь день до 3^х ч. составлял с Мартирос-ханом отчётность. В 3 ч. у Посланника – жестокая перепалка насчёт Рафаловича и вообще всех офицеров. Вытребовал право выдавать им всем по **новому** контракту. Высказал всё, что было на душе – такое объяснение бывает однажды в жизни. Приехал обратно в лагерь бесконечно раздражённый, особенно фузультвами Рафаловича (л. 153).

26 августа. <...> *Салям* в Сааб-Краниэ. Завтрак у Ихтимат-Низама. *Салям*. Внимание Шаха: пригласил наверх, расспрашивал меня про бригаду. Сушков некстати ответил по-французски. Желание удвоить артиллерию (увеличить до 8-ми конных пушек). Вопрос насчёт недоразумения по комплектованию, говоря, что Наиб-эс-Сальтанэ должен меня выслушать и всё доложить ему, Шаху. Значит, Садр-Азам уже успел всё ему **внушить**, согласно моего посещения Садр-Азама в среду 23 августа (л. 152).

Русские офицеры очень недовольны моими успехами. <...>

Смотр Низам-уль-Мулька – проверка списков. Назначен в четверг в 9 ч. утра 31 августа. 31го же августа в 3 ч. пополудни смотр Наiba-эс-Сальтанэ. В субботу 2 сентября полный смотр Шаха.

От Шаха прямо в Русскую Миссию в Зергендэ к Посланнику: сегодня несколько мягче, но всё равно не особенно доброжелательно. Отказался от посещения лагеря после Шаха. <...> (л. 152об)¹⁵.

29 августа. Чистка лагеря. Приезд турецкого посла с charge d'affaires: как раз к заре вся бригада выстроилась на линейке, музыка у есаульского домика, эльтифаты послу – уехал крайне довольный (л. 153об.). <...>

30 августа. Распоряжения насчёт завтрашнего смотра Наiba-эс-Сальтанэ и проверки списочного и наличного состава бригады Низам-уль-Мульком. На всех орудийных батарейных лошадях, кроме тех, которые не дают садиться, назначил всадников. Всем пешим офицерам приказал достать на время смотра лошадей. В пехотных полках проверял по целым суткам и брал по 300-400 *туманов* с каждого командира. Встретил Низам-уль-Мулька в колонне на собственной лошади, проехал по фронту, предоставил ему все рапорты и почести (л. 147). В казённой палатке у есаульского домика – чай, кальяны. Господа русские офицеры уехали в город – дескать, непристойно быть при смотре какого-нибудь персюка. Это мне только развязало руки, и я на славу угостил и Низам-уль-Мулька, и всех мирз, с ним приехавших. За обедом все пили отлично – люди Низам-уль-Мулька раскрыли более 30-40 бутылок коньяку и прочих напитков. После 1 ч. пополудни легли отдохнуть. ¹⁶Подобный смотр бывает раз в 3-4 года, т.е. за всё пребывание русского полковника в Персии обыкновенно не более одного раза. Поэтому он производит впечатление на всю нашу службу в Персии. А на этот раз для меня он вышел так удачно, как не могло быть лучше: в целом году не было, да и не могло быть так много казаков, как именно сегодня. Стянул решительно всё, что мог, и продержу их всего только до послезавтра (суббота), до Шахского смотра. В воскресенье будем собираться в обратный путь в город. В понедельник вернёмся, а со вторника уже снова начну помаленьку распускать в отпуск. Очень удачно!/¹⁶

В 4 ч. явился Наиб-эс-Сальтанэ, пересел на серого коня и верхом объехал вокруг всего лагеря. Русские офицеры вернулись из города как раз перед самым приездом Наiba-эс-Сальтанэ. Навстречу я выслал гвардейский взвод. Бригада в пешем строю.

Мамед-Багир-хан поднёс Наibu-эс-Сальтанэ на серебряном блюде хлеб и соль в серебряной солонке. Наib-эс-Сальтанэ был тронут и сказал, что он принимает это подношение, как символ примирения. Просидел часа три и уже перед сумерками уехал из лагеря, видимо всем довольный (л. 147об.)¹⁶. Уезжая, дружески тряс мою руку и сказал громко: «С самого основания бригады ещё не было такого порядка, как в нынешнем году. Всё это благодаря Вашим стараниям, заботам и талантам». <...>

1 сентября. Всю ночь в лихорадке. Обходил лагерь в ожидании завтрашнего смотра Шаха. По-видимому, всё обстоит благополучно. Русских офицеров сегодня опять нет целый день (л. 148).

Императорская Российская Миссия в Тегеране.

23 августа 1895 г.

№621

Лагерь Зергендэ

Господину заведывающему обучением Персидской кавалерии.

Я поручил Вашему Высокоблагородию 6^{то} минувшего июля доставлять мне ежемесячно ведомость о состоянии кассы Персидской казачьей бригады. Не получив от Вас таковой уже второй месяц, покорнейше прошу Вас ускорить присылку мне означенной ведомости, а также озаботиться доставлением мне копии с представленного Вами в Кавказский округ отчёта за минувший год по хозяйственной части бригады.

Посланник Е. Бюцов (л. 149)

Заведывающий обучением Персидской кавалерии.

25 августа 1895 г.

№ [...]

Г. Тегеран (Персия)

На № 621

/Этот ответ на № 621 был мною лично прочитан г. Посланнику. Так как г. Посланник признал полную справедливость моих доводов и неосновательность своего №621^{то}, то этот рапорт и не был подан г. Посланнику, но взят мною обратно./

Господину Чрезвычайному императорскому посланнику и полномочному министру при ЕВ Шахе персидском

Рапорт

1. Состояние кассы бригады к 25 августа 1895 года при сём прилагаю (Приложение I).
2. Ежемесячные получки по чекам Английского банка выдаются по 11^м числам, поэтому ежемесячная отчётность о состоянии хозяйства и денежных сумм бригады может быть заключаема и представляема Вашему Превосходительству не ранее 15^{то} числа каждого месяца.

Предписание Вашего Превосходительства № 28 о доставлении мною ежемесячно краткой ведомости о состоянии кассы бригады получено мною 6^{то} июля. Но вслед за тем мною было лично получено разрешение Вашего Превосходительства представить Вам ведомость о состоянии кассы бригады после окончательной уплаты всего долга г-ну Боровскому, которая последовала лишь 14^{то} сего августа.

В нынешнем же августе месяце по случаю внезапной кончины жены фуражира урядника Выродова, фуражный отчётный лист (а следовательно, и количество денег в фураже к 9^{му} августа 1895 года) не мог быть им представлен своевременно. Кроме того, по случаю сильнейшей лихорадки, которою были больны почти поголовно вверенные мне русские урядники и я сам, а равно вследствие приготовления к смотру ЕВ Шаха, поглощавшего почти всё время,

заготовки зимнего обмундирования и недостатка навыка вновь всту-(л. 150)-пивших в бригаду урядников, и вся остальная отчётность бригады несколько запоздала.

3. Подробный полугодовой отчет за первое полугодие (с 9 марта по 9 сентября 1895 г.) будет готов и представлен в двух экземплярах – Вашему Превосходительству и в Штаб Кавказского военного округа – к 15 сентября 1895 года.

4. Решение вопроса об устройстве финансов бригады тянулось вплоть до июня 1895 года, вследствие чего (а равным образом на основании причин, изложенных мною в рапорте №7 от 31 марта 1895 года) до сих пор не мог быть составлен и послан точный годовой отчёт в штаб Кавказского военного округа, о чём мною и донесено своевременно.

Кроме того, выписка в копии из письма Его Высокопревосходительства начальника Главного штаба Его Высокопревосходительству командиру войсками Кавказского военного округа от 20го апреля 1895 года №69 о «представлении ежегодных отчётов по хозяйству и денежной отчётности Казачьей бригады» препровождена мне Его Превосходительством начальником Отдела Генерального штаба, штаба Кавказского военного округа при предписании от 14 июня 1895 года №188 и получена мною лишь 27 июня сего 1895 года и в тот же самый день лично представлена мною для прочтения Вашему Превосходительству (л. 150об.).

Программа смотра Персидской казачьей бригады Его Величеством Шахом 2го сентября 1895 года.

Лагерь Каср-э-Каджар

1 сентября 1895 г.

От Низам-Абада¹⁷ показалась неприятельская кавалерия. Из г. Тегерана выслана бригада казаков с конною батареею отбросить неприятеля к горам, для чего:

1. Гвардейский эскадрон выслан на разведки. Отброшенный превосходными силами неприятеля (которого обозначает офицерский эскадрон), гвардейский эскадрон присоединяется к остальной бригаде, идущей в общей взводной колонне восточнее лагеря Каср-э-Каджар.

Бригада выстраивает линию взводных колонн на полных интервалах. Батарея через интервалы между колоннами выносится перед середину бригады и стреляет залпами. Бригада развёртывается и через интервалы между орудиями идёт в атаку на неприятеля. После атаки бригада отходит к Тегерану и выстраивает резервную колонну (л. 154).

2. Неприятель снова внезапно появился со стороны Низам-Абада. Резервная колонна повзводно налево кругом; первый взвод батареи (первое и второе орудие) выскакивает мимо правого фланга колонны, а второй взвод (третье и четвёртое орудие) мимо левого фланга и снимаются с передков перед серединою бригады, которая прямо из резервной колонны быстро развёртывает фронт. Атака через интервалы между орудиями. Неприятель снова опрокинут.

3. Так как на этот раз неприятель ожидается и со стороны Низам-Абада, и со стороны Демавенда¹⁸, то бригада отступает к Тегерану уступами слева поэскадронно на эскадронные дистанции.

Неприятель появился со стороны Демавенда. Бригада повзводно налево кругом, каждый эскадрон левое плечо вперёд на 1/8 часть круга. По переднему уступу строй фронт. Артиллерия справа в одно орудие выскакивает мимо правого фланга бригады. Атака в направлении на Демавенд (л. 154об.).

Опрокинув и окончательно прогнав неприятеля, бригада вытягивается справа повзводно, левое плечо вперёд, снова левое плечо вперёд – и бригада вытягивается вдоль шоссе лицом к Тегерану для церемониального марша.

4. Церемониальный марш.

5. Джигитовка, валянье лошадей, стрельба по воспламеняющимся чучелам, барьеры, фехтование и проч.

6. Возвращение бригады на рысях в лагерь. Встреча в лагере ЕВ Шаха (л. 155).

2 сентября. /Результат сегодняшнего смотра должен будет для меня иметь решающее значение в следующих отношениях:

1. Через две недели Посланник едет в Россию и будет находиться под влиянием исхода шахского смотра.

2. Если смотр будет удачен, русские офицеры поймут, что я мог обойтись и без них и несколько не завишу от них, чего не мог сказать ни один из моих предместников, ибо ни один из прежних полковников не знал так хорошо кавалерийского строя, а потому и не рисковал быть так твёрд, как я, по отношению к своим подчинённым.

3. Общественное мнение всех будет за мои способности и Шах, и Садр-Азам окончательно убедятся в том, что я служу верою и правдою, а это необходимо, чтобы провести мою заветную мечту относительно инспектирования всех иррегулярных конниц Персии и, следовательно, развить военную агентуру в самых обширных размерах.

4. Отпускные после смотра разнесут вести о результате смотра по всей Персии.

5. Кавказское и вообще русское начальство убедится, что все сплетни и наветы не имеют другого основания, кроме зависти и недоброжелательства со стороны Миссии и даже своих офицеров./

Всю ночь не спал от лихорадки. Ещё не совсем рассвело, когда я был уже на коне и поехал указывать место, где разбить на месте шахского смотра палатки. На этот раз *фэрраш-баши* оказался сговорчивый, и мы скоро поладили.

Объехал весь лагерь – всё в блестящем порядке. Русские офицеры преспокойно спят, ни до чего не касаясь. Оно и лучше. По крайней мере, не будут иметь ни малейшего права приписать себе успех.

Плотно закусив с Мартирос-ханом и написав приглашения всем персидским министрам и европейским военным агентам, пошёл в палатку, разбитую у есаульского домика.

В 1 час пополудни приехал Наиб-эс-Сальтанэ. Я встретил его верхом и отрапортовал. Бригада встретила его в развёрнутом строе пешком. Наиб-эс-Сальтанэ объехал весь фронт, затем, по моему приглашению, вернулся в палатку и занялся тем, что ножом бил шершней, кружившихся над фруктами и сладстями. Охота была весьма удачна, ибо Его Высочество военный министр изволили убить 4 шершня.

В 2 ч. с Сушковым отправил бригаду, которую приказал выстроить на месте смотра, а сам остался с Наибом-эс-Сальтанэ. В 2^{3/4} ч. пополудни с Наибом-эс-Сальтанэ поехал на место учения: его оставил в шахской палатке, а сам поехал устраивать бригаду (л. 156).

В 3^{1/2} <часа> приехал Шах. За пол-версты он уже пересел верхом. Я лихо подскакал и отрапортовал. «Хорошая погода, не жарко сегодня. Это хорошо для учения», – обратился ко мне Шах, выражая этим своё полное благоволение ко мне.

Обыкновенно во время смотра полковник стоял около Шаха, а старший из русских офицеров в это время командовал бригадою. Но я боялся доверить командование Сушкову и Рафаловичу, будучи уверен, что эти господа, наверное, мне напакостят умышленно. Кроме того, Шах любит, когда командует сам полковник. Поэтому я начал с того, что попросил у Шаха разрешения отъехать от него на время ученья, дабы командовать самому. Шах весьма охотно согласился. Учение (см. диспозицию на 2ое сентября 1895 года) я произвёл не спеша, отчётливо, ясно, без малейшего шума и всего в каких-нибудь ³/₄ часа проделал все главнейшие построения. Джигитовка, валянье лошадей и стрельба по воспламеняющимся чучелам прошли великолепно. Шах остался положительно в восторге.

Отправив бригаду в лагерь рысью, я попросил Шаха выждать, пока пройдёт пыль, а затем проводил Шаха по дороге, нарочно для него устроенной, которая обошла мне более ста *туманов*. Когда Шах появился в лагере, я, обогнав Шаха, снова встретил его на правом фланге бригады, выстроившейся вдоль передней линейки в конном строю в одну шеренгу (л. 156об.).

В палатке Шаху был мною приготовлен серебряный казак работы Грачёва¹⁹ на высоком пьедестале. Шаху очень понравился этот подарок, и он, совместно с Садр-Азамом, долго и внимательно его рассматривал и хвалил. Наиба-эс-Сальтанэ и Садр-Азама приняли на балконе есаульского домика. Принесли казачью пробу. Обыкновенно Шаху подаёт особый *пешехмет*²⁰ (придворный камергер) или даже сам *назир* кушанья, запечатанные печатью *назира*. Но сегодня Шах сам попробовал казачью пробу, взял несколько ложек супа и остался очень доволен. У выхода было приготовлено 5 пар фехтовальщиков, которым Шах, вместе с музыкантами, дал 40 *туманов анама*: это милость необыкновенная, ибо Шах всюду сам берёт, а даёт одним только казакам.

Шах многократно хвалил и благодарил как бригаду, так, в особенности, меня самого, а уходя, прибавил ещё раз, что во всё время существования бригады, даже при полковнике Домантовиче, он не видел бригаду в таком блестящем виде. Хвалы сыпались на меня отовсюду, словно из рога изобилия. Маджд-эд-Доулэ кусал локти от досады (л. 157).

Проводив Шаха, Наиб-эс-Сальтанэ, Садр-Азама и прочих вельмож, я вернулся к европейцам и персидским офицерам. На стол в изобилии были наставлены бараны, индюки, всякая закуска. <...> *Серхенг* Амир-Аслан-Ага Шихлинский²¹, под влиянием винных паров и господ русских офицеров, стал выговаривать и упрекать меня, что я до сих пор не представил его к производству в *сартпы*. «Вы вагоны в трамвае гоняете, зарабатывая до 2^х тысяч *туманов* в год, в то самое время, когда другие здесь день и ночь катаются в навозе и довольствуются 8-12 *туманами* в месяц», – резко сказал я, когда заметил, что Сушков хотел было вступить за Шихлинского. Затем, сухо подав руку Сушкову, я повернулся и ушёл, даже не взглянув на нахала. Господа русские офицеры взялись во что бы то ни стало провести в *сартпы* Шихлинского и добиться, чтобы хлыщ Аман-Олла-Мирза командовал гвардейским эскадроном вместо Касым-Аги. Но за моё командование едва ли это сбудется (л. 157об.).

3 сентября. Воскресение. У обедни. Визит новому 1^{му} секретарю Щеглову. С Посланником говорил насчёт Рафаловича и дал ему окончательно слово оставить этого Иуду здесь до весны.

4 сентября. Выступление бригады из лагеря в город. Целую дорогу Рафалович просил меня оставить его до весны по случаю болезни его жены. По приходе в город я пригласил к себе на квартиру Рафаловича, который просидел у меня до вечера. Объяснения наши свелись все к тому, что, если Рафалович может отказаться от всех своих фузульств и чувствует себя способным служить мне верою и правдою, то я согласен оставить его в Персии до тёплого времени. В противном же случае – вон, с первым же отходящим пароходом. Рафалович дал слово. На выезд бригады не явился ни Сушков, ни Орановский. Я послал к ним адъютанта потребовать обоих. При вступлении бригады в город получил от Сушкова письмо, что он в сильной лихорадке, а Орановский чуть-что не в горячке.

Из слов Рафаловича я понял, что Сушков, поняв, что ему у меня оставаться более едва ли удобно, подбивает всех остальных подать одновременно в отставку. Это будет иметь вид всеобщего (л. 158) протеста, и Сушков надеется, что тогда начальство обвинит меня самого. Но я уже разбил враждебный лагерь, оставив Рафаловича в Персии и тем привлекая его на свою сторону.

5 сентября. Пошёл в гости к *сартпуну* Гейзлеру. Он был очень рад и порассказал мне массу подлостей и низостей со стороны Сушкова. <...> Кроме того, я узнал, что Сушков об-

ратился в моего первейшего и злейшего врага, готового всё поставить на карту, лишь бы за что-то отомстить мне.

Но я не буду дремать и со своей стороны употреблю все усилия, чтобы привлечь на свою сторону и Орановского, и Рафаловича. А затем, оставив Сушкова одного, дам ему почувствовать, что не желаю более служить с ним. Гейзлер выяснил, что Сушков был глубоко уверен в неудаче смотря и потому, когда смотр окончился небывалым успехом, он так и сел и не знает теперь, что ему и делать. Моё согласие оставить до весны Рафаловича значительно примирило со мною Посланника, и это тоже не входило в подлые, гнусные расчёты Сушкова. Посмотрим, кто-то из нас выйдет победителем?! (л. 158об.)

Примечания

¹ О деятельности полковника Н.Я. Шнеура и его предложениях по оптимизации Персидской казачьей бригады см.: *Гоков О.А.* Русская военная инструкторская миссия в Персии под руководством полковника Генерального штаба Н.Я. Шнеура // *Русский сборник: Исследования по истории России.* М., 2016. С. 154-208.

² См.: *Гоков О.А.* Российские офицеры и Персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // *Canadian-American Slavic Studies*, 37, No. 4 (2003). P. 407-411; *Норик Б.В.* Дневник В.А. Косаговского за 1894-1895 годы. Избранные отрывки. Часть 1 // *Восточный архив.* 2018, № 2 (38). С. 39-41.

³ В Камранийе (АВ ИВР РАН Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 125об.).

⁴ Между л. 126 и 127 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *D. Hoffmann. Zur Einleitung in die Mechilta de Rabbi Simon ben Jochai. Frankfurt a. M.: I. Kauffmann, 1906.* В левом нижнем углу *Chwolson 1012.* В правом нижнем углу – $1/8^{\circ}$ verte. На обороте карточки *Sonderabdruck aus dem "Jahrbuch der Jüdisch – Literarischen Gesellschaft in Frankfurt am. M. 1906.*

⁵ Губернатор использует идиоматическое выражение *مردہ شورش ببرد* («пропади пропадом, провались»), буквально означающее «пусть кого-либо / что-либо унесут омыватели покойников».

⁶ *Йахуди* (يهودی) – иудей, еврей.

⁷ Правильно: Мальком-хана.

⁸ Хаджжи Мирза Хосейн-хан Сепасалар Мошир ад-Доуле (1828–1881) занимал должность *садр-азама* с 1871 по 1873 г. Подробнее см.: *Бамдад М.* Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 1. Тегеран, 1347/1968. С. 406-426.

⁹ Между лл. 134 и 135 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Max Grünwald. Zur Psychologie und Geschichte des Blutritualwahnes. (Der Prozess Simon von Trient und Leopold Hilsner). Wien, 1906. Calvary and Comp. in Berlin.* В левом нижнем углу *Chwolson 985.* В правом нижнем углу – $1/8^{\circ}$ verte. На обороте карточки *Vortrag gehalten am 26. März im "Zentralverein Deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens" in Berlin W. und am 2. Mai 1906 in der Generalversammlung des Vereines zur Abwehr des Antisemitismus" in Wien.*

¹⁰ Точнее – Мохаммера (аль-Мухаммара).

¹¹ Правильная форма – Шуштер.

¹² Между л. 136 и 137 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *A.F. Delattre. Les Chaldéens jusqu'à la formation de l'empire de Nabuchodonosor. Précédé de considerations sur un recent livre. Louvain, Lefever frères et soeur. 1889.* В левом нижнем углу *Chwolson 1400.* В правом нижнем углу – $1/8^{\circ}$ verte. На обороте карточки *de M. Hugo Winckler. Nouvelle édition.*

¹³ Между л. 138 и 139 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *M. Steinschneider. Ueber die Volkslitteratur der Juden. <Leipzig, 1871>.* В левом нижнем углу *Chwolson 1269.* В правом нижнем углу – $1/8^{\circ}$ verte. На обороте карточки *<Archiv für Literaturgeschichte. II, p. 1-21. –1871>.* Между л. 140 и 141 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *I. Guidi. Alcune osservazioni sulle gutturati h ed h nelle lingue semitiche. Nota di., letta nella seduta del 16 aprile 1882. <Roma, 1882>.* В левом нижнем углу *Chwolson 1325.* В правом нижнем углу – $1/4^{\circ}$ verte. На обороте карточки *<Memorie della> Reale Accademia dei Lincei. – Estratto dal Vol. VI°. – Serie 3.^a.*

¹⁴ Лаврентий Никифорович Беринич – вахмистр (с 25 марта 1891 г.) 1 Таманского полка Кубанско-го казачьего войска (на службе с октября 1887 г.). В Казачьей бригаде с 1893 г., в том же году был

удостоен ордена «Льва и Солнца» 5 ст. Принимал активное участие в поддержании порядка в Тегеране после убийства Насер ад-Дин-шаха в 1896 г. (за что в 1897 г. награждён серебряной медалью с надписью «за усердие»). В.А. Косаговский даёт ему весьма положительную характеристику, как заведующему хозяйством. Позднее, в 1897 г. был награждён орденом «Льва и Солнца» 4 ст. (АВ ИВР РАН Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 216–219).

¹⁵ Между л. 152 и 153 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Michael Rosenstein. Abu-Nassr Alfarabii de intellectu intellectisque commentatio, ad fidem codicis Lipsiensis nunc primum edita, cum codice Parisiensi Vindo-Vratislaviae, typis Sulzbach.* В левом нижнем углу *Chwolson 1483.* В правом нижнем углу – $1/8^o$ verte. На обороте карточки *bonensique, qui vocatur Ketab Hada'at, libro manuscripto collate, adnotationibus et criticis et exegeticis instructa. Diss.*

¹⁶ Между л. 147 и 148 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Robert L. Bensly. The Harklean version of the Epistle to the Hebrews chap. XI. 28 – XIII. 25. – Now edited. Cambridge: at the University Press, 1889.* В левом нижнем углу *Chwolson 1439.* В правом нижнем углу — $1/8^o$ verte. На обороте карточки *for the first time with introduction and notes on this version of the Epistle. <With a plate>.*

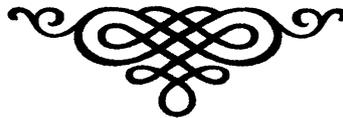
¹⁷ Незамабад – деревушка примерно в 10 км к юго-западу от Тегерана.

¹⁸ То есть с северо-востока.

¹⁹ Василий Яковлевич Грачёв (1831–1905) – выдающийся русский скульптор, работавший в жанре малой пластики. См., например: *Доронина Т.В.* К вопросу о прототипах и копиях-вариациях в малой пластике второй половины XIX века. Скульптор В.Я. Грачев // *Артикульт.* 2019, 4 (36). С. 57-73.

²⁰ Пишхедмат (پیش خدمت).

²¹ Впоследствии дослужился до чина *capitana*. Умер в ноябре 1908 г. в Казвине (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 86об.).

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО

Окончание

6 сентября. У Садр-Азама переговоры относительно того, чтобы мне сделаться генерал-инспектором кавалерии в Персии. Идея смелая и опасная: если она удастся и начальство в России одобрит её, я взгроможусь на недосягаемый пьедестал и будущее моё обеспечено; но если замыслы мои рушатся, подобно тому, как они рушились у Домантовича, я пострадаю больше его. Никто как Бог! <...>

7 сентября. Всю ночь обдумывал рапорт от 8 сентября № 151 Наibu-эс-Сальтанэ относительно приобретения права инспектировать все персидские иррегулярные конницы. Утром поехал к Мартирос-хану, а от него – к Аббас-Кули-хану Ихтимат-Низаму. Не застав его дома, поехал к нему во дворец Наiba-эс-Сальтанэ, который в страшном припадке подагры лежит в Камраниэ. Ихтимат-Низам уже 30 лет непрерывно служит у Наiba-эс-Сальтанэ. Капризный деспот оскорблял несчастного подданного и день и ночь. К вящему своему несчастью, этот подданный имел несчастье не только окончить курс наук во Франции, но ещё быть там инженерным офицером и читать во Франции лекции. Что же за эти 30 лет перекипело в душе бедного Ихтимат-Низама, который имеет ещё несчастье видеть бывших казачков и поварёнков, возведённых в *сардаров* – а он ещё только прошлого года добился до *эмир-тумана*?!

Симпатии его ко мне выражаются совершенно ясно. Его также уважает Садр-Азам, а последнее время и скептический Бюцов. Ихтимат-Низам, так же, как и Мартирос-хан, – потомок богатого и знатного аманата, вывезенного из Тифлиса в Исфаган. Но деды Ихтимат-Низама приняли мусульманство, тогда как деды Мартирос-хана сохранили армяно-григорианское вероисповедание (л. 160).

Я подготовил на словах Ихтимат-Низама, после чего, вернувшись домой, весь день и

почти всю ночь писал и обрабатывал свой рапорт № 151, а также готовил почту.

9 сентября. К полудню всё кончил и поехал в Камраниэ к Наibu-эс-Сальтанэ. Проехав лагерь, коляска Мартирос-хана сломалась. Долго мы бились, но ничего не могли сделать. Наконец, сев на ординарческих лошадей, мы верхом уехали в Камраниэ, а коляску кое-как стащили в лагерь.

Вместо трёх часов мы приехали в Камраниэ в шесть часов пополудни. Наib-эс-Сальтанэ сильно беспокоился, что я не еду, и не знал, чем объяснить причину моей неисправности. Он очень болен – лежит на полу на тюфяке в сильнейшем припадке подагры и пароксизме лихорадки. Около него, поджав ноги по-верблюжьей, сидел Садр-Азам. Наib-эс-Сальтанэ не мог даже говорить, и потому я, молча подав рапорт, тихо удалился. Садр-Азам дружески пожал мне руку. Выйдя от Наiba-эс-Сальтанэ, я с час проболтал с Ихтимат-Низамом в ожидании выхода Садр-Азама. Когда Садр-Азам, проходя мимо меня, остановился, я не сказал ему ни слова. Но когда он сел в карету и выехал в густую аллею, серхенг Аббас-Кули-хан, сын Неджеф-Кули-хана, догнал его и незаметно подал ему копию с (л. 160об.) моего рапорта Наibu-эс-Сальтанэ. Садр-Азам опустил конверт в свой необъятный карман и сказал: «Завтра в полдень приезжай за ответом».

Ихтимат-Низам приказал запрячь нам коляску Наiba-эс-Сальтанэ. Мы со страшным *ташахузом*¹ въехали в Русскую Миссию: хотя было уже темно, но весть о том, что полковник приехал в карете Наiba-эс-Сальтанэ, мгновенно облетела всю русскую колонию. Я отправился к Посланнику и сообщил ему в нескольких словах относительно всего того, что произошло за эти дни. Высказать всецело свою мысль сделаться генерал-инспектором всей Персидской кавалерии я, конечно, остерёгся, зная, что возбуждённый против

меня старик мог бы весьма легко подумать, что мною руководят не преданность и любовь к России, а единственно честолюбивые замыслы².

Не знаю, быть может, я и ошибаюсь, но мне сдаётся, что эти последние дни Посланник ко мне значительно мягче и внимательнее: быть может, моё откровенное резкое объяснение, наконец, встряхнуло его, и он понял, что мною руководит одно чувство долга, а моими помощниками, к несчастью, одни эгоистические и корыстные стремления (л. 161об.). <...>

Заведывающий обучением персидской кавалерии
8 сентября 1895 г.
№ 151
Его Высочеству Наibu-эс-Сальтанэ
(копия послана Садр-Азаму)

Рапорт

Полное содержание Персидской казачьей ЕВ Шаха бригады обходится Правительству около ста тысяч *туманов* ежегодно. Но большая часть этих денег уходит на содержание офицеров, пенсионеров-*мухаджиров*, вольнонаёмных, музыкантского хора, батареи, русских инструкторов, казарм, лагеря и проч. И только меньшая часть бюджета идёт на содержание собственно конных казаков. А между тем на тот же стотысячный бюджет бригады Персидское правительство, не прибавляя ни единого *шяя* и не вводя решительно никаких новых реформ и порядков ни по администрации, ни по бюджету, ни по довольствию, ни вообще по всему прочему устройству Военного министерства, могло бы иметь в несколько раз большее количество конницы, обученной по-казачьи, так как в настоящее время Персидская казачья бригада настолько хорошо обучена, что уже сама может дать из своей среды персидских офицеров и *векилей*-инструкторов, которые, под руководством и управлением полковника, могут обучать иррегулярную конницу по тому же образцу, по которому в настоящее время обучена и Казачья бригада (л. 167).

В Персии числится несколько десятков тысяч иррегулярной конницы, на содержание которой Персидское правительство уже отпускает ежегодно определённое количество денег. Конница эта живет по *кишлагам* (зимовкам) и *яйлогам* (летовкам) и должна являться на службу по первому востребованию ЕВ Шаха. Но в таких случаях она является совершенно необученною кавалерийской службе и почти ничем не отличается от простых крестьян, посаженных на коней.

А между тем, большинство этой конницы состоит из прекрасного кавалерийского материала, из которого можно было бы избрать, обучить и подготовить хорошую конницу по казачьему образцу, и притом почти без всяких новых расходов для казны. Для этого Персидскому правительству стоит только:

1. В самых местах расположения конниц (в их *кишлагах* или *яйлогах*) ежегодно назначать строевые конные занятия в течение 4-6 недель.

2. Занятия эти должны быть назначаемы по очереди в различных племенах с таким расчётом, чтобы полковник мог поочередно обучать конницу, выставляемую по мере сил и возможности каждым из племён.

3. Согласно расписания, утверждаемого ЕВ Шахом, для того чтобы для обучения конницы не вызывать её в Тегеран и не вводить ни конницу, ни Правительство в излишние расходы и затруднения, полковник сам прибывает в назначенное время на место сбора в сопровождении 5-6 персидских офицеров и 10-12 *векилей*, избираемых полковником из числа самых лучших и способных в Казачьей (л. 167об.) ЕВ Шаха бригаде и занимается обучением строевой конной службе в местах постоянного жительства конниц.

4. Все экстраординарные расходы (прогон, вьючные катеры, суточные и проч.) на путешествие полковника и состоящих при нём персидских инструкторов должны производиться из годового бюджета Казачьей бригады, которая взамен того будет содержать постоянно налицо несколько меньшее число казаков.

5. Во время 4-6-недельного сбора конница получает *джуре* из своего бюджета.

6. Что же касается до фуражного довольствия, то в тех местах, где обучение будет производиться на месте постоянного жительства кочевников (их *кишлагах* или *яйлогах*), им, ввиду того что обучение их будет производиться на их родине, где у каждого из них имеется своё хозяйство и где они и без того должны были бы кормить своих лошадей, им, быть может, и не понадобится отпускать фуражных.

7. Обмундирования во время обучения конница на родине также не потребуется, так как оно несколько не влияет на успешность строевой конной подготовки кочевников на месте. На время же сборов конницы в Тегеране для смотров ЕВ Шаха, для совместного их обучения, а также на случай командировок по повелению ЕВ Шаха Казачья бригада мало-помалу может постепенно заготовить и держать в своем цейхгаузе наготове, без особых отпусков из казны, запас казачьего обмундирования, которое бригада и может в случаях надобности временно выдавать иррегулярным конницам. Снаряжение же и вооружение для них имеется в избытке в тегеранских арсеналах (л. 168).

8. Полковник не касается ни внутреннего управления племён, ни их хозяйства, ни, тем более, бюджета, заведя одним строевым обучением в течение 4-6-недельного сбора. Полковник требует только, чтобы во время этих сборов лошадей кормили настолько хорошо, чтобы они могли свободно переносить усиленные строевые занятия.

9. Начальники племён, губернаторы или *сардары*, которым подчиняются иррегулярные конницы, продолжают оставаться такими же точно начальниками, какими были и до сих пор: их конницы поступают в ведение полковника только на время кавалерийского сбора, и притом они безусловно подчиняются полковнику только в строевом и дисциплинарном отношениях.

Во всё время сбора начальник местной конницы принимает все приказания непосредственно от полковника и всецело отвечает за всякие беспорядки и нарушения дисциплины.

По окончании кавалерийского сбора и роспуска конницы по домам после отъезда

полковника конница снова всецело поступает в ведение своих постоянных начальников.

10. Получив повеление ЕВ Шаха, начальник племени обязан к назначенному сроку собрать подведомственных ему всадников. Вся ответственность за своевременное прибытие всадников на сборный пункт, а равно и все заботы по продовольствию и размещению людей и лошадей, а также всякое содействие полковнику и состоящим при нём казачьим инструкторам всецело лежат на обязанности начальника племени и местного губернатора.

11. Когда конницы нескольких племён будут совершенно подготовлены и обучены, от ЕВ Шаха будет зависеть потребовать обученные части на смотр.

По прибытии конниц в Тегеран полковнику потребуется всякий раз 1½-2 недели, чтобы съездить и спаять в одно стройное целое все прибывшие части и представить их в окончательном виде ЕВ Шаху.

12. Конницы для совместного обучения и затем смотра ЕВ Шаха могут быть собираемы не в одном только Тегеране, но также и в других пунктах, если это окажется более удобным или желательным ЕВ Шаху, как, например, во время путешествий ЕВ Шаха и проч. (л. 168об.). <...>

Заведывающий обучением персидской кавалерий

8 сентября 1895 г.

№ 20

Г. Тегеран

Копия представлена г. Посланнику

Секретно

Начальнику отделения Генерального штаба Штаба Кавказского военного округа

Рапорт

На последнем «саламе» (параде) в летней резиденции Сааб-Крание ЕВ Шах, впервые принимая представителей войск в тронной зале, обратился ко мне и сказал, что, будучи в высшей степени доволен состоянием бригады, желает увеличить не только число казачков, но также удвоить и число конных пу-

шек и зарядных ящиков с полным боевым комплектом снарядов (теперь в Персии стальных конных дальнбойных пушек 4, к ним зарядных ящиков 8). Предполагая всё это приобрести из России, ЕВ Шах выразил желание, чтобы я возможно скорее представил ЕВ все необходимые сведения относительно того, к кому именно следует обратиться, а также относительно порядка заказа, способа доставки и примерной стоимости всей батареи.

Тотчас после «саляма» я обо всём доложил г. Посланнику, и Его Превосходительство пожелал иметь копию с моего рапорта Вашему Превосходительству относительно того, как мне поступить в данном случае.

При сём считаю долгом присовокупить, что в 1884 году ЕВ Шах впервые выразил полковнику Чарковскому желание приобрести дальнбойную стальную конную батарею с соответственным числом зарядных ящиков и полным (л. 170) комплектом боевых снарядов. По донесении полковника Чарковского в Штаб Кавказского военного округа желаемые ЕВ Шахом пушки, зарядные ящики и боевые снаряды к ним были подарены и присланы в Тегеран Его Величеством в Бозе почившим Императором Александром III³. Военный министр Его Высочество Наиб-эс-Сальтанэ от имени ЕВ Шаха уже три раза спрашивал меня, написал ли я в Россию насчёт пушек (л. 170об). <...>

8 октября. Воскресение. Освящение храма, во время которого телефонное сообщение Наibu-эс-Сальтанэ о том, что завтра он смотрит войска на Майдан Машк, а затем послезавтра Шах возвращается в город и – смотр у ворот Даушан-Тепе. <...>

9 октября. Утром – приказания командирам частей, в 2 ч. на Майдан Машке – столкновение с Сардар-Акрамом Шуджа-эс-Сальтанэ: сначала послал Мартирос-хана. Он не решился сказать *сардару*, тогда я сам – резкий ответ *сардара*. Тогда я послал Мартирос-хана к Наibu-эс-Сальтанэ сказать, что, если пехоту оставлять задом к нам – совершенно уведу бригаду с плаца. Наиб-эс-Сальтанэ послал Ардель-баши очистить нам место, сказав, что тем временем он будет смотреть полицию – неуместное замечание адью-

тант-баши, что ведь это всего на два раза (л. 180). /Пехоту стали стягивать так медленно, что когда показался Наиб-эс-Сальтанэ, стянули всего один только полк, и пехота *сардара* продолжала торчать перед нами. Мой маневр при приближении Наiba-эс-Сальтанэ: «Бригада пиш!» Наиб-эс-Сальтанэ растерялся. «Дастэ-дастэ бе чап гярд-роу!.. Музыканчиан – салям». Наше торжество; церемониал, замечание Сушкову по поводу не вынужения шашки и незаезжания на церемониал. Объяснения Сушкова с Рафаловичем и затем Рафаловича со мною (л. 179об.)/

10 октября. В 12 ч. бригада собралась на Майдан Машке – слева по три повёл к воротам Даушан-Тепе. Выступом сделал замечание Сушкову насчёт заездов и вынимания шашек. Долго не могли найти для бригады места – Наиб-эс-Сальтанэ сам не знал, где что. Шах объехал всех, потом бригаду, подъехал ко мне, спросил о здоровье.

Масса войск – демонстрация против турок. Разговоры о главнокомандующих Керманшахским отрядом: Амир-хан Сардар, Сардар-Акрам Шуджа-эс-Сальтанэ и Векиль-эд-Доулэ. Церемониал для всех войск – казаки отлично прошли. Впереди гвардейский эскадрон проводил Шаха до дворца. Собравшись на Майдане, я поблагодарил бригаду и ещё раз напомнил русским офицерам, чтобы заезжали. Сушков накинулся на Рафаловича, упрекая в отсутствии товарищества – начало разлада. <...>

15 октября. С утра до ночи эти дни военная агентура, запущенная за 1½ года. Сегодня у обедни – пришёл к причастию. Завтрак у Щеглова с Аман-Олла-мирзою, которого принимали как настоящего принца.

16 октября. Задал Сушкову и Рафаловичу работу – описание лошадей, верблюдов, ослов, коров, катеров и прочих вьючных животных Персии – каждому самостоятельно. Орановскому – описать артиллерию и ручное оружие Персии (л. 184).

<...>

19 октября. Узнав, что казаки потихоньку сбывают лучших лошадей гулямам, сделал выводку и переклеймил 78 самых лучших лошадей из всей бригады – теперь никто уже не попользуется. <...>

25 октября. День для меня памятный. В казарме Максус был смотр полка Максус Векиля-эд-Доулэ, *сардар-афхама*. Накануне я получил приглашение от *сардара* к 1½ полудни. Мы с Мартирос-ханом опоздали на ¼ часа. Когда я вошёл, на дворе казармы на эстраду, на которой стоял сам Шах, то заметил, что Шах нетерпеливо оглядывался во все стороны – оказалось, что он искал глазами меня. Когда он меня увидел, то тотчас же успокоился и подозвал к себе Садр-Азама, которому что-то сказал на ухо, и затем вошёл в палатку. Увидев, что Садр-Азам и Наиб-эс-Сальтанэ остались вне палатки, я подошёл к ним. Садр-Азам, Наиб-эс-Сальтанэ и оба младших сына Шаха сидели в один ряд. Едва я приблизился, как Садр-Азам сказал что-то на ухо Наibu-эс-Сальтанэ и вытащил из бездонного бокового кармана какую-то бумагу, а Наиб-эс-Сальтанэ сказал мне по-французски: «Поздравляю Вас с наградой: Его Величество Шах пожаловал Вам орден Льва и Солнца 1ой степени с зелёною лентою», – подал мне руку, а Садр-Азам в то же время подал мне шахский *фирман* (рескрипт) с его собственноручной надписью «сахи», т.е. «быть по сему» (л. 185).

Фирман был вручён публично и крайне торжественно. Особенно передёрнуло английского военного агента подполковника Пико и прочих военных агентов. Затем мне принесли стул, и я сел между Наибом-эс-Сальтанэ и младшим сыном Шаха. Пико лопался от досады.

Было проделано двухстороннее тактическое учение, весьма недурно. Особенно хорошо собирались после учения по сигналу сбор в двухвзводную колонну к своим командирам. После учения дружеский разговор с Векилем-эд-Доулэ, который боялся, что я помешаю ему отлить пушки по образцу коротких. Я его успокоил, что мне самому прямой интерес получить ещё одну конную батарею под свою команду, и он успокоился. Когда мы выходили из казарм, караул бил мне салями и держал на караул.

Вечером у Щеглова. Садр-Азам, Эмин-эд-Доулэ (его родной брат), Ихтимат-эс-Сальтанэ (министр печати), Мушир-уль-Мульк (министр иностранных дел), Эмин-

Хальвет (посредник между Наибом-эс-Сальтанэ, Садр-Азамом и Шахом) и Мамалек (адъютант Садр-Азама). Из русских, кроме миссийских, только я один.

Садр-Азам, а затем Мушир-уль-Мульк громогласно поздравили меня с шахской милостью. Штриттер не удержался и сказал Лермонтову: «Каково? Слыхали? Полковник получил зелёную ленту!» «Что-о-о-о? – прошипел Лермонтов, – да не может быть! Неужели правда?» «Да-с, истинная правда», – сказал я насмешливо (л. 185об.).

Порядком-таки все урезали /^хи я пешком вернулся домой <...> (л. 185об.)/

27 октября. Был у Щеглова, который, по видимому, хочет забрать в свои руки полковника и сделать из него что-то вроде своего вахмистра. Я не показал виду, но решил быть настороже и в случае надобности дать ему блестящий отпор.

28 октября. Все эти дни переписывал и обрабатывал сведения по военной агентуре. Обработал I^{ую} главу сведений о вооружённых силах Персии. Переписав к 6-ти часам вечера, черновую тетрадь послал для прочтения Щеглову – пусть не думает, что я что-либо скрываю от него.

Шах осматривал арсенал – я опять немного опоздал, но Шах, едва меня увидел, остановился и, обратившись ко мне, спрашивал о здоровье и говорил любезности – необыкновенное благоволение и расположение.

Секретно
Заведывающий обучением Персидской кавалерии

28го октября 1895 года

№ 21
Тегеран (Персия)
Начальнику Отдела Генерального штаба
Штаба Кавказского военного округа

Рапорт

Представляю Вашему Превосходительству дополнительные сведения о вооружённых силах Персии, глава I: «I. Состав и пополнение сухопутных сил».

Со следующей почтой мною будут представлены Вашему Превосходительству до-

полнительные сведения к II главе статьи Персия: «II. Устройство военного управления», подвергшейся наибольшим изменениям и дополнениям.

Общую обработку и сводку всех вновь собранных мною сведений о вооружённых силах Персии предполагаю окончить в течение нынешнего года. Помимо того что в течение всего прошлого года я был всецело поглощён устройством *мухаджирского* вопроса и проведением в бригаде нового положения от 24 мая 1895 года, работа по военной агентуре замедлилась ещё и потому, что некоторые из служащих в военном министерстве получили новые назначения и выехали из Тегерана. Лица же, их заместившие, ещё не приобрели достаточного ко мне доверия.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать приказать выслать мне по одному экземпляру всех выпусков «Материалов по Азии», дабы я мог, перечитав в течение нынешней зимы всё касающееся Персии, всестороннее ознакомиться с порученным мне делом и, в свою очередь, дополнить и исправить то, что окажется мне под силу.

Приложение к № 21 от 28го октября⁴ 1895 года: «I. Состав и пополнение сухопутных сил Персии» (л. 208).

29 октября. Сегодня на учении Сушков снова подъехал ко мне с рапортом, не обнажая шашки. Мало того, когда я пропускал мимо себя бригаду церемониальным маршем, Сушков не только не обнажил шашки, но даже не потрудился заехать, а, направив бригаду и скомандовав первому взводу, сам отъехал в сторону и по-штатски подъехал ко мне, помахивая плетью.

Наконец, это меня взорвало, и я решил сделать ему форменный выговор по службе: ведь не виноват же я, в самом деле, что в 38 лет команду бригадой в чине полковника, а Сушков в 48 лет дослужился всего только до чина есаула и сам вымолил у меня позволения приехать в Персию и служить под моим начальством!!!

Надо, наконец, положить этому конец: или пусть подчинится мне, как того требует дисциплина, или пусть подаёт отчисление и

уходит отсюда, если не может переварить, что полковник на 10 лет моложе подчинённого ему есаула! (л. 194об.).

30 октября. Понедельник. Пригласил к себе Сушкова, Рафаловича и Орановского и выяснил Сушкову, что мне очень тяжело третий раз напоминать ему, что мне, как начальнику, следует рапортовать с обнажённым оружием, что Наibu-эс-Сальтанэ на церемониальном марше, так же, как и мне, если я стою за старшего начальника, следует (л. 194) салютовать, что нельзя курить и поворачиваться задом к знамёнам, не только русским, но и иностранным, и что им следует отдавать установленную честь.

Сушков вспылал и ответил, что армии здесь нет и что это лишь оперетка. На это я возразил, что, если он сам напросился обучать эту армию, то ему лучше уже молчать. Что же касается до отдачи чести и залпов русскими офицерами, то Сушков заявил, что «если бы и Наib-эс-Сальтанэ, и сам Шах не были болванами», они давным-давно попросили бы нас сами этого не делать, а всякое отдание чести предоставить персидским командирам. На это я был вынужден ответить, что, значит, и я такой же болван, если до сих пор требую отдания этой чести со стороны русских. Сушков смешался...

Затем я продолжал: «Неужели же тебе в самом деле трудно отдавать мне установленную уставом честь?» После этих слов Сушков окончательно рассвирепел и начал ссылаться на уставы. Я подал ему все уставы, и Сушков на каждом шагу оскандаливался и доказывал своё незнакомство с уставами. Рассвирепев окончательно, Сушков выпалил: «Впрочем, моя отставка давно уже написана. Если ты можешь терпеть меня до весны, это устроит мои домашние дела. В противном же случае я готов подать её хоть сейчас». Я потребовал было сказать, что законное замечание начальника не есть ещё повод к выходу в отставку, но, видя, что Сушков бледен и трясётся от злости, счёл лучшим молчать. Вечером я получил от Сушкова прошение об отставке и рапорт (л. 194об.).

31 октября. Сменная езда во дворе казарм. Едва я завидел Сушкова, как выразил

своё сильнейшее удивление по поводу поданного им рапорта. «Ведь ты говорил вчера, что тебе необходимо остаться для направления твоих денежных дел по крайней мере до весны?», – спросил я. Но Сушков на это запальчиво начал скороговоркой выпаливать, что «решение его бесповоротно» и что он просит не задерживать его отставки. Несколько раз я начинал с ним этот разговор, но всякий раз получал одни и те же раздражительные ответы. Потеряв (л. 193об.) терпение, я замолчал и уехал домой, пригласив с собою Рафаловича, которому выяснил, что я решительно ничего не имею против того, чтобы Сушков оставался в Персии впредь до устройства его дел до весны, но что его запальчивость и дикое упрямство вынуждают меня быть с ним осторожным и более не навязываться с различными льготами и предложениями, которых он **не хочет** понимать и принимать. Не знаю, как в душе, но на словах Рафалович вполне согласен со мною и говорит, что на все убеждения его и Орановского Сушков отвечает одними лишь язвительными фразами, что, дескать, они против него не потому, что он, Сушков, не прав, но потому, что они оба боятся лишиться теперешнего места и потому подлизываются ко мне, как к их теперешнему начальнику. Я отлично понял, что Сушков подметил слабую струну Орановского и всеми своими силами напирал на неё. Но, полагаю, это ненадолго – Орановский скоро сам поймёт, что он не более как манекен в руках Сушкова. Что же касается до Рафаловича, то он уже и без меня сам это понял и, по-видимому, уже теперь отшатнулся от Сушкова, памятуя пословицу, что «своя рубашка ближе к телу» (л. 193об.–194). <...>

5 ноября. <...> В 4 часа с Мартирос-ханом у Садр-Азама. Спрашивал его мнения насчёт поступления на службу к Бостельману, на вновь строящуюся дорогу от Решта до Казвина, офицеров вверенной мне Казачьей ЕВ Шаха бригады. Я был очень откровенен и прямо сказал Садр-Азаму, что доверяю больше ему, чем Щеглову, который своей заносчивостью и самомнением отталкивает от себя всех и каждого. «Помня завет Посланника Е.К. Бюцова, я всегда

говорю Вашей Светлости всю правду», – заключил я свою речь. Садр-Азам был очень доволен и ответил: «Всегда говорите мне всё, что только имеете, и Вы никогда не ошибётесь во мне – посланник Бюцов совершенно прав» (л. 201).

Затем Садр-Азам перешёл насчёт войны Англии с Турцией, предлог – избиение армян в Малой Азии⁵. Я высказал мнение, что едва ли Англия решится на подобный рискованный шаг. Садр-Азам вполне со мною согласился. При этом он спросил, что я лично намерен делать в случае войны. «Мне война – хлеб», – ответил я. «Почему?», – удивился Садр-Азам. «Да потому, что у меня нет ни жены, ни детей, и потому смерть мне не страшна. Но зато на войне я могу много и выиграть». Садр-Азам не мог не согласиться с верностью моего взгляда. Относительно же зачисления казачьих офицеров на Бостельмановскую дорогу сказал, что, не переговорив с Шахом, ответа дать не может.

<...> Как относится ко мне Садр-Азам, весьма характерен следующий случай. Бывший губернатор Малаера (воспитывавшийся в Париже д-р медицины, сын выкрещённого жида, которого Фетх-Али-шах употреблял в жопу) Мирза-Али-Наги-хан Вали не хотел отдавать должных им денег нашему *мирпаянджу* Неджеф-Кули-хану Цициани. Исчерпав все средства – и угрозы, и просьбы, и хитрости – последний обратился ко мне и упросил меня написать по этому поводу письмо Садр-Азаму. Я, признаться, написал это письмо единственно с целью отвязаться от назойливого Неджеф-Кули-хана и был почти убеждён, что оно не произведёт никакого действия на Правителя Персии. Но оказалось совсем противное. Садр-Азам потребовал к себе бывшего губернатора и, суя ему в нос моё письмо, сказал: «Ты понимаешь, до чего ты довёл себя: русского полковника вынудил написать мне это письмо?!» Губернатор начал было оправдываться, но Садр-Азам повторил: «Понимаешь, это пишет русский полковник? Сейчас же отдай». Губернатор начало было клясться и божиться, что у него нет ни гроша, но что он через месяц отдаст всё (л. 202). Тогда Садр-Азам уже запальчиво возразил: «В третий и последний

раз повторяю – это пишет не какой-нибудь перс, который и сам надувает, а потому и его можно надувать, это пишет русский полковник, которому ты должен уплатить немедленно!»

Выходя от Садр-Азама, губернатор начал просить Неджеф-Кули-хана, чтобы он упростил русского полковника, т.е. меня, дать ему отсрочку на 4 месяца и справиться, когда я могу принять его у себя. Неджеф-Кули-хан передал мне просьбу губернатора, которому я поручил ответить, что рад видеть его каждый день до полудня, но что отсрочки не могу дать больше ни одного дня, так как он уже и без того тянет три года. Да и, кроме того, раз Садр-Азам категорически приказал заплатить русскому полковнику **немедленно**, какие же тут ещё могут быть разговоры?

Конное учение – сменная езда. На Майдан-Машк приехал Найб-эс-Сальтанэ, и Сушкову, как он ни жался, пришлось-таки на церемониальном марше сделать заезд с обнажённой шашкой. Боже, как это было ему трудно и с каким страдальческим выражением он не то салютовал, не то мух отгонял (л. 202об.).

8 ноября. Мартирос-хан в отчаянии: ему кто-то сообщил, что Шах не хочет произвести его в Эмир-Туманы. Мне также это крайне неприятно, ибо это сильно на него повлияло: он повесил нос и сильно утратил свою энергию, хотя старается этого не показывать. Но я всё-таки не теряю ещё окончательно надежды и употреблю все свои усилия, чтобы выхлопотать Мартирос-хану Эмир-Туманство – он, безусловно, этого заслуживает. <...>

12 ноября. Снимался у Севрюгина. После обеда делал визиты с Орановским, который сознался, что Батюшков страшно сконфужен и никак не ожидал ни моего любезного приёма, ни такого скандального для себя оборота, ни такой гнусности поведения со стороны Сушкова. Со своей же стороны, Орановский признался, что, если бы ему не удалось ехать в отпуск, он все равно принуждён был бы искать себе другую квартиру, так как находит дальнейшее совместное сожительство с Сушковым для себя невыноси-

мым. Кроме того, по словам Орановского, вся Миссия «будирует» на Сушкова.

Значит, цель моя достигнута: я разбил своих противников на два лагеря, враждебных между собой, и **тогда уже** открыто встал на сторону противников Сушкова, парализовав все его козни, направленные против меня. Спасибо *сартину* Гейзлеру, что вовремя предупредил меня: если бы не он, я никогда не предполагал бы, что за мстительная личность Сушков, и, будучи беспечнее и доверчивее, мог бы попасться впросак. Ну, а теперь победа, вероятно, окажется на моей стороне (л. 205об.).

Секретно
Заведывающий обучением Персидской кавалерии

14го ноября 1895 года

№ 22
г. Тегеран (Персия)
Начальнику Отдела Генерального штаба
Штаба Кавказского военного округа

Рапорт

I

В дополнение к рапорту моему от 28го октября 1895 года № 21 представляю Вашему Превосходительству дополнительные сведения о вооружённых силах Персии, глава II: «Устройство военного управления», кроме «Интендантского и артиллерийского отделов», которые не могли быть окончены одновременно с прочими отделами главы II^{ой}, так как, помимо того, что их пришлось составлять заново, добывание сведений в этой отрасли встретило некоторые затруднения. Вслед за достаточной обработкой обоих вышеупомянутых отделов они будут представлены Вашему Превосходительству.

II

К 9^{му} ноября 1895 года дефицит Казачьей ЕВ Шаха бригады уменьшился до 5834 *туманов*. Если с 9го марта 1896 года Персидское правительство выполнит взятые на себя обязательства по отношению к Казачьей бригаде (на что есть полное основание наде-

яться), то и весь остальной дефицит бригады будет погашен не позже 9го июня 1896 года.

Приложение к № 22 от 14го ноября 1895 года: «П. Устройство военного управления в Персии».

Генерального штаба

Полковник Косаговский (л. 207).

15 ноября. Вечером пришёл Орановский. У него сильно попорчено правое легкое, и доктор Мюллер гонит его немедленно из Тегерана на поправку. Я, на свой страх, отпустил его до Ноуруза (9го марта), то есть на целых 4 месяца, разрешил ему за время отпуска полное содержание вместо полагающегося половинного – рассчитываю его не в размере 10 000 франков, как это установлено по новому контракту от 6го июня 1895 года, а по прежнему, в размере 12 000 франков и т.д., и т.д. Кроме того, я был с ним ласков, как с родным, и только и делал, что усовещивал его и убеждал выйти из-под пагубного гнёта Сушкова. Но бедному бесхарактерному мальчику это было, видимо, не под силу, и потому он и на меня дулся, как мышь на крупу. Но теперь, когда, наконец, он сознал всю справедливость и великодушие моего поведения, образ действий Сушкова сам собою обрисовался ему в ещё более мрачных красках, и единственным исходом для Орановского в данном случае явилось, это – уехать в более или менее продолжительный отпуск, что зависело единственно от меня и к чему я, со своей стороны, дал ему все средства. В конце концов, Орановский, по-видимому, всё понял и, прощаясь, просил меня простить его за все его ошибки и мальчишеские выходки (л. 206). <...>

Наконец, сегодня я послал генералу Зеленому отставку Сушкова с надписью: «С моей стороны препятствий к увольнению есаула Сушкова в отставку **не имеется**» (л. 205об.).⁶

18 ноября. Здесь каждое лыко в строку, и Посланник, благодаря тому, что из лютеранства перешел в Православие всего только в 1893 г., «est plus royal que le roi» или, по-персидски, «миска горячее щей»⁷. Второй год я здесь и не говел, о чём уже было немало толков. Во избежание дальнейших неприятностей я решил ответить теперь, в Рождествен-

ском посту, так как в Великом опять не будет времени. Отец Архимандрит⁸ согласился для меня лично служить всю эту неделю, и я отговел вместе с бригадными урядниками. Сегодня (суббота) мы все приобщились. <...>

21 ноября. Введение во Храм Пресвятой Богородицы. По этому поводу вчера я отдал следующее приказание: 1) Все русские офицеры и урядники освобождаются от службы; 2) Персидским же чинам – сменная езда в казармах; 3) Есаула Рафаловича, буде это его не затруднит, прошу явиться на учение, на котором я имею кое-что ему передать и с которого мы проедем прямо в церковь; 4) Дежурному лично приказал **не давать знать** никому из русских о завтрашнем учении.

<...> Мне доложили, что на Майдан-Машк явился Наиб-эс-Сальтанэ. Я немедленно же поехал к Наibu-эс-Сальтанэ и доложил ему, что казаки учатся внутри казарм. Обьехав все войска, Наиб-эс-Сальтанэ снова переспросил меня, где казаки? Дело в том, что ему ужасно страшно, как бы мы совершенно не вышли из-под его власти, которая теперь, по положению от 24го мая 1895 года, совершенно номинальна. И вот, всякий раз, как на Майдан-Машк нет казаков, Наиб-эс-Сальтанэ кажется, что они уже никогда больше сюда не придут и уже больше знать не хотят его, военного министра (л. 209об.).

Поэтому Наиб-эс-Сальтанэ не вытерпел и сказал: «А может, всё-таки посмотреть казаков?» Я с полной готовностью проводил его в казармы, где есаул Рафалович показал ещё не известную ему манежную езду. В силу особой благоприятной случайности делали необычайно чисто и согласно, так что действительно было очень хорошо, и Наиб-эс-Сальтанэ, при всём нерасположении ко мне, должен был, равно как и его свита, сознаться, что обучение идёт в высшей степени успешно, а главное, что, если казаков нет на Майдан-Машк, то это ещё не значит, что казаки ничего не делают.

Этот небольшой случай, наверное, ещё больше обозлил Сушкова, который, пожалуй, склонен думать, что всё это было подстроено **заранее**, и что я сегодня умышлен-

но устранил его от дел. Эта же мысль, одновременно со мною, пришла в голову и Рафаловичу – значит, в данном случае я не ошибаюсь.

С Майдан-Машк Наиб-эс-Сальтанэ проехал в швейцарский магазин Гесаза, где набрал себе всевозможных вещей – это ежегодная дань, которою Наиб-эс-Сальтанэ, в качестве губернатора города Тегерана, облагает все магазины. Замечательнее всего при этом то, что, выбирая вещи, он весьма тщательно справляется о ценах, но платить в данных случаях не полагается и все эти вопросы делаются лишь «в силу персидской вежливости и для отвода глаз могущих случиться при этом европейцев» (л. 210).

Сегодня утром Садр-Азам прислал за Мартирос-ханом и сказал ему, что докладывал Шаху, и что Шах сказал, что ничего не имеет против производства Мартирос-хана в Эмир-Туманы, **если** против этого ничего не имеет Наиб-эс-Сальтанэ. Поэтому, если полковник согласен, пусть он попросит Наиба-эс-Сальтанэ написать ему, Садр-Азаму, два слова, и он снова представит их Шаху как письменное доказательство, без которого с таким прохвостом, как Наиб-эс-Сальтанэ, нельзя делать никаких дел.

Я с полной готовностью немедленно же поехал к Наibu-эс-Сальтанэ, который оказался у Шаха. Я пошёл к Шаху, который смотрел новый ремонт лошадей для полевой артиллерии, приведённый из Керманшаха: все рослые лошади от 4 до 6 лет по замечательно дешёвой цене не свыше 30-ти *туманов*. Едва увидел меня Шах, как спросил, что я делаю. Я ответил, что работаю с бригадой. Теперь в Тегеране свирепствует инфлуэнция, а потому Шах спросил, много ли у меня больных. Я ответил, что не больше обыкновенного – двое. Наиб-эс-Сальтанэ рассказывал Шаху, что сегодня он видел «новое» учение казаков, которое очень ему понравилось и которое **он (?) имеет в виду** ему показать. Шах, видимо, был доволен. <...> (л. 210об.).

После учения поехал к Наibu-эс-Сальтанэ, который, согласно нового Положения, принял меня в «хальвете». Я пристал к нему и после долгих просьб, наконец, убедил его

написать Садр-Азаму письмо, что, дескать, он, Наиб-эс-Сальтанэ, находит Мартирос-хана достойным производства в Эмир-Туманы. Едва письмо было написано, Наиб-эс-Сальтанэ сказал, что отошлёт это письмо сам Садр-Азаму, но я, зная, с кем имею дело, твёрдо заявил, что Садр-Азам сам лично поручил мне передать ему это письмо. Наиб-эс-Сальтанэ хитро улыбнулся и передал мне письмо. Я тоже хитро улыбнулся и мгновенно запрятал его за пазуху.

23 ноября. Вчера и сегодня с утра до ночи привожу в порядок фуражные отходные листы, перевранные урядниками Шляховым и Выродовым.

24 ноября. В полдень отдал приказ через дежурного, что завтра по случаю проливного дождя никаких занятий не будет – кстати, рассчитывал привести в окончательный порядок фуражную отчётность. Но человек предполагает, а Бог располагает: в 4 часа пополудни принесли от Наиба-эс-Сальтанэ «ордр-де-жур»⁹ – «назавтра всем собраться в 8 часов утра на Майдан Машк; Наиб-эс-Сальтанэ даст приказания относительно смотра, назначенного на вторник 28 ноября». Немедленно же собрал всех командиров и сделал все необходимые распоряжения. А дождь весь день и всю ночь лил как из ведра (л. 211).

Нарядил нарочных за отпусчными в Иштаард, Арабабад, Бабасальман и прочие ближние к Тегерану селения. Ночью им было выдано всё вооружение и снаряжение, а на рассвете они уже выехали.

25 ноября. Всю ночь страшный ливень. На Майдан Машк собралась одна только бригада – *сарбазы* сочли неудобным собираться по грязи, и ни один не явился. Ещё не рассветало, когда я послал верхом урядника Выродова к Мартирос-хану, чтобы тот поехал спросить Наиба-эс-Сальтанэ, будет ли он на Майдане или не приедет по случаю ливня. Ответ от Наиба-эс-Сальтанэ я получил ровно в 8 ч., то есть когда бригада уже собралась на Майдане, что он на Майдан не приедет! Выходит, что *сарбазы* по-своему были правы! Наиб-эс-Сальтанэ через бригадного адъютанта Искандер-хана, *серхенга*, передал, что сегодня к нему по поводу пред-

стоящего смотра собрались на военный совет – *сардары* в 9 ч. утра, а русский полковник, то есть я, в 10½ ч. утра. Я сразу понял, что Наиб-эс-Сальтанэ рассчитывал, что я явлюсь в ту самую минуту, когда он мне назначит, *сардары* же его, наверное, опоздают часа на полтора. И действительно, предположения мои оправдались: (л. 211об.) когда в 10 ч. 20 минут я с Мартирос-ханом ехал к Наibu-эс-С<альтанэ>, *сардары*, не спеша, ещё только собирались. В 11 ч. явился Наиб-эс-Сальтанэ. Долго толковали и, наконец, было решено представляться Шаху на Майдан Машке: причём сначала произведёт учение пехота, затем пешая артиллерия и, наконец, Казачья бригада.

Вечером я пригласил к себе Сушкова и Рафаловича и объяснил им, что предстоит им делать на смотре, назначив на завтра репетицию. <...>

27 ноября. Завтра смотр Шаха, а потому сегодня опять репетиция. <...> Садр-Азам зачем-то потребовал к себе во дворец Шаха Мар-(л. 212)-тирос-хана. По желанию последнего я поехал с ним вместе. Оказалось, что Садр-Азам сообщил мне о решении Шаха оставить казачью сотню в Астрабаде до Ноу-руза. Желал знать, на чём я порешил с Наибом-эс-Сальтанэ относительно посылки казачьих офицеров к Бостельману. Об *эмиртуманстве* Мартирос-хана Садр-Азам не обмолвился ни единым словом. И только когда мы уже уходили, сказал, Мартирос-хану: «Письма Наibu-эс-Сальтанэ у меня в кармане – сегодня я постараюсь доложить о тебе Шаху». Между прочим, я сказал Садр-Азаму, что, докладывая Наibu-эс-Сальтанэ, сказал, будто Бостельман обратился предварительно в Русскую Миссию, которая обратилась к Садр-Азаму, и тогда только Садр-Азам сообщил мне об этом для доклада Наibu-эс-Сальтанэ. Садр-Азам остался очень доволен подобным оборотом дела, приданным мною. Вообще, здесь, в Персии, мало ещё быть только солдатом – надо быть немножко и дипломатом, то есть, по-солдатски говоря, двуличным и уметь лавировать между Сциллой и Харибдой (л. 212об.).

28 ноября¹⁰. Всю ночь и всё утро я волновался, придут ли вовремя отпускные.

В 11½ часов утра, приехав на Майдан, я с удовольствием увидел, что там собралось 302 конных казака. Казаков оказалось так много, что они не могли установиться по одной стороне (узкой) Майдана и, после некоторых передвижений, пришлось музыкантов, 1ый дивизион и батарею поставить вдоль узкого фаса (спиной Юсуф-Абадских ворот), а 1ый дивизион – вдоль длинного фаса (спиной к казачьим казармам)¹¹.

В 12¾ ч. явился Наиб-эс-Сальтанэ. В эту самую минуту явилось из отпуска ещё 8 иштаардцев, что, в общем, составило 310 конных казаков. Не надо забывать, что у нас ещё сотня в Астрабаде и человек до 50-ти в командировках по различным городам!

Шах приехал в 1 ч. пополудни. Проезжая по фронту бригады, он спросил у меня: «А казаки будут учиться?» Я сказал по-персидски: «После пехоты, Ваше Величество». Шах засмеялся и спросил меня: «Вы уже говорите по-персидски?» Вместо меня ответил Садр-Азам, ехавший тут же: «Немного понимает. Но полковник очень много работает для бригады, и ему нет времени изучать также и персидский язык. Очень дельный начальник». Наibu-эс-Сальтанэ, в свою очередь, прибавил: (л. 214) «Очень умный и способный начальник конницы». Уже не знаю, насколько искренно это было сказано?!

Шах взошёл на вышку артиллерийских казарм, бригада прижалась к стене, а пехота начала учение. Сначала 1ый полк против 6го; 4 орудия посредине между целью, на одной высоте со стрелками. В некоторых местах цель была реже, в других – гуще. Более гущённые части от времени до времени приподнимались и, стоя, стреляли частью перед собою, частью вверх, стремясь производить залпы, которые у них, безусловно, не выходили. Стрелки сидели все на корточках, никогда не ложатся, иногда стреляют сидя, иногда вставая, частью перед собою, частью вверх. Цели не указываются, а потому каждый избирает цель по собственному вкусу, обыкновенно выцеливая кого-нибудь из европейцев (*френги*) или кого-нибудь из своих нелюбимых начальников. Стрельбу начала сначала пехота, потом уже артиллерия, стре-

мившаяся к залпам, которые у неё никак не выходят. Артиллерия с начала до конца учения оставалась на одной и той же позиции. Резервы пехоты не стеснялись становиться в затылок артиллерии. Перебежку сразу положили всей линии цепи. Во время перебежек лежащая половина не поддерживала перебегающих и иногда совершенно умолкала. О применении к местности нет и речи – и притом, всегда на короточках (л. 214об.).

До штыкового удара не доводят из боязни несчастных случаев. Изображая атаку, кричат «ура». На маневрах иногда разгораются до того, что вкладывают в дуло ружья песок и камушки (см. 1894 г., 1–6 декабря)¹². При сближении для атаки артиллерия учащает стрельбу и жарит по своим до самого отбоя.

Сбор – единственно хорошая вещь, производится в колонну по своим офицерам, которые выбегают на место сбора и, поднимая высоко над головою шашки, обозначают собою места своих частей. Не стрельба, а трескотня. Усиление цепи – с обоих флангов. Резервы перед атакой стреляли в интервалы недурно.

Окончив учение и отойдя на прежнее место, *сарбазы*, поодиночке, продолжали постреливать прямо из фронта. Мало того. Когда уже всё окончилось и Шах сел в карету, рассыпавшиеся по всему плацу *сарбазы* начали столь дружно выпускать оставшиеся у них в ружьях заряды, что оставшийся ещё на плацу Наиб-эс-Сальтанэ в первую минуту испугался. Это расстреливание «залишних» патронов, как их называли *сарбазы*, продолжалось целый час (л. 223). Мало того, идя толпами домой по главным улицам города, по пути продолжали на улицах стрелять, целя, преимущественно, в массы собак, наполняющих улицы, или в голубей.

Ещё не сходя с плаца, почти все офицеры отдали свои сабли своим *сарбазам-нукерам* (денщикам) или частным лицам и своим детям, явившимся на смотр. На следующее учение все эти лица снова принесут эти сабли на плац, где уже и наденут их снова на себя их владельцы.

Когда отучились 1 и 6ой полки, вышли 2 и 5, а затем 3 и 4 – все проделали решительно

одно и то же. Шах надоело, и он насилу дождался конца.

Пешая артиллерия – бессмысленно и безобразно: выстроилась вся в одну линию и справа в одно орудие начала стрелять. Потом взяла на задки, встала ближе к Шаху и снова вся линия проделала то же самое. Несмотря на то, что почти все эти передвижения делались шагом и лишь иногда собачьей рысью, одного из артиллеристов умудрились переехать орудием – разумеется, раздавили.

Замечательнее всего то, что лошадей этой артиллерии Наиб-эс-Сальтанэ приказал **накануне** переменить, заменив более сытыми и лучшими. Начальник артиллерии принц (дядя Амман-Олла-мирзы) накануне со слезами на глазах (л. 223об.) жаловался¹³ мне на это, говоря голосом, полным отчаяния: «Вот, сами видите, что “они” со мною делают. Ну как я теперь покажу свою артиллерию, запряжённую лошадьми, которые не знают ни пушек, ни новых людей, а мои люди не знают этих лошадей?!» И он был совершенно прав.

Возвращаясь со смотра, *сарбазы* по 2-3-4 ружья несли, некоторые волокли прямо за дуло, а товарищи их спешили торговать на базарах¹⁴. Было также несколько нанятых для пополнения рядов. Штыки и штыковские ножи, заржавевшие от неопрятного содержания, сбивали с дула прямо камнем или прикладом другого ружья. Шли расстёгнутые, толкая офицеров, но вместе с тем часто отдавая честь русским офицерам – частью из уважения, частью из личного страха, а вообще, имея какую-нибудь просьбу, или желающие получить деньги, отданные на процент казаков, или родственника казаков, или находящиеся в услужении у различных европейцев (л. 219).

После смотра многие из *сарбазов*, отдав свои ружья товарищам, рассыпались по Майдану, собирая в особые торбы кало лошадей, оставшееся от казаков и артиллерии. Они сушат это кало и затем продают.

Горная артиллерия на катерах – не стреляла? Церемониальным маршем: впереди офицеры, выделяющие всевозможные выкрутасы, частью по австрийскому уставу,

частью собственного изобретения. *Сарбазы* идут, имея ружья на погоне через левое плечо. Шаг полный, очень хороший, но равнение плохо, головы вертят во все стороны и идут или совсем мужиками, или чрезмерно тянутся. Гвардия Наиба-эс-Сальтанэ ходит хорошо. Начальствующие лица на отдание чести и салюты своих подчинённых никогда не отвечают. *Сарбазы* и офицеры иногда честь отдают по-военному, иногда же поперсидски, хватаясь за живот. Лицам гражданским в большинстве случаев военные отдают поклоны и прижимают руки к груди и голове по-граждански, отвешивая поклоны в пояс (л. 219об.).

Собирать *сарбазов* начинают по барабанам за 4-5 часов до начала смотра, но это всё-таки не помогает: уже Наиб-эс-Сальтанэ на плацу, а они всё тянутся-тянутся, прибывая поодиночке и группами по 2-4 человека. Бегают взад и вперёд по плацу – то за ружьём, то за саблей своего офицера, то позвать кого-нибудь, причём из фронта раздаются возгласы: «Да ну, скорее, чего ты там, такой-сякой». *Сарбаз* же в это время отгрызается на весь плац.

Посылают верхом охлюпкой переменить какую-нибудь запряжённую артиллерийскую лошадь – *сарбаз* лупит галопом, махая ногами и локтями, прямо через войсковые части. И всякий считает долгом уступить ему дорогу. Возвращение производится тем же порядком, нередко, когда Шах уже на плацу. Тогда *сарбаз* только не кричит и во фронтах тихо.

Если какая-нибудь часть или 15-20 человек из неё желают заявить о чём-нибудь Наibu-эс-Сальтанэ, то, если это против *сардара* или командира полка, они благообразно скрываются заблаговременно. Но если они сами заинтересованы, то докладывают Наibu-эс-Сальтанэ, который сначала притворяется ничего не понимающим, затем тонко даёт по-(л. 220)-нять, что подобные вещи даром не делаются. ^А*Сардар*, если на лошади, прикладывается к самому уху Наibu-эс-Сальтанэ, а если пешком, то берется за стремя и приподнимается на цыпочки, а Наиб-эс-Сальтанэ нагибается к нему, и оба шепчутся, иногда довольно долго. Вся свита

в это время почтительно удаляется и ожидает окончания переговоров./

Наиб-эс-Сальтанэ несколько раз собирает и распускает свои густейшие брови, наконец, подъезжает к выстроившейся кучке *сарбазов*. По команде старшего, а чаще и без всякой команды, *сарбазы* берут на караул. Затем, устав держать, по инициативе кого-нибудь из них закидывают за левое плечо на погонном ремне ружья и затем, сначала нерешительно, по одиночке, затем все смелее и смелее и, наконец, уже все <в> один голос галдят о своих нуждах. При этом в волнении и страхе за исход своего заявления они забывают про фронт и, если объяснение короткое, то изображают из себя волнистую линию, обращаясь каждый лицом к Наibu-эс-Сальтанэ, если же объяснение длинное и горячее, сбиваются в кучу и окружают Наibu-эс-Сальтанэ. Если объяснение приятно Наibu-эс-Сальтанэ, он тут же даёт ответ. Чаще он стесняется присутствия толпы, а в особенности иностранцев, и приказывает жалобщикам явиться во дворец. Если, наконец, жалоба ему неприятна или *сардар* ничего не даёт, потому что уже и без того дал, или потому что жалоба безусловно справедлива, или потому что денег нет, или, чаще, не доверяя Наibu-эс-Сальтанэ и обещав заплатить, когда Наиб-эс-Сальтанэ решит дело в пользу *сардара*, Наиб-эс-Сальтанэ раздражается ругательствами «педер-сухтэ», «зьян кяхбья», а иногда даже ещё прямо-таки приказывает схватить и бить жалобщиков или заключить их в темницу (л. 220об.).

Иногда безобразие доходит до того, что недовольные идут прямо к Садр-Азаму, привязывая, по словам самого Садр-Азама, себя к колесам его коляски, а иногда к самому Шаху (Раджаб-Али, несмотря на то, что казак, в большой мечети пал к ногам Шаха – подробно всю историю Раджаб-Али и все его фузульства, возможные только в Персии).

При этом решения всякий раз зависят единственно от личных корыстных целей вершителей судеб. Насколько в данном случае Персия пала низко в нравственном отношении и что в Персии за правительство, чрезвычайно ясно можно судить по послед-

ней выходке временщика Векиля-эд-Доулэ, выходке, в которой яркими живыми красками обрисовались и Векиль-эд-Доулэ, и Наиб-эс-Сальтанэ, и излюбленный европейцами низкий и коварный Эмир-Низам, бывший хамаданский (а раньше тавризский и курдистанский), ныне арацкий генерал-губернатор, и сам Шах, а также выясняется, откуда в Персии берутся знаменитые разбойники – их создаёт само правительство и его ставленники (л. 222). <...>

29 ноября. Ходил в лазарет – обжоги сильные, но я не подавал виду и ободрял. Исследовал причину взрыва лафета. Рассказал Рафаловичу про впечатление, произведённое на персов безучастием русского доктора Вендта, стоявшего вдобавок с русским поверенным в делах. Рафалович рассказал про отказ Вендта исследовать молоко для больного ребёнка и про то, что он лечит только принадлежащих к Миссии – Рафалович это телефон.

<...> (л. 221).

30 ноября. Бригаде отдых до 5 декабря.

Примечания

¹ *Ташаххус* (تشخص) – «с помпой, торжественно» (букв. «надменность; достоинство»).

² Ср. 6 сентября.

³ Зачёркнуто (*и привезены в Тегеран командою из 12-ти артиллерийских урядников под начальством артиллерии капитана Кублицкого*).

⁴ В тексте указано число «21» – несомненно, описка, спровоцированная предшествующим номером Рапорта.

⁵ См., например: *Лунева Ю.В.* Ближневосточный кризис 1895–1897 гг. и планы раздела Османской империи // *Вопросы истории.* 2011, № 9. С. 117–131.

⁶ Между л. 205 и 206 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Paulus Cassel. Aus dem Lande des Sonnenaufgangs. Japanische Lagen aus originaler Mittheilung niedergeschrieben und gedeutet.* Berlin. Wilhelm Issleib (*Gustav Schuhr*), 1885. В левом нижнем углу расположен шифр *Chwolson 1487*. В правом нижнем углу – $1/8^{\circ}$ verte. На обороте карточки *Voran geht eine Untersuchung uber "Das Zicklein" aus der judischen Passahliturgie – und nachfolgt ein Sendschreiben an das Berliner Tageblatt: "Zur Naturgeschichte der Chuzpe"*.

⁷ كاسه داغتر از آتش – «святое Папы Римского; больший католик, чем сам Папа». Во французском варианте – «больше король, чем сам король».

⁸ Судя по всему, имеется в виду архимандрит Харлампий, служивший настоятелем посольской церкви в Тегеране с 1891 по 1895 год (см.: *Александр (Заркешев), игумен.* Русская Православная Церковь в Персии – Иране (1597–2001). СПб., 2002. С. 74).

⁹ *Ordre du jour* (франц.) – распорядок дня.

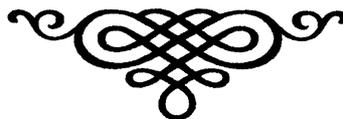
¹⁰ В правой колонке 28 ноября (*лист I*) 1895 г.

¹¹ Схема расстановки войск приводится в правой колонке л. 214об.

¹² В правой колонке карандашом *Тактика Инан-лу и Курт-беглю (целиком из дневника)*.

¹³ В правой колонке 28 ноября (*лист I*).

¹⁴ Так, Мисль-Рустем пишет: «В Персии торгуют почти все, начиная с "сартипа" (генерала) до "сарбаза" (солдата), и это там не кажется странным. На улице вы зачастую увидите солдата в мундире, с погонами, в коротких штанах и не в форменной шапке, сидящим у стены на корточках перед грязной тряпкой, на которой валяются медные деньги, – это уличный меняла серебра на медь и обратно; или вы увидите такого же солдата, торгующего на "ишаке" (осле) варёной свёклой (любимое кушанье бедняков)» (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 22).

Б.В. Норик

РАПОРТ ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО О ПОЛОЖЕНИИ В ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЕ. 1895 ГОД

Публикуемый документ представляет собой, по сути, первую серьёзную аналитическую записку, составленную полковником В.А. Косаговым (1857–1918) после его прибытия в Тегеран и вступления в должность командира Персидской казачьей бригады¹.

В рапорте разбираются основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться полковнику Косаговскому с самых первых дней его пребывания на новой должности. Одной из них был так называемый «*мухаджирский*» вопрос. Согласно контракту, заключённому между Россией и Персией, Казачья бригада должна была организовываться по русскому образцу, что поначалу довольно строго выполнялось. Однако впоследствии, против воли полковника А.И. Домантовича², бригаде были навязаны *мухаджир*ы, т.е. переселенцы с Кавказа, перешедшие на службу Персии во времена русско-персидских войн.

Полковник Домантович не хотел принимать *мухаджир*ов в бригаду. Зимой 1879 г. во время смотра на Майдан-е Машк³ *сепасалар* Хаджи Мирза-Хусейн-хан⁴ показывал тогда ещё подполковнику Домантовичу гулямов 'Ала ад-Доуле⁵, из которых и решили сформировать казачью бригаду. Однако впоследствии, во время поездки Домантовича в Россию за русскими офицерами и урядниками, в результате происков 'Ала ад-Доуле, не желавшего подчиняться военному министру⁶ (притом, что русский полковник, кроме военного министра, никому другому подчиниться не мог), это решение было изменено. Домантовичу навязали 200 человек *мухаджир*ов, которых он, однако, согласился принять лишь с условием, что все *мухаджир*ы вступят в бригаду простыми казаками, без каких-либо особых прав и преимуществ. Лишь позднее некоторые из них по представлению самого Домантовича были произведены в офицерский чин.

При полковнике Чарковском⁷ были приняты *мухаджир*ы 3-го полка, поступившие уже на своих окладах и со своими чинами. Полковник был вынужден признать все их чины и привилегии. Надо сказать, что понятия о воинской службе в 3-м полку *мухаджир*ов совершенно отличались от русских. Это привело к беспорядку и расстройству дисциплины в бригаде: применяемая в персидской армии система формирования армейских частей по принципу племенной однородности была нарушена в Казачьей бригаде, которая оказалась созданной из двух групп – *мухаджир*ов и волонтёров.

*Мухаджир*ы приходили в бригаду со своим наследственным жалованием, которое не менялось в зависимости от звания, т.е. понижение в звании не приводило к финансовым потерям. Это обстоятельство резко снижало власть командира бригады над значительной её частью. При этом волонтёры были более беззащитны и подвергались реальным наказаниям за те проступки, за которые *мухаджир*ы не несли никакой ответственности.

Одним из самых обидных обстоятельств было то, что наследники умерших *мухаджир*ов приходили на то же звание, вследствие чего иногда 10-летний мальчик мог оказаться в чине генерала. Всё это не могло не создавать трений в бригаде и подрывало её сплочённость и боеспособность. Кроме того, наследственное жалование *мухаджир*ов было не так уж велико, однако оно в несколько раз увеличивалось во время службы в бригаде за счёт её выплат. В итоге, «бригадная» часть жалования превращалась в наследственную и в случае ухода или смерти *мухаджир*а из бюджета бригады исчезала.

Полковник Косаговский предлагал медленно исправить создавшееся положение, однако это могло сделать только само персидское правительство. По мнению пол-

ковника, в случае, если правительство отделит наследственную часть *мухаджирского* жалования от бригадного бюджета и вернёт деньги, унесённые *мухаджирами*, то это сразу возвратит бригаде несколько тысяч *туманов*. Полковник резонно отмечал, что казаки заслуживают пенсии, но давать её должна не бригада, а персидское правительство. Кроме того, Косаговский предложил отделить полк *мухаджиров* от бригады, а вместо него, при необходимости, сформировать и обучить новый полк, состоящий из волонтёров.

Результатом стал демарш *мухаджиров*, покинувших бригаду. Из них была сформирована альтернативная бригада под командованием зятя военного министра Наиба ас-Салтане⁸ – Маджд ад-Доуле. Английский посланник Пико уже тайно представил военному министру Наibu ас-Салтане проект обучения *мухаджиров* английскими инструкторами⁹. Но тут *мухаджир*ы опомнились, поняв, что это грозит им полным обнищанием и разграблением, и стали проситься назад в бригаду. Тогда на одной из аудиенций у шаха Косаговский раскрыл все козни Наиба ас-Салтане прямо в присутствии последнего, а также и *садр-азам*а¹⁰. Шах понял, что Наиб ас-Салтане водил его за нос и изложил ему рапорт №7 Косаговского в слишком вольной трактовке. В результате прежнее положение было восстановлено, а шах обещал полковнику, что отныне Наиб ас-Салтане будет очень внимательно вникать во все нужды и интересы бригады.

Следует заметить, что общее финансовое положение бригады было довольно плачевным. Из-за задержки денег правительством фураж, керосин, обмундирование и прочее приходилось покупать в самый дорогой сезон. Выплаты жалования задерживались, что порождало необходимость занимать деньги у ростовщиков под огромные проценты, погашаемые из бригадного бюджета. Кроме того, казаки сами лично брали деньги под проценты, с возвратом которых им вынуждена была помогать бригада. Из-за размытости сроков получения денег какое-либо планирование оказывалось невозможным.

Кроме того, существовал целый ряд дополнительных расходов, на которые деньги вовсе не отпускались, и бригада должна была оплачивать их самостоятельно. Это содержание лазарета и персонала, награды, лагерные суточные, доппаёк. При этом, когда, наконец, удавалось получить у правительства чеки на получение денег, то бригада должна была сама истребовать эти суммы у многочисленных должников правительства.

Полковник Косаговский предлагал упорядочить сроки и строго регламентировать выплаты денежных средств, предназначенных бригаде. Кроме того, он поднял вопрос о пересмотре условий возвращения бюджету бригады 16854 *туманов*, отобранных при полковнике Н.Я. Шнеуре¹¹ и возвращённых при ротмистре В.К. Бельгарде¹².

Условием возвращения денег было содержание на них 300 казаков, что, по расчётам Косаговского, невозможно: в 1895 г. ежегодно на одного казака тратилось 80 *туманов*, и на указанную выше сумму можно было содержать только 210 казаков. Содержание же 300 казаков привело бы к ежегодному дефициту в 7146 *туманов*. Поэтому, по словам полковника, необходимо либо довольствоваться содержанием только 210 казаков, либо содержать 300 казаков, но при условии выплаты не 16854 *туманов*, а 24000 *туманов*. Либо, удалив из бригады 133 лишних офицера, можно было выгадать деньги на 300 казаков из самого же бригадного бюджета.

В конце концов, полковнику Косаговскому удалось добиться увеличения бюджета бригады на 11270 *туманов*, начиная с марта 1896 г.

Безусловно, эти победы, одержанные в 1895 г., оказались только началом напряжённой борьбы полковника Косаговского за превращение Персидской казачьей бригады в действенный инструмент русского влияния в Персии. Однако именно они заложили прочный фундамент для успешного выполнения им поставленной задачи, так что период командования Косаговского по праву можно считать «золотым веком» в

истории существования Персидской казачьей бригады.

Текст публикуемого документа приведён в соответствие с правилами современной орфографии, специальные термины пишутся со строчной буквы и выделены курсивом. Имена собственные приводятся в авторском варианте.

Заведывающий обучением Персидской кавалерии

31 марта 1895 г.

№ 7

Тегеран (Персия)

Его Превосходительству господину Чрезвычайному Российскому Императорскому Посланнику и Полномочному Министру при Е.В. Шахе Персидском¹³.

Рапорт

Во исполнение приказания Вашего Превосходительства, представляю на благоусмотрение Ваше соображения относительно преобразований во внутреннем устройстве бригады, без которых выполнение обязанностей инструкторов русскими офицерами не достигает цели и несовместно с их достоинством.

По контракту, заключённому при полковнике Домантовиче Персидским Правительством с Русским и затем возобновлявшемуся при последующих полковниках, Казачья Е.В. Шаха бригада должна быть устроена, обучаемая и управляемая согласно русским военным порядкам. Первоначальное устройство, данное бригаде, действительно и подходило весьма близко к таковым. Но с течением времени, главным образом вследствие присоединения к бригаде 3го полка *мухаджиров* с их традициями, взглядами и преимуществами, резко противоречащими понятиям о воинской дисциплине и регулярном военном устройстве, а равно и вследствие отсутствия каких бы то ни было определённых законом правил, порядки в бригаде, завися единственно от случайностей и личного произвола, с каждым годом всё более и более уклонялись от первоначально установленных.

В строевом отношении мы в настоящее время не только выполнили всё то, за что

брались, но даже можем гордиться своим блестящим успехом; но неестественность того внутреннего устройства бригады, которую нам пришлось целиком унаследовать, может быть изменена и исправлена только самим Персидским Правительством: мы, русские офицеры, готовы употребить все наши силы, знания и способности для наилучшего выполнения порученного нам дела; но без помощи самого Правительства все наши усилия разбиваются, как волны о скалы.

До сих пор ни один полковник не знал и не знает, чего именно от него ожидают: ему, прежде всего, должно быть совершенно определённо выяснено, как именно склонны смотреть на Казачью бригаду.

1. Как на исключительно ли показную часть, существующую лишь для парадов, смотров и торжественных встреч и проводов.

2. Как на боевую конницу¹⁴.

3. Как на верных телохранителей Е.В. Шаха¹⁵; или

4. Как на надёжные кадры, т.е. как на рассадики, который мог бы, оставаясь всегда в Тегеране, готовить учителей офицеров и урядников из персиян для иррегулярных конниц¹⁶. Одновременное достижение всех этих четырёх целей возможно при том лишь условии, чтобы руки командира бригады были безусловно развязаны: он должен знать одного Военного Министра и быть, по первому требованию Е.В. Шаха, в состоянии выступить в полной походной и боевой готовности куда угодно.

Но на деле выходит совсем иное: по контракту, полковник обязан заведовать только кавалерией, а между тем, ему приходится разбирать вопросы о *магалах* (источники доходов), решать стародавние домашние счёты, препираться с губернаторами, полицейскими и гражданскими властями и даже с шариатом (духовный суд)¹⁷. Русские офицеры и урядники призваны в Персию для того, чтобы учить ездить, рубить и стрелять, ходить в атаку, джигитовать... А вместо всего этого мы, едва имея время для строевых занятий – нашего прямого назначения, изне-

могаем от канцелярской отчётности, возясь с пенсионерами и разбирая совершенно чуждые нам распри и тяжбы – дела, за которые мы никогда не брались.

Персидское Правительство, зная, что в частях, однородных по составу и внутренне сплочённых, не бывает ни зависти, ни раздоров, набирает целые полки *сарбазов* и артиллеристов из людей одной и той же местности и одного и того же племени на совершенно равных правах.

Эта мудрая система была нарушена лишь по отношению к одной Казачьей бригаде *сепехсаларом* Хаджи-мирза-Хусейн-ханом, который склеил бригаду из двух совершенно разнородных и по своим правам и преимуществам резко отличающихся друг от друга элементов: 1. Привилегированного – *мухаджиров* и 2. Непривилегированного – волонтёров.

Так как полковник отвечает за всех чинов вверенной ему бригады совершенно одинаково, то и права его по отношению ко всем чинам бригады должны быть также совершенно одинаковы. А между тем, полковнику представлена власть в отношении одних только волонтёров: если ослушивается или совершает какое-нибудь преступление волонтёр, его, смотря по вине, наказывают, исключают из бригады или разжалывают. Но если такое же точно преступление совершает *мухаджир*, полковник лишён права его выгнать и принуждён терпеть все его гадости, потому только, что это – *мухаджир*¹⁸. Разжалование же для *мухаджиров* почти не имеет смысла, так как у них жалованье в большинстве случаев своё, наследственное, *мухаджирское*, и потому, если его разжаловать, даже [из] офицеров в простые казаки, то, в материальном отношении, это ему решительно всё равно, так как от этого оклад его *мухаджирского* жалованья нисколько не изменяется. Таким образом, зависимость его от полковника является крайне слабою и весьма условною.

Насколько *мухаджиры* проникнуты понятием о воинской дисциплине, может служить следующий пример. Когда в 1893 году полковник Шнеур вызвал 35 *мухаджиров*

Фет-Али-хана, находившихся в отпуску в Хое, они не послушались и наотрез отказались явиться. Полковник Шнеур исключил их из бригады. Узнав об этом, *мухаджиры* пришли в Тегеран с жалобами на полковника Шнеура, и его принудили снова зачислить ослушников в Казачью бригаду, после чего они немедленно же ушли опять в Хой и Азербайджан. Насколько эти *мухаджиры* надёжные слуги Е.В. Шаха и насколько в минуту надобности на них рассчитывать, ещё яснее видно из того, что, когда я, приняв год тому назад бригаду, со своей стороны вызвал их из отпуску, послав им строгое предписание явиться в намерении заставить их, наконец, служить в бригаде, они не только не явились, но даже не удостоили меня ответом и преспокойно остались по домам, потому только, что это – *мухаджиры*.

Таким же непониманием воинской дисциплины *мухаджиры* отличаются не только в отпуску, но даже во время состояния их на службе, т.е. на глазах, и с ними вечно приходится возиться, укрощая непокорных и строптивых: лошадь *мухаджир* покупать уклоняется, а казённую чистить не хочет; от работ в казарме и лагере отказывается, в крайности предлагая нанять за себя волонтёра или подёнщика; от караулов вечно уклоняется; если *мухаджир* курит терьяк¹⁹, то тоже безнаказанно – и всё это потому только, что *мухаджиров* исключить из бригады нельзя.

И как ни бились до сих пор все полковники, они всё-таки никак не могли внушить *мухаджирам* тех правильных понятий о воинской дисциплине, которые в то же время вполне охотно и легко усваиваются при тех же требованиях волонтёрами, лишь потому, что *мухаджиры*, сознавая, что Правительство смотрит на них иными глазами, позволяют себе слишком много. Отсутствие права у командира бригады представлять к исключению негодных *мухаджиров*, замещая их достойными по нравственности и вполне способными к кавалерийской службе, подрывает в глазах казаков значение полковника и растлевающим образом действует и на волонтёров, которые, глядя на *мухаджиров*,

во-первых, при случае сами пробуют брать с них пример, а во-вторых, совершенно основательно завидуют неприменимым на регулярной военной службе наследственным правам *мухаджиров*, которые как строевые казаки не только ничем не лучше, но, зачастую, гораздо хуже волонтёров.

Таким образом, Казачья бригада однородна лишь по своему наружному виду. На самом же деле по своему внутреннему устройству она распадается на две если не враждебные, то уж, во всяком случае, и не дружественные части. При подобных условиях не может быть и речи о духе части, о братском единении, круговой поруке – всё том, что существует, однако, у персидских *сарбазов* и артиллеристов.

Накапливаясь из года в год, в бригаде образовалось целое полчище пенсионеров, калек, больных, хромых, слепых, дряхлых, глухих, убогих, вдов, сирот, женщин, младенцев. Остановить этот наплыв нет никакой возможности, ибо полковник лишён [права] исключить и принуждён держать в бригаде совершенно неспособных к военной службе *мухаджиров*, от которых бригада не может отделаться даже и после их смерти, так как *мухаджирское* жалованье наследственно, и потому вместо выбывающего или умирающего *мухаджира* на смену ему всегда являются в бригаду его родственники. Но если бы у умершего *мухаджира* даже и никого не было, выдумывают и подыскивают для него наследника-заместителя, и таким образом все *мухаджиры* бессмертны.

При этом явилась новая несообразность, которая, в конце концов, грозит поглотить весь бригадный бюджет. Многие из *мухаджиров* при вступлении в бригаду принесли своего коренного *мухаджирского* содержания очень немного; умирая же или уходя из бригады, они уносили с собою, обращая в наследственную пенсию, не одно только своё коренное *мухаджирское* жалованье, но и всё то, что бригада доплачивала им [из] своего собственного бригадного бюджета, куда они состояли на казачьей службе.

Конечно, полковники, ограждая бригадный бюджет от явного расхищения, стали

протестовать. Тогда было введено следующее положение: вместо каждого вновь умершего или выбывшего *мухаджира* зачислять на его место одного казака, вычитая из содержания умершего *мухаджира* содержание одного простого казака, а остальное обращая в пенсию наследникам *мухаджира*. Не знаящим дела близко на первый взгляд может показаться, что бригада, как будто, ничего и не теряет: офицер ушёл, на его место зачислен простой казак – значит, число людей в бригаде по счёту остаётся одно и то же. Но на самом деле для бригады выходит огромный убыток. Например, какой-нибудь *сартин*, вступив в бригаду 12–15 лет тому назад нижним чином, принёс своего *мухаджирского* жалованья 100 *туманов* в год. В бригаде ему постепенно надбавили из бригадного бюджета 400 *туманов*, что с первоначально принесёнными им 100 *туманами мухаджирскими* составило 500 *туманов* в год. Умирая, он уносит из бригады уже не свои только 100 *туманов* коренного *мухаджирского* жалованья, а все 500 *туманов*, из коих бригада имеет право вычитать только 78 *туманов* на содержание одного казака, а остальные 422 *тумана* принуждена ежегодно целиком выплачивать наследникам *сартину*, теряя таким образом все 400 *туманов* из своего собственного бригадного бюджета.

А между тем, на самом деле всё надбавленное вышеупомянутому *сартину*, или вообще всякому *мухаджиру*, жалованье из бригадного бюджета после его смерти должно было бы целиком оставаться в бригаде же, а содержание одного казака вычитаться из одного только коренного *мухаджирского* содержания, первоначально принесённого в бригаду. Таким образом, в данном случае: 78 *туманов* следовало бы вычесть из первоначально принесённых коренных *мухаджирских* 100 *туманов* и только 22 остающихся *тумана* обратить в пенсию наследникам умершего *мухаджира*. Ясно, что в первом случае бригада теряет своих собственных 500 – 100 = 400 *туманов*; во втором случае ничего бы не потеряла.

К этому присоединилось ещё и другое положение для наследников *мухаджиров*,

ещё менее применимое на регулярной военной службе и являющееся ещё более несправедливым и обидным в глазах волонтеров, несущих службу несколько не меньше и не хуже *мухаджиров*: если у *мухаджира* остался сын, годный к службе – мальчик или взрослый, это безразлично – он заступает вместо своего отца, получая по наследству и всё отцовское жалование. Таким образом, выходит, что, если отец был генерал, а его сын, хотя в бригаду и поступает и простым казаком, но этот самый простой казак, нередко ещё и мальчишка, получает сразу генеральское жалование?!

Причина всех вышеизложенных ненормальностей объясняется крайне просто тем, что самое положение о наследственных пенсиях *мухаджиров* на первых же порах не было вполне определённо выработано и установлено законом.

И не один, а много подобных *сартипов*, *серхенгов* и *наибов* (генералов, полковников и об[ер-]офицеров) уходили и уходят из бригады, причём почти каждый уносит с собою большую или меньшую частицу военного бригадного бюджета. А так как с каждым годом умирающих и выбывающих из бригады стариков накапливается всё более и более, то и бюджет бригады тает всё быстрее и быстрее, и при дальнейшем существовании теперешней системы недалеко то время, когда содержание стариков и пенсионеров будет поглощать весь бюджет бригады, а боевую силу – строевых казаков и молодых способных офицеров – не на что будет и содержать.

Но не одни только *мухаджиры* – многие, и не будучи вовсе *мухаджирами*, попадали в пенсионеры и, уходя из бригады, также уносили с собою не только то жалование, которое им во время их состояния на службе в Казачьей бригаде платила бригада, но некоторые прихватили даже и *джире* (суточные), и фуражные, которые они получали в минуту их ухода из бригады, обратилось в потомственные пенсии их самих и их наследников²⁰. И Правительство само вынуждает выплачивать им ежегодно из собствен-

ного бригадного бюджета всё то, что они получали, состоя в бригаде.

Вот список этих лиц.

1. Аdjутант-баши (начальник Главного Штаба – бывший командир 1го полка) – 1240 т.

Мир-пандж (генерал 1го класса Кяримхан Муназем-эс-Салтанэ («приводящий в порядок государство») – бывший к-р 2го полка – 1040 т.

Серхенг (полковник) Насиб-Ага (из Казахского уезда) – бывший командир эскадрона 2го полка, ныне в составе гулямов Мансур-Магдие – 336 т.

Наследники бывшего письмоводителя 1го полка Мирза-Абдуль-Рахман-хана – 120 т.

Наследники *сартипа* Мамед-Али-хана (бывшего командира дивизиона 2го полка, умершего в командировке в Тавризе), за вычетом 64 *туманов*, составлявших по тогдашнему курсу содержание одного казака (теперь 80 *туманов*) – 332 т.

Наследники *наиба* 2го ранга (хорунжего) 1го полка Асад-Ага-Джафар-Кули-Султана, за вычетом 84 *туманов* – 36 т.

2. Прикомандированные к начальнику военных складов Гаджи-Эмин-эс-Салтанэ: *наиб-серхенг* (подполковник) Мирза-Алихан, состоявший при штабе бригады – 264 т.

Наследники *наиб-серхенга* (подполковника) Ага-бека (бывшего к[оманди]ра 3го эскадрона 1го полка) – 170 т.

Наследники *наиба* 2го ранга (хорунжего) 2го полка Мамед-хан-Азиз-хана – 120 т.

Наследники *наиба* 2го ранга 1го полка Пир-Мамед-бека – 120 т.

Явер (майор) 2го полка Аббас-бека – 204 т.

Наиб 3го ранга (подхорунжий) 1го полка Аллах-Верды-султан – 96 т.

Гвардейского эскадрона *наиб* 2го ранга Иса-хан – 96 т.

Гвардейского эскадрона *наиб* 2го ранга Муса-хан – 96 т.

3. Находящиеся в командировке в Кермане:

Сартип 2го ранга (генерал-майор) Гамим-хан, бывший *векиль-чап* (младший урядник гвардейского эскадрона) – 69 т.

Наиб 3го ранга (подхорунжий) 2го полка Ягья-бек, ныне по производству в Кермане, *явер* (майор) – 96 т.

На двух казаков 1го полка и на двух казаков 2го полка (всего на четырёх казаков), считая по 56 т. 2 *крана* и 10 *шай* на каждого (всё их содержание, кроме обмундирования), унесено из бюджета бригады и переведено на керманский *магал* – 225 т.

4. 1) *Наиб* 1го ранга (сотник) 1го полка Ага-Шуджа, находящийся в командировке в Мазандаране – 120 т.

2) Находящийся в командировке в Мешхеде *векиль-чап* (младший урядник) гвардейского эскадрона Измаил-бек-Кули-хан – 57 т. 6 кр.

3) Письмоводитель бригады Мирза-Шукрулла-хан – 120 т.

5. Переведённые в Азербайджан на нижепоименованных чинов:

гвардейского эскадрона *наиба* 2го ранга (хорунжего) Али-Наги-бека – 50 т.

векиль-раста (старшего урядника) 1го полка Аллах-Верды-б[ека] – 20 т.

векиль-баши (вахмистра) гвардейского эскадрона Назар-Али-бека – 20 т.

векиль-чапа (младшего урядника) гвардейского эскадрона Мугб-Али-бека – 20 т.

векиль-чапа (младш[его] урядн[ика]) 1го полка Вали-хана – 20 т.

векиль-чапа (младш[его] урядн[ика]) гвардейского эскадрона Самад-бека – 10 т.

Казака 1го полка Мамед-Наги-хана – 10 т.

Всего

5227 т. 6 кр.

Разобраться в этой сумме и отделить вполне верно собственное жалование, принесённое некоторыми из вышеупомянутых чинов при вступлении их в бригаду, от добавленного им из бригадного бюджета самому полковнику нет никакой возможности: это может сделать само Персидское Правительство. Если бы оно отделило от бригадного бюджета всё наследственное, принесённое в бригаду, а отдало бы бригаде всё то, что было унесено из бригадного бюджета, это сразу возвратило бы бригаде несколько тысяч *туманов*. Бесспорно, что

офицеры, прослужившие несколько лет, заслуживают вознаграждения за службу в виде пенсии, в зависимости от числа прослуженных ими лет и от заслуженного ими чина. Но эту пенсию в состоянии давать никак не сама бригада, в бюджете которой каждый *кран* рассчитан и уже предназначен на свои собственные бригадные надобности, а только само Правительство, которое должно позаботиться о том, чтобы инвалидов и их наследников и наследниц отделять от конных казаков – элемента исключительно боевого и строевого, – а для обеспечения их изыскивать иные источники, помимо бригадного бюджета.

Каждый *кран*, уносимый в пенсию, уменьшает бюджет бригады. Соблюдение же баланса в бригадном бюджете в том только случае и возможно, если всё то, что уносится из бригады, будет немедленно же возмещаться Правительством. Но так как это не соблюдается и Правительство только берёт из бригадного бюджета пенсии, а вместо взятого решительно ничего не возвращает, то чистый бюджет бригады неудержимо уменьшается с каждым годом.

Вследствие существования такой системы выигрывают только старики, уносящие пенсии, и их наследники. Но для повышения в чинах молодых, способных и вполне достойных офицеров и казаков в бригаде уже не остаётся никаких источников для прибавки жалования и, таким образом, в результате выходит, что никуда не годные выигрывают, а достойнейшие остаются без всякого поощрения. Сама же бригада страдает и за тех, и за других.

Штаты

Определяющие в Казачьей бригаде число офицеров и, в зависимости от этого числа, количество ежегодно ассигнуемого на офицеров содержания до сих пор не были установлены законом, вследствие чего офицеров накопилось с лишком вчетверо больше, чем нужно бригаде и чем может выдержать её бюджет. Бригаде потребно всего 40 офицеров, а между тем в ней накопилось

уже 173 офицера и 108 пенсионеров, т.е. 281 человек, стоящих бригаде совершенно непроизводительно 31560 *туманов* ежегодно, что составляет треть всего годового бюджета бригады!

Необходимо не только остановить, но и уничтожить это чрезмерное переполнение бригады офицерами, немедленно же убрав из бригады 133 излишних офицера, оставив в ней только 40 офицеров, согласно штата, приложенного в конце этого рапорта.

А между тем и до сих пор всё производят да производят, всё прибавляют да прибавляют офицеров. Одних генералов в бригаде накопилось 27, тогда как их нужно всего 4.

Единственная возможность пресечь подобные порядки, это:

1. Установить чин, выше которого ни один из служащих в бригаде достигнуть не может. Производством же в этот чин офицер должен получать от Правительства другое назначение и обязательно уходить из бригады.

2. В штаб-офицеры производить не иначе как по представлению полковника приказом военного министра, и притом только на имеющиеся в бригаде штаб-офицерские вакансии.

3. В обер-офицеры производить только на открывающиеся вакансии, и притом не иначе как из своих же казаков по избранию достойнейших исключительно полковником.

4. Приём на службу в бригаду офицерскими чинами, безусловно, невозможен. Служебное положение приобретает лишь личными заслугами в своей части, а никак не на стороне и тем более не по наследству. До настоящего же времени в бригаду зачислялась масса лиц прямо офицерами: не пройдя регулярной кавалерийской службы в низших чинах, они в большинстве случаев решительно никуда не годятся.

Многие, уйдя несколько лет тому назад урядниками, совершенно неожиданно возвращаются в бригаду офицерами и даже генералами. Независимо от подрыва дисциплины и прямого нарушения власти командира бригады возбуждается совершенно естественное неудовольствие среди всех остальных

чинов бригады, которые, неся всё время действительную казачью службу, далеко обходятся в чинах своими бывшими подчинёнными, которые приобретают чины обыкновенно по протекции и по личным симпатиям гражданских губернаторов, а не по представлению военному министру своего прямого начальника – полковника.

5. Производство должно быть установлено один раз в год – всего удобнее после осеннего смотра Е.В. Шаха.

6. Как оклад жалованья, так равно и столовые и фуражные, соответственно известного чина и занимаемой должности, а равно и всё прочее довольствие, должны быть строго точно определены и утверждены Правительством, не завися, таким образом, от случайности и личного произвола. А между тем в бригаде есть простые казаки-*мухаджиров*, получающие содержание больше штаб-офицеров, и обратно – генералы, получающие меньше обер-офицеров. И во всём 3^м полку не найдётся двух *мухаджиров*, получающих совершенно одинаковое содержание.

7. При достижении установленного предельного возраста (50 лет для обер-офицеров, 55 лет для штаб-офицеров и 60 лет для генералов) или при неспособности к дальнейшему продолжению строевой службы на коне генералов и штаб-офицеров увольнять по представлению полковника военному министру, а обер-офицеров и нижних чинов – приказами по бригаде.

8. *Мухаджиров* с их особыми правами и преимуществами, не применимыми на регулярной военной службе, могут существовать только как совершенно отдельная часть и притом под управлением своих же родовых начальников-*мухаджиров*. Поэтому *мухаджиров* должны быть совершенно отделены от Казачьей бригады и в зависимости от того решения, какое угодно будет принять самому Правительству:

а) или образовать совершенно отдельный полк;

б) или быть распределёнными в качестве инструкторов между гулямами и другими иррегулярными конницами;

в) или, наконец, быть употребляемы для командировок в различные провинции, где могут принести весьма большую пользу.

А вместо *мухаджиров* мы, если нужно, в три или четыре месяца можем не только сформировать, но и обучить отличный конный полк из волонтеров, численностью в столько казаков, на сколько только будет угодно Е.В. Шаху отпустить нам денег. Содержание же волонтеров значительно дешевле, чем теперешних *мухаджиров*, что ясно видно из штатов, приложенных в конце этого рапорта.

Финансы

Заготовка фуража должна производиться сразу на весь год осенью, вслед за уборкою жатвы. Для этого бригаде потребно сразу несколько тысяч *туманов*, чтобы не пропустить благоприятного времени и своевременно раздать помещикам задатки. Но Правительство по несколько месяцев задерживает деньги, вследствие чего:

1. Фураж приходится заготавливать не сразу на целый год, когда он дешёв, но по мере получения денег, в самое дорогое и неудобное для доставки в казарму время – и бригада терпит огромные убытки.

2. Те же самые убытки ей приходится терпеть и при заготовке каменного угля, кerosина, обмундирования и проч.

3. Бригаде на несколько месяцев задерживают выдачу денег, а между тем людей и лошадей кормить надо: казаки, которые не связаны никакими обязательствами и каждую минуту имеют полное право потребовать расчёта и уйти из бригады – только тогда и служат верно и готовы идти за начальником в огонь и воду, когда им исправно платят всё положенное от казны. Поэтому, чтобы не потерять уважения и преданности среди казаков и не возбуждать в них явного, отнюдь не скрываемого и несогласно[го] с понятиями об истинной и твёрдой дисциплине неудовольствия казаков, единственным выходом является заём денег у ростовщиков на ужасные проценты, которые принуждена уплачивать сама бригада из своего бригадного же бюджета.

4. Казачьи офицеры – люди и без того крайне бедные – не получая своевременно содержания, тоже принуждены брать деньги на % и тем уже окончательно разоряться; а когда некоторым офицерам положительно нечего есть, опять-таки всё той же бригаде приходится из своего бюджета помогать этим нищим и платить также и за них % ростовщикам.

5. Никакие правильные сметы на предстоящие хозяйственные нужды не могут быть заранее исчислены, так как никогда не известно, когда именно будут получены деньги и сколько именно.

6. А между тем, бригада, кроме жалованья, фуража и хозяйственных нужд, имеет массу расходов, на которые никакого отпуска от Правительства не полагается, но которые бригада обязательно должна производить. Не считая всего, достаточно упомянуть:

1. Содержание лазарета, докторов, помощь неимущим и трудно больным (одному *сартипу* Гулам-Гусейн-хану в истекшем году более 100 *туманов*);

2. *Анамы* (наградные, подарки) всей бригаде за Высочайшие смотры, парады, манёвры, встречи, проводы (на *анамы*, на кузнецов, на больных, на поощрения и проч. Правительство положило всего 800 *туманов*. А между тем, одни кузнецы иковка лошадей, как собственных казачьих, так равно казённых и артиллерийских, поглощают более 600 *туманов*) и проч., и проч., и проч.

3. Лагерные суточные офицерам, живущим в лагере (по бюджету всего положено 400 *туманов*, а на самом деле выходит более 1000 *туманов*);

4. Добавочное *джире* (суточное довольствие) людям и добавочный ячмень всем лошадям во время лагеря, а казённым и артиллерийским лошадям – круглый год.

Вследствие вышеизложенных задержек и неправильностей²¹ при получении денег тратится, безусловно, непроизводительно такая куча денег и средств, которые бригада [при] установлении правильной получки денег употребляла бы на доведение своего устройства до образцового во всех отноше-

ниях состояния, вместо того чтобы вечно изворачиваться, не разгибаясь день и ночь над денежными счетами и расчётами. В бригаде только тогда и можно будет установить прочный непоколебимый порядок и быть вполне уверенным, что в каждую данную минуту и офицеры, и казаки пойдут за своим командиром всюду, куда он их поведёт, и тем исполнят свой долг и назначение, когда финансы бригады будут вполне упорядочены и она будет получать деньги из банка новыми *кранами* в точно определённые и никогда не изменяющиеся сроки, за один месяц вперёд, как это и было первоначально установлено и действительно выполнялось при полковнике Домантовиче.

В настоящее же время, прежде чем получить деньги, приходится целыми месяцами унижаться перед кредиторами и ростовщиками; а когда и выдаёт, наконец, Правительство *берат* (ассигновку) на деньги, мы самих денег всё-таки не можем получить прямо в руки, а принуждены по целым неделям собирать их по базарам у различных мелких должников Правительства, платя при этом ещё за промен и просчёт и нанимая на бригадный счёт особого делопроизводителя, специалиста по ведению учёта базарных операций и распознаванию фальшивых денег, так как старые *краны* почти наполовину – поддельные.

Возвращение 16854 туманов

Персидское Правительство возвратило бюджету бригады 16854 тумана на условиях в действительности невыполнимых, так как прибавка эта, при точном выполнении поставленных условий, неизбежно должна повлечь за собою образование дефицита в 7146 туманов ежегодно, что ясно показывает следующий простой арифметический расчёт. Правительство обязано на 16854 тумана содержать 300 новых конных казаков. Но каждый конный казак кругом при полковнике Шнеуре (согласно сметы, утверждённой самим Е.В. Шахом) обходился [в] 76 туманов, а в настоящее время (вследствие сильного падения курса) обходится ровно [в] 80

туманов. Следовательно, на 16854 тумана возможно содержать только $16854:80 = 210$ новых конных казаков, то есть на 90 казаков менее, чем обязали бригаду. Содержание 300 конных казаков стоит $300 \times 80 = 24000$. Приводя вычитание, получим: $24000 - 16854 = 7146$ туманов, которых и не хватает ежегодно бригаде для содержания полных 300 человек, и, следовательно, должно повлечь за собою ежегодный дефицит в 7146 туманов.

Так как ошибочность расчёта в данном случае совершенно очевидна, то для устранения этой ошибки Персидскому Правительству остаётся или:

1) продолжая добавлять бригаде 16854 тумана, требовать содержания на эти деньги только 210 новых казаков, или

2) требовать содержания 300 новых конных казаков, но тогда отпускать на них уже не 16854 тумана, а 24000 туманов, т.е. на 7146 туманов больше, чем теперь.

Но денег этих в действительности Персидскому Правительству добавлять не придётся, так как они с избытком могут быть пополнены из содержания 133^х излишних офицеров бригады.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 242–248²². Копия

Примечания

¹ 22 февраля 1894 г. В.А. Косаговский был назначен на должность заведующего (или как тогда писали «заведывающего») обучением Персидской кавалерии Генерального Штаба в Иране, встав во главе «Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады». 17 апреля 1894 г. В.А. Косаговский был произведён в чин полковника, а 27 апреля того же года выехал в Тегеран (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 13–13об.). В этой стране Косаговский служил до 1903 г. Именно на период его командования бригадой приходится целый ряд заметных событий в истории Ирана, наиболее значительным из которых было убийство Насер ад-

Дин-шаха (правил 1848–1896) в 1896 г. и воцарение шаха Музаффар ад-Дина (правил 1896–1907). Официально В.А. Косаговский был отозван из Тегерана 30 сентября 1902 г. с последующим прикомандированием к Главному штабу для обработки собранных им материалов по Персии. Фактически же он выехал из Персии 10 апреля 1903 г. (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 2об.).

² На момент назначения главой военной миссии подполковник Генерального штаба Алексей Иванович Домантович служил в казачьей кавалерии уже 12 лет и досконально знал все её особенности (см.: *Красняк О.А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии. М., 2007. С. 72).

³ Майдан-е машк (букв. «площадь для занятий, учебный плац») находилась на севере тегеранского Арка (Арк-е Салтанати). Впоследствии здесь были возведены здания Министерства иностранных дел, Почтового управления, Главного управления полиции, Генерального Штаба и др. Площадь имела длину 216 м (*Шахиди-Мазандарани Х.* Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 111, 141).

⁴ Хаджи Мирза Хасан-хан Мушир ад-Доуле (род. 1830). Его отец был приближённым Рукн ад-Доуле, сына Фатх-‘Али-шаха (правил 1797–1834). Некоторое время учился в Европе, где особых знаний не получил, но немного выучил французский язык. Тем не менее, Хасан-хан обладал хорошими способностями и исключительным трудолюбием, что позволило ему занимать высокие государственные посты (в частности, главнокомандующего иранской армией) и выполнять особые поручения во время заграничных командировок. Во время визита Домантовича в Иран Хасан-хан возглавлял Министерство иностранных дел. Был отравлен по приказу шаха в 1881 г. (*Мирзаи М.* Тарихче-йе бригад ва дивизиун-е казак (аз колонель Думантувич то Резахан Мир-пандж). Джелд 1. Техран, 1383/2004. С. 68, прим. 1).

⁵ Мирза Ахмад-хан ‘Ала ад-Доуле с 16-летнего возраста возглавлял несколько отрядов личной конницы шаха, в частности «Махдийе» и «Мансур», а к 1882 г. количество всадников, находившихся под его началом, достигло 3000 (в этом же году он был удостоен чина *амир туман*). В 1907 г. ‘Ала ад-Доуле был схвачен по приказу Мухаммад-‘Али-шаха (правил 1907–1909). В 1911 г. был застрелен у своего дома на

улице Фердауси (бывшая ‘Ала ад-Доуле) в Тегеране – националисты обвиняли его «в близких сношениях с императорской миссией и в посредничестве между последнею и бахтиарами» (*Шитов Г.В.* Персия под властью последних Каджаров. Л., 1933. С. 156).

⁶ И просто опасавшегося серьёзного ослабления собственных позиций после создания казачьей бригады.

⁷ Полковник Пётр Чарковский был вторым командиром Казачьей бригады (1882–1885) (см.: *Красняк О.А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. С. 78–80).

⁸ Камран-мирза Наиб ас-Салтане (1855–1928) был третьим сыном Насер ад-Дин-шаха. Он занимал должности «военного министра и главнокомандующего победоносной армией» (с 1880 по 1896 г.), а также губернатора Тегерана (с 1861 г.). Кроме того, в его ведении находился ряд других губернаторств (подробнее см.: *Бамдад М.* Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Джелд 1–4. Тегеран, 1966–1968. Ч. 3. С. 149–161; Всеподданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 21–22; Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 84–86).

⁹ Так, 17 мая 1895 г. Косаговский отметил в своём дневнике: «Пико предложил проект формирования *мухаджирской* конницы. Меджд-эд-Доулэ обещал Н[аибу]-эс-С[алтанэ] выпросить у шаха 40-тысячный бюджет и мало-помалу создать новую и задавить нашу теперешнюю бригаду» (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 112об.).

¹⁰ Мирза ‘Али-Асгар-хан, последовательно обладавший почётными титулами Сахеб-е джам, Амин ал-Мульк, Амин ас-Султан и Атабек-е а‘зам, был вторым сыном Ибрахима Амин ас-Султана. Занимал должность премьер-министра (*садр-а‘зам*) при Насер ад-Дин-шахе, Музаффар ад-Дин-шахе и Мухаммад-‘Али-шахе. Родился в 1858 г., убит 30 августа 1907 г. (21 раджаба 1325 г. л.х.) жителем провинции Азербайджан ‘Аббас-аккой (подробнее см.: *Бамдад М.* Шарх-е хал-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Джелд 1–4. Тегеран, 1966–1968. Ч. 2. С. 387–425). А.Н. Куропаткин называет

Садр-А'зама «одним из наиболее симпатичных государственных людей Персии» и считает его самым «способным и искренним из них». Генерал отмечает ум, развитое чувство собственного достоинства и довольно высокие нравственные качества Садр-А'зама (Всепопданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году. С. 22–23). В своём «Дневнике» Куропаткин пишет: «Простились мы с Садр-Азамом очень тепло. Поцеловались трижды. Садр-Азам просил передать Государю, что пока он, Садр-Азам, жив, он будет отстаивать мир со всеми державами, но в особенности будет работать для поддержания дружеских сношений с Россией. Он прибавил, что однажды эти отношения нарушили (наглупил Долгоруков), но даже этот временный разлад принёс пользу, ибо послужил уроком, после которого стала ещё очевиднее необходимость поддерживать дружеские отношения с Россией» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. л. 94об.–95. См. также: Всепопданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году. С. 18). Надо сказать, что как сторонник России Садр-А'зам оказал немалую поддержку В.А. Косаговскому, чем заслужил защиту последнего в дни опалы.

¹¹ Полковник Николай Яковлевич Шнеур (1848–1894) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба, бывший военный агент в Китае (1883–1886), командовал Персидской казачьей бригадой в период с января 1890 г. по май 1893 г. При нём, в частности, для персидской артиллерии были закуплены лошади из России (см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 273; *Красняк О.А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии. С. 81).

¹² Ротмистр 33 Драгунского Изюмского Его Королевского Высочества Принца Генриха Прусского полка, командир 3-го эскадрона, кавалер ордена Св. Станислава 3 ст. (25 дек. 1891 г.), Владимир Карлович Бельгард был предшественником В.А. Косаговского на посту командира Персидской казачьей бригады. Именно его можно считать зачинателем подлинных преобразований, позволивших вывести Бригаду из кризиса. Он родился 1 июля 1863 г. Происходил из дворян Великого Княжества Финляндского, православный. Окончил Пажеский корпус по первому разряду и Николаевскую Академию

Генерального Штаба по второму разряду (1889 г.). Поступил в Пажеский корпус 25 августа 1868 г., 10 января 1883 г. переведён в камерпажи, 12 августа 1883 г. произведён в корнеты, 14 марта 1885 г. переведён в 33 Драгунский Изюмский полк поручиком, 26 февраля 1887 г. произведён в штаб-ротмистры. По окончании Николаевской академии Генерального штаба отправлен в распоряжение Штаба Киевского военного округа. 22 августа 1890 г. назначен ординарцем к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу старшему на всё время маневров. 18 сентября 1891 г. командирован в переменный состав офицерской кавалерийской школы для прохождения курса эскадронных командиров. 2 февраля 1891 г. произведён в ротмистры. 20 августа 1891 г. успешно окончил школу по отделу эскадронных командиров. 15 сентября 1891 г. назначен командовать 3 эскадроном (утверждён 22 августа 1892 г.). На 26 сентября 1892 г. был холост, недвижимого имущества не имел, под судом не был, наказаниям не подвергался, в делах против неприятеля не участвовал, особых поручений не имел (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 50–55).

¹³ Имеется в виду Евгений Карлович Бюцов (1837–1904), исполнявший обязанности русского посланника в Тегеране с 1889 по 1897 г. Отношения полковника Косаговского и Е.К. Бюцова не сложились, в том числе и потому, что последний был сторонником предыдущего командира Казачьей бригады ротмистра Бельгарда и приложил все усилия для того, чтобы не допустить появления Косаговского в Тегеране. Косаговский же не преминул оставить в своём «Дневнике» несколько колких замечаний о Бюцове: «Посланник, как выкрест, особенно сильно стоит на страже всех религиозных празднеств, ибо, по удивительному выражению персов, “горшок горячее шей”... Посланник всего только два года тому назад, на 55^м году жизни, отрёкся от лютеранства и принял православие, сделавшись самым завзятым русаком – Евгений Карлович Бюцов!!!!!» (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35).

¹⁴ «В таком случае нам должно быть отведено место за Юсуф-Абадскими воротами или где-нибудь в другом месте, чтобы учиться совершенно отдельно: даже я, бригадный командир, не могу стеснять свободы эскадронных и полковых командиров и должен лишь от времени до времени проверять ход обучения. Военный же министр за весь год должен видеть

казаков в общем бригадном сборе – два, много три раза. Равным образом немедленно же должно быть отведено место для лагерных занятий, которым мы могли бы пользоваться всегда беспрепятственно, а не выжидать, покуда засеют, а потом сожнут и затем уберут хлеб» (Л. 1об.).

¹⁵ «Для этого я сам должен сделать переборку, выделив одних лишь надёжных» (Л. 1об.).

¹⁶ «Для этого дурацкие дефиле и Майдан-Машк должны быть совершенно забыты и ход обучения должен быть всецело предоставлен мне одному где-нибудь за городом, в совершенно отдельном месте, не на глазах Н[аиба-]эс[Салтанэ] и тем более – толпы европейцев» (Л. 2).

¹⁷ «Напр[имер], оказывают давление на шахсеван, принуждая их выйти в отставку ради того только, что Шааб-уль-Мульк – человек сильный, его боятся задеть, а полковника лишают лучших казаков и, кроме того, дискредитируют его значение в глазах всей бригады и народонаселения, которое уже, не доверяя власти п[олковника], не хочет вступать в бригаду – и идёт в бригаду лишь бездарная голодная сволочь, которой негде преклонить голову. А состав гулямов гораздо лучше именно потому, что раз он сделался гулямом Шаха, его поддерживает само Правительство во всех его исках и тяжбах. Прошу опросить всю бригаду, удовлетворены ли офицеры и казаки во всех их, безусловно, законных исках. Ни одной кражи полиция не желала разыскать и, в конце концов, каждый раз сама бригада должна была уплачивать пострадавшим; а переписки масса, отнимая у нас массу времени. Мустафа-Кули-хан, *ильбеги* шахсеван, убил лошадь [неразборчиво] казака 7–8 месяцев тому назад, и до сих пор казак не удовлетворён, несмотря на целый ряд моих заявлений Векиль-эд-Доулэ и самому Н[аибу-]эс-Салт[анэ]» (Л. 2).

¹⁸ «В последнее же время полковника стали стеснять даже и по отношению к волонтёрам, заставляя принимать в бригаду так[их] известных

преступников и негодяев, как, например, Раджаб-Али-бек, исключённый за несвоевременную доставку официальной ноты турецкому послу по просьбе министра иностр[анных] дел и потом по просьбе того же министра иностр[анных] дел и Мушир-уль-Мулька вновь зачисленный в Бригаду. Прежние проступки: дезертирство к Зели-Султану в Исфаган, грубости и оскорбления, нанесённые Азэд-эль-Мульку, дяде Шаха, подложная женитьба на невесте другого, *нешехмета* (пишхедмата. – *Б.Н.*) телеграфной станции, сводничество во временной командировке при Министерстве иностранных дел. Недостатки: 1) слепой, 2) лошадь совершенно негодна, 3) вечно уклоняется от всякой службы, – словом, собрание всех пороков. Еврей может развестись с женою в том случае, если у неё нет ни одного достоинства. Но если есть хоть одно, он не может развестись. Но если бы у еврея была такая жена, как Раджаб-Али-бек – и еврей мог бы развестись с нею.

Летом 1⁹¹¹ секретарь Министерства иностранных дел прислал мне *дестихат* Садр-Азама на производство двух негодяев казаков, состоящих при Мин[истерстве] ин[остранных] дел, с дерзким требованием произвести их немедленно в силу приказа Садр-Азама. Оказалось, что секретарь наврал, ибо в своём *дестихате* Садр-Азам писал только: «Если это не противоречит военным законам и порядкам (казака Касым-Али-бека реби-эль-аввеля 1312 года)». Три дня тому назад Низам-уль-Мульк потребовал признания *наибск[ого]* диплома денщика своего сына, бывшего *векиль-раста* батареи, Аббас-Кули-хана» (Л. 2об.–3).

¹⁹ Опий-сырец.

²⁰ В тексте именно так.

²¹ В тексте *неправильностей*.

²² Черновой вариант и копия с пометами автора этого рапорта находится также в: АВ ИВР РАН Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1–31. Пометы В.А. Косаговского на полях копии рапорта № 7 приводятся в сносках с указанием только на номера листов.

